8/1991

ЭКО

ISSN 0131-7652

Динозавры должны уйти

К рынку на карачках

Лечение шоком

Как пишут законы

Брокерское место за миллион

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ...

Кажется, пора бы людям осознать, что сильные определения надо употреблять осторожнее. Но как яростно многие проклинают «период застоя», как одержимо призывают покаяться всех до единого — покаяться в том, что ты жил в те годы. Что ж, когда не живешь, а горишь — нет времени думать, поэтому часто и, видимо, не без основания новые деятели, как и старые, напоминают кукол-марионеток, которых дергают за веревки хитрые дяди, скрытые за ширмой. Да и какой текст произносить на таком публичном покаянии? Ведь люди-то разные. Большевистская нетерпимость — или-или — унаследована теперешними пламенными демократами от их предшественников — пламенных революционеров. Несчастные «горячие головы»! Покаяние — вещь сугубо интимная, коллективным оно быть не может. Иначе это напоминает широкомасштабные кампании эпохи застоя.

И в те времена были и думающие, и делающие дело. Не могу отнести к ним людей, представляющих властные структуры, и партийные, и советские, да и хозяйственные. Были, конечно, и среди них умные люди, но положение обязывало их объективно играть негативную роль в жизни общества. Нельзя было добраться до вершин власти, сохранив высокие моральные качества. Поэтому рассуждения о прогрессивном реформаторе Н. С. Хрущеве, довершившем на моей памяти крушение крестьянских традиций в деревне, может вызвать лишь ироническую улыбку. Говоря о делателях, я имею в виду прежде всего прогрессивных руководителей промышленных предприятий. Многие из них отошли от активной деятельности в начале бурного шестилетия, другие готовятся к пенсии.

Что видели они в своей жизни? О, многое! Были вызовы «на ковер» — в обкомы, горисполкомы, министерства; партийные взыскания (редко кто из прогрессивных руководителей избежал конфликтных ситуаций), перемежающиеся с правительственными наградами. В черных и голубых «Волгах» и самолетах многие из них провели времени больше, чем дома. Были ли они представителями системы? Конечно, как и все мы. Но прежде всего они были преданы делу. Конечно, бывали и они счастливы — прежде всего это ощущение было связано с сознанием выполненного долга. «Я должен...» А размер этого долга каждый определял для себя сам.

И вот сегодня они уходят, покидают свои кабинеты. Ушел Герой Социалистического Труда Александр Николаевич Шкулов, с чьим именем долгие годы были связаны успехи Бердского производственного объединения «Вега». Ушел Герой Социалистического Труда Петр Петрович Потапов, директор Тюменского судостроительного завода. А вот совсем недавно — Валентина Сергеевна Соловьева, тоже Герой Социалистического Труда, основавшая и долгие годы руководившая Тираспольским швейным объединением, одним из лучших в стране, а в последние годы — генеральный директор совместного советско-бразильского предприятия «Старемо». Интересно, о чем писала в день ее ухода тираспольская городская газета? Как проводили ее женщины, которым она дала работу?

Почти физически ощущаешь, как с ними уходит время. Не нажившие больших денег, шикарных дач, они начинают строить свои жизни заново. Зачастую в забвении, зачастую, гордые по натуре, сами стремятся отрешиться от проблем предприятия, чтобы не рвать себе душу. И что бы ни говорили сегодня о демократизации управления предприятием, судьбы миллионов людей и сегодня, и завтра будут зависеть от того, кто пришел им на смену. Что будет двигать ими?

Л. ЩЕРБАКОВА

Учредитель: ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8 (206) 1991

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА
ВЫХОДИТ 12 РАЗ В ГОД

0131-7652. Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 6. 1–224.

Номер готовили:
Т. Р. Болдырева (ответственный секретарь), Т. М. Бойко, Г. М. Жвакина, В. С. Лавров, М. Н. Левина, Н. Н. Орлова, В. Г. Рубенчик, Г. М. Чеверда, Д. С. Шпильфойгель, Л. А. Щербакова

Иллюстрации художников Д. Залетова, М. Лобырева, Н. Олешко, Л. Петруневой, А. Шемонаева

Зав. редакцией З. Г. БАГЛАЙ
Корректор Н. В. МОЛИНА

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17
телефон (8-383-2) 35-67-83
Телефон московской редакции (8-095) 125-72-51
Корпункт в Магадане (8-412-22) 2-69-38

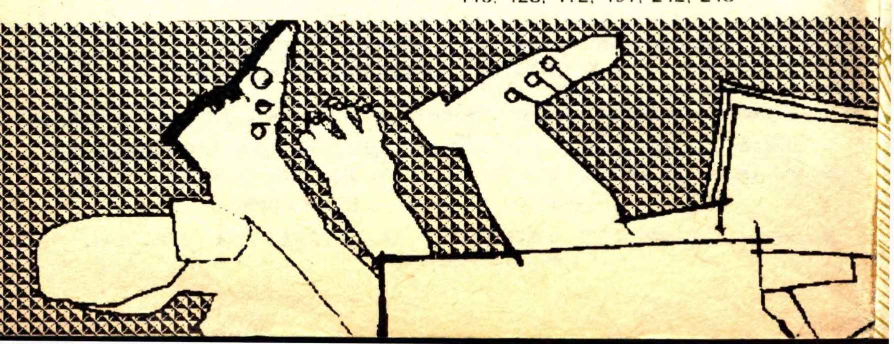
Ордена Трудового Красного Знамени Издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099 Новосибирск, Советская, 18.

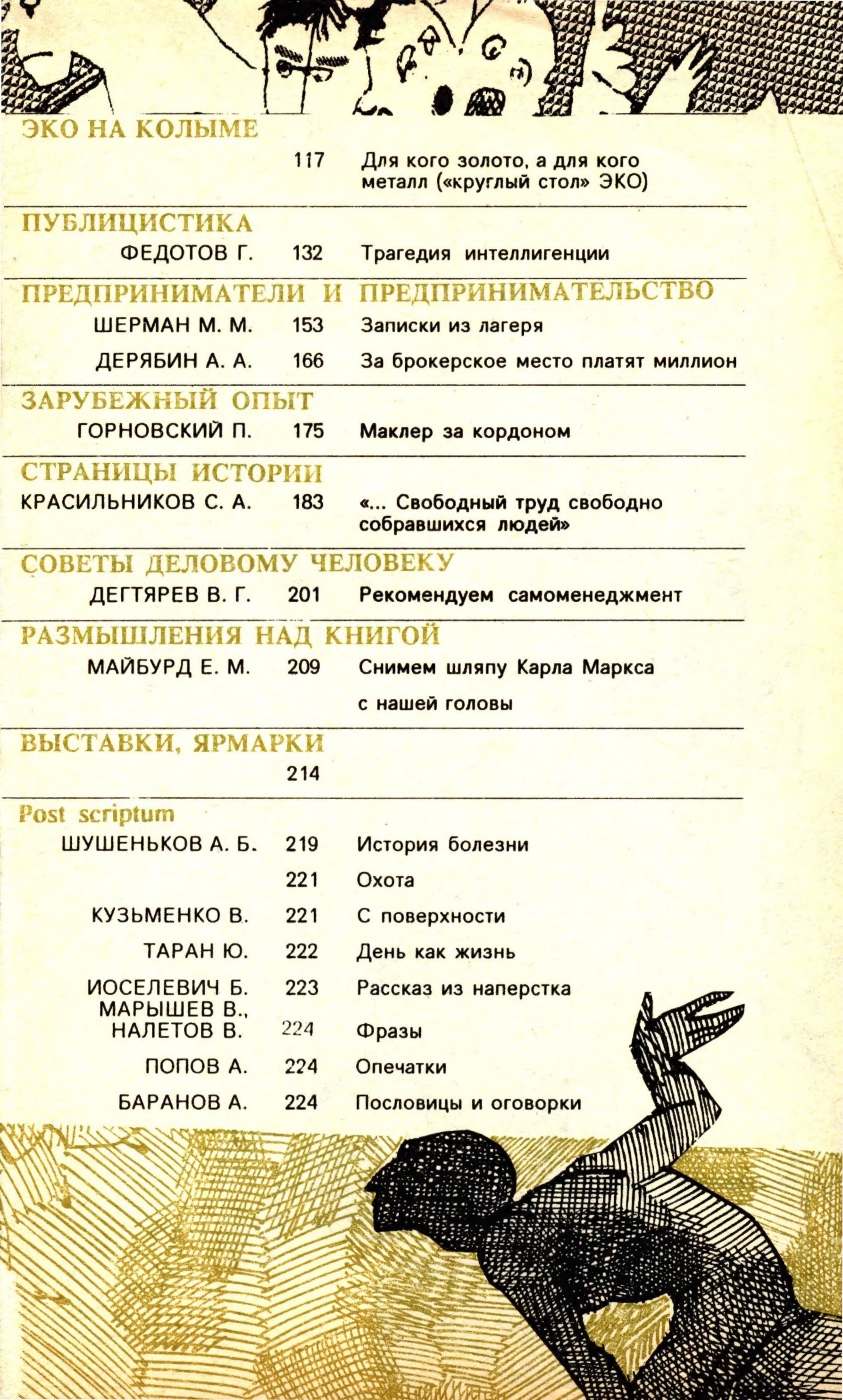
типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, Станиславского, 25.

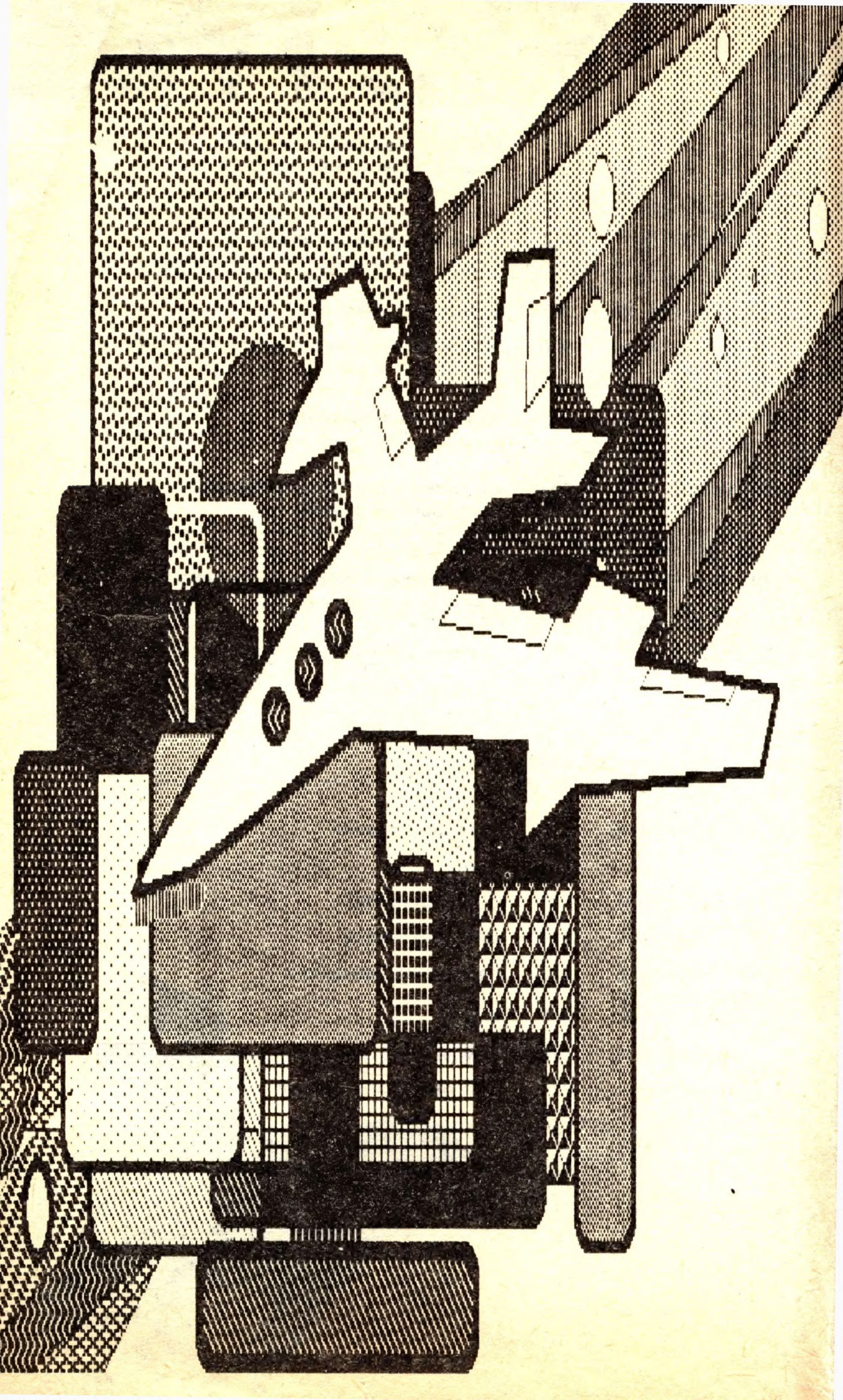
Подписано к печати 24.06.91. Формат 84 x 108 1/32. Бумага типографская №2. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,8. Усл. кр-отт. 15,79. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 94000. Заказ 857. Цена 1 руб.

Издатель: СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА», НОВОСИБИРСК

СОДЕРЖАНИЕ 8.91







ХРОНИКА ПЕРЕХОДНОГО ПИКИРОВАНИЯ

В. В. КУЛЕШОВ,
член-корреспондент АН СССР,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Заглянув в издания пятилетней и менее давности, я как бы почувствовал дыхание фантастики: настолько реальность не соответствовала нашим планам и прогнозам по Основным направлениям экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.

Рост национального дохода планировался почти вдвое, производительности общественного труда — в 2,3—2,5 раза. Темпы прироста национального дохода предполагалось повысить с 3,1% в среднем за год 11-й пятилетки до 5% в 14-й пятилетке.

М. С. Горбачев на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорил: «Повысились темпы прироста производительности труда. В среднем за последние два года они превысили среднегодовые показатели 11-й пятилетки... Темпы прироста промышленного производства в среднем за 1985—1986 гг. составили 4,4%, а сельского хозяйства — 3%. Положительная тенденция проявилась в такой важной и оказавшейся в тяжелом положении отрасли, как капитальное строительство».

То «тяжелое» положение, в частности с капитальным строительством, сегодня кажется процветанием. В 1990 г. валовый национальный продукт сократился на 2%, национальный доход — на 4%, денежные доходы выросли на 16,9% (по сравнению с 1989 г.). Напомню, что в первый год 12-й пятилетки (1986 г.) доходы населения выросли всего на 2,9%. Но и тогда не было баланса между денежной и товарной массой. Теперь разрыв между ними стал пропастью.

Можно напомнить и многие другие цифры, говорящие о кризисе в народном хозяйстве.

НАЧАЛО ПАДЕНИЯ

Типизация событий по схеме: цели, средства, итоги — позволяет различать 4 этапа перестройки — 1986—1988 (до 1 июля) гг., 1988 (с 1 июля)—1990гг.,январь—апрель1991 г. и май—июль 1991 г.

Цель первого этапа — ускорение экономического и социально-экономического развития на базе НТП. Ускорение предполагалось на базе форсированного развития машиностроения, что позволило бы обновить производственный аппарат народного хозяйства.

«Задачи подъема советского машиностроения — это магистральное направление нашего развития, и его надо твердо выдерживать сейчас и в будущем», — сказал М. С. Горбачев на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения НТП (июнь 1985 г.).

Предстояло почти удвоить капиталовложения в машиностроение. Эта отрасль несла и основную структурную нагрузку. Ее доля в общем объеме промышленной продукции увеличивалась в 1995 г. до 38% (в 2000 г. —до 42—43%).

Одно из главных условий этапа — руководящая роль КПСС, зафиксированная в Конституции СССР. Единый народнохозяйственный комплекс регулировался директивными планами (пятилетними и годовыми). Сомнений в целостности СССР не возникало.

Видимо, людей вдохновляли идея перестройки и процессы демократизации общества. Руководитель страны пользовался высоким авторитетом и доверием народа.

Однако темпы экономического развития замедлялись. Потребительский рынок был ограничен товарами первой необходимости. Наблюдалась умеренная инфляция при стабильных ценах. Ощущался избыток рабочих мест и нехватка рабочих рук. О рыночной экономике разговор был довольно умозрительным. И три закона (о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности и о госпредприятии) реально для экономики мало что значили.

На втором этапе перестройки в середине 12-й пятилетки (1988 г.) появился новый вариант действий, по сути противоположный официально утвержденной программе. Стал усиленно пропагандироваться тезис «о сильной социальной политике».

Инвестиционные приоритеты предполагалось отдать не машиностроению, а потребительскому сектору. Централи-

зованные производственные капиталовложения сократились в 1,3 раза, а в металлургический и топливно-энергетический комплексы — в 1,4 раза. Экономику стали разворачивать к человеку, настойчиво прозвучал призыв к широкомасштабной конверсии «оборонки».

И ОПЯТЬ — ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

На XIX Всесоюзной партийной конференции выяснилось стремление отдельных территорий уйти из предкризисного состояния, и в резолюции конференции записали: «Заслуживает внимания идея перехода республик и регионов на принципы хозрасчета с четким определением их вклада в решение общесоюзных программ».

Выбрали народных депутатов СССР, провели 1-й Съезд народных депутатов СССР, избрали Верховный Совет СССР. В который уж раз в новейшей истории страны был провозглашен лозунг — «Вся власть Советам!». И он как-то заслонил главную цель этапа — политику, ориентированную на человека.

Внимание к идее хозрасчета в республиках и регионах очень быстро превратилось в формулу «регионального хозрасчета». Не успев толком разобраться, что это такое, начали «войну законов» и «парад суверенитетов». Посеявший ветер экономической свободы начал пожинать бурю. Единое экономическое пространство страны разрушалось. Каждый потянул общее тоненькое одеяло на себя.

Сократилось и мировое экономическое пространство страны. Распался экономический союз СССР и восточноевропейских стран.

Кризисное состояние экономики было уже отчетливым: рост исчез, пошла серия решений с политическим эффектом, так называемых популистских. Дефицит продуктов и товаров стал тотальным. Контроль над ценами потеряли. Появились признаки гиперинфляции. Начались экономические забастовки.

Влияние Центра, где появился Президент СССР, с оглядкой на сильные страны с президентским режимом правления, слабело. Во всех республиках появились сильные лидеры, оттеснившие своих соперников.

Осенняя дуэль программ перехода СССР и РСФСР к рынку, за которой следил весь мир, закончилась с неопре-

деленным результатом. «Дуэлянты» остались живы и каждый при своих интересах. И почти при общем мнении — альтернативы рынку нет.

Совет Министров превратился в Кабинет министров СССР. Начались всеобщие дебаты о разгосударствлении собственности и ее приватизации. Были сделаны первые робкие шаги в Москве (продажа мелких магазинов).

Наладился и заработал в полную силу конвейер новых законов и президентских указов. Союзных и республиканских. Как правило, не применяемых в реальной практике хозяйствования.

Третий этап начался в январе 1991 г. новой целевой установкой. Речь пошла уже не о «сильной социальной политике», а о достаточной социальной защите населения. Двумя словами — как выжить.

Спад продолжался. В бедственном положении оказались базовые отрасли, последовали словесные обещания об их поддержке. Инициативу попытались взять в свои руки представители КПСС, военно-промышленного комплекса и армии. По другой версии реальным вершителем судьбы попытался стать Минфин СССР.

Появились гипотезы о вхождении в мировое хозяйство, о стабилизации экономического пространства на базе нового Союзного договора. Кабинет министров выдвинул (а может быть, подхватил) лозунг: «От разработки программ — к конкретным экономическим действиям». И провел общую реформу цен. Заговорили о перманентном повышении цен в течение двух-трех лет.

Четвертый этап в мае—июле 1991 г. обозначен такими важными событиями:

* программа возвращения в мировую экономику и проектирование широкомасштабной экономической помощи Запада нашим реформам. Она оценивается в 200—250 млрд дол.;

* население России выбирает Б. Н. Ельцина первым российским Президентом;

* переговоры Президента СССР и руководителей девяти республик о безотлагательной стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса;

* ускорение движения оборонных отраслей в рыночную экономику. Не без давления Запада, где прикидывали: не опережает ли СССР США по выпуску танков, артиллерийских систем и ракет;

* сообщение Кабинета министров о приостановлении в мае 1991 г. спада производства.

Цель периода — стабилизация экономики с опорой на иностранную помощь. Обозначился реальный срок приближения к конвертируемому рублю. Скачкообразный рост численности элементов рынка (биржи, банки). Усиленные игры с международными банками. Плановость и директивность в старом понимании исчезли, появилось Министерство экономики и планирования СССР.

Первые признаки рыночного хозяйствования сопровождаются сокращением потребления, снижением уровня жизни, растущей пассивностью населения, снижением трудовой активности на госпредприятиях и усилением социальной напряженности.

ПЯТЬСОТ ДНЕЙ ИЛИ ПЯТЬСОТ НЕДЕЛЬ?

В начале 1991 г. академик Л. И. Абалкин говорил: «Рассуждая сейчас о рынке, мы както забываем, что полтора года тому назад само слово «рынок» еще практически не употреблялось».

Правительство СССР в октябре 1989 г. подготовило документ «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долгосрочные меры», в котором предлагалось три варианта стратегии:

1. Консервативный. Постепенное «врастание» в новую хозяйственную систему.
2. Радикальный. Глубокая, резкая и быстрая ломка всех сложившихся народнохозяйственных структур.
3. Радикально-умеренный. Комплекс единовременных мер, дающий мощный импульс формированию рынка и сразу же создающий механизм регулирования этого процесса. Он и был выбран для реализации.

Становление и развитие новой хозяйственной системы, завершение формирования соответствующих ей структур производства и социально-экономических отношений относилось на 1996—2000 годы и далее.

Восторга эта программа не вызывала. Один из критиков сказал прямо, что 2000 г. в качестве срока завершения реформы воспринимается как стремление авторов концепции спокойно дожить до пенсии. Реакцией на замедленный правительственный темп перехода к рынку была программа «500 дней». Ее принял Верховный Совет России.

Не 500 дней, а 500 недель — срок для возрождения экономики России в новой концепции профессора В. Федорова, председателя Сахалинского облисполкома. Это почти 10 лет.

Л. И. Абалкин: «Полноценный рынок, «как у них», где работают все регуляторы, сформировались соответствующая психология предпринимательства и мотивация поступков, требует по меньшей мере нового поколения. Сегодня же большинство наших сограждан вне системы государственного обеспечения рабочими местами подобны рыбам, выброшеным на берег».

Западные оценки еще более пессимистичны — два поколения. Очень неопределенно высказался Г. Явлинский: «Мы оказались в уникальном по напряжению катаклизме. Важнейшие этапы, которые человечество прошло за последние триста лет новой и новейшей истории, сошлись по ряду причин у нас сегодня... Мир тратил на это столетия, а мы проходим почти одномоментно». Гадает и Г. Х. Попов: «Лет пять-десять-пятнадцать».

Программа экономической реформы в РСФСР обозначила три периода: стабилизации (1991 — первый квартал 1992 г.), либерализации (3—5 лет) и интеграции в мировое хозяйство (до конца столетия).

Активно формируется, пожалуй, правовое обеспечение перехода к рыночным отношениям. Вырисовываются концепция государственного регулирования экономики, роль и место народохозяйственных планов. Хотя до целостной системы государственного регулирования и права еще далеко.

К сожалению, классическая формула социалистического воспроизводства — «систематический рост» — нарушена. Объем продукции промышленности, проектируемый предприятиями на 1991 г., примерно на 10% ниже фактического уровня прошлого года. Оценки же более пессимистичны: 1991 г. — на 15%, 1992 г. — еще на 15 %. А за спадом промышленного производства на 1% идет рост инфляции на 5—10%.

Оценки скорости падения производства в СССР, как правило, занижены даже в ЦРУ, по сравнению с реальным падением в странах Восточной Европы. Прогноз ЦРУ на 1991 г.: ВНП сократится на 10—15%, а среднегодовой уровень инфляции возрастет более чем на 100%. Но большому кораблю — большое плавание. Велика инерция былых, хоть и скромных, но наших достижений.

Официальная версия текущего спада производства — ухудшение ресурсного обеспечения народного хозяйства из-за разрушения хозяйственных связей, массовых остановок предприятий вследствие отсутствия сырья и материалов, срывов поставок по кооперации, забастовок, конфликтов межнациональных, по экологическим и другим причинам.

Но, допустим, указанные причины снимаются. Подъем производства весьма сомнителен, ибо есть другие факторы долговременного действия:

1. Упала трудовая активность населения (есть оценки, что за 12-ю пятилетку она сохранилась примерно на 30%).

2. Дезорганизованы многие, если не все, отрасли из-за отсутствия валюты для закупки сырья и оборудования.

3. Подавляющая часть предприятий промышленности, транспорта и строительства имеет значительный физический износ своего производственного аппарата и сокращает производственные мощности. Инвестиций на воспроизводство явно недостаточно.

4. Экологические ограничения на производственно-хозяйственную деятельность. Тем более в условиях свободы для контроля общественности. Экологическая обстановка в стране в течение 12-й пятилетки по крайней мере не улучшилась, не расширилась область применения экологически «чистых» технологий.

В 1991 г. на фоне спада производства резко возрастает доля ресурсов для текущего потребления и непроизводственного строительства в объеме используемого национального дохода. В то же время вывод экономики из кризисной ситуации требует приоритетного инвестирования кардинальных структурных сдвигов в материальном производстве.

ВСПОМНИМ О САМОМ ДОРОГОМ

Программа Кабинета министров СССР предусматривает основную часть мер по стабилизации уже в 1991 г., а к середине 1992 г. проектируется подъем. В мае текущего года в стране приостановлено снижение объемов производства. Причем не в стоимостном, а в натуральном исчислении. По оценке Кабинета.

Стратегический момент для стабилизации — формирование (наличие) резервных производственных мощностей и источников их воспроизводства, а не только инфраструктуры рынка. Здесь наиболее реальны идеи «замыкания» кон-

версируемых высокотехнологических производств на потребности топливно-энергетического комплекса, формирования «пояса» из приватизированных предприятий (в том числе малых и совместных).

На развитие топливной промышленности и электроэнергетики (ТЭК) расходуется до 40% капиталовложений в промышленность и около 20% валовых капиталовложений в народное хозяйство, непосредственно расходуется более 60% производимых в стране труб, 6—8% продукции машиностроения, 10—12% черной металлургии, 11—13% — строительных материалов.

С учетом же материальных затрат в сопряженных отраслях доля ТЭК в потреблении отдельных видов промышленной продукции увеличивается в 2—4 раза.

Таким образом, вложены огромные средства, сформирована самая мощная в мире топливно-энергетическая база.

Что происходит в этом важнейшем секторе экономики сейчас? Круто упала добыча нефти и угля. Страна отброшена по этому показателю на уровень второй половины 70-х годов. А в нефтяной отрасли забастовок не было. Если начинается падение добычи, то чтобы остановить его потребуется 3—4 года, столько же времени уходит на стабилизацию. Если падение продолжается не один год, то эти величины возрастают.

Экспортные поставки угля в первом квартале 1991 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года снизились в 1,9 раза, нефти — в 1,8 раза, электроэнергии — на одну треть. Разваливаются прославленные коллективы энергостроителей.

Трудно себе представить, как приватизированная экономика будет восстанавливать энергетику. Ведь инвестиционный цикл в энергостроительстве — 10—15 лет. Поэтому можно прогнозировать длительный и мучительный выход страны из грядущего энергетического кризиса.

Как поднять нефтедобычу? Помочь централизованными инвестициями, в том числе валютой, дать льготы по заработной плате и налогам; улучшить снабжение населения; привлечь иностранные инвестиции. В моральном плане — вернуть, например, Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу статус престижного региона, пользующегося повышенным вниманием и покровительством высших руководителей страны и т. д.

ВСЯКОЕ ЛИ ДВИЖЕНИЕ ИМЕЕТ ЦЕЛЬ?

Что растет на фоне всеобщего спада в сфере производства и на какие тенденции имеет смысл ориентироваться? **Количество независимых ассоциаций, корпораций, кооперативов.** Рост стремительный. К примеру, лишь за 1990 г. число действующих кооперативов увеличилось в 1,4 раза и составило 250 тыс. Доля кооперативов в ВНП выросла до 7% (в 1988 г. — 0,7%).

Самостоятельные фермерские хозяйства. Отсчет здесь идет практически с нуля: к началу нынешнего года было 40,6 тыс.

Арендные предприятия. Только в промышленности в минувшем году их насчитывалось 2,4 тыс., они произвели продукции на 48 млн руб. (5,2% от общего объема). В 1990 г. при снижении общего объема промышленного производства выпуск продукции на арендных предприятиях вырос на 3,4%.

За прошлые месяцы текущего года численность работников в арендном секторе выросла:

в промышленности — с 1,3 до 2 млн человек;
в торговле и общественном питании — с 0,5 до 2,2 млн;
в бытовом обслуживании — с 0,1 до 0,9 млн;
на автотранспорте — с 0,3 до 0,6 млн;
в строительстве — с 0,2 до 0,9 млн.

Малые предприятия. К середине 1990 г. Союз малых предприятий страны включал немногим более тысячи коллективов. Во 2-м квартале 1991 г. их насчитывалось примерно 500 тыс. Комплексные меры по поддержке малых предприятий, по ориентировочным расчетам, позволят в течение 3—4 лет довести их количество до 2,5—3 млн и поднять их долю в валовом национальном продукте с менее чем 10 до 30—40%.

Особенно бурно прогрессируют новые организационные формы в сфере обращения. В Советском энциклопедическом словаре (1983 г.) читаем: «Товарная биржа в капиталистических государствах — наиболее развитая форма регулярно функционирующего оптового рынка массовых заменяемых товаров, продающихся по стандартам или образцам». Год назад или чуть более того их не было вообще. К весне 1991 г. действовало порядка сотни бирж, к лету — уже 300. Головокружительные, для обывателей, заработки — верный залог роста.

И многие хозяйственники будут обманывать себя сказкой о том, что ежели бы они продавали свою продукцию не по фиксированным, а по биржевым ценам, то они стали бы богаче во много раз.

Банки. Перестройку мы начали с тремя банками — Госбанк, Стройбанк, Внешторгбанк — кредитовавшими народное хозяйство. Затем банковская система была реформирована; возникли шесть союзных банков: Госбанк СССР, Внешэкономбанк, Агропромбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк. Четыре из них — на базе уже действующих. Появились первые коммерческие банки. На 1 января 1989 г. — 41 банк, в том числе 24 — союзов кооперативов, 17 — предприятий; на 1 июня 1989 г. — 143, в том числе 54 — кооперативные, к настоящему моменту их число перевалило за 1,5 тыс.

Параллельно растет и плата за кредит (причем и за кредиты, взятые ранее). Достаточно типичная ситуация с объединением «Моторостроитель». Оно строит в Запорожье завод авиадвигателей для новых гражданских самолетов. Стройка, начатая по решению правительства, финансировалась из бюджета. А в 1990 г. в деньгах неожиданно отказали: мол, сами берите кредит и достраивайте. Объединение взяло 10 млн руб. под льготный 1% годовых. А когда пришел срок выплаты долга, потребовали уже 11% годовых. Пока искали, чем расплатиться, ставка поднялась до 15% .

— Мы в этом году вынуждены прекратить техническое перевооружение, — говорит генеральный директор. — А в таком наукоемком производстве, как наше, это значит быть отброшенным назад по меньшей мере лет на пять.

Агропромбанк переведен на коммерческую основу. И теперь он довел проценты за кредиты до 20—24. В том числе за кредиты, взятые раньше.

В 1990 г. кредитных ресурсов было выделено на 21 млрд руб. — больше, чем планировалось. Если старые банки выдавали деньги на основании спускаемых сверху кредитных планов и перерасхода средств просто не могло быть, то коммерческие банки прямо заинтересованы в увеличении своего оборота.

Необходимо добиться синхронности действий в рамках банковской системы. Иначе мы получим новый источник инфляции (незаработанных денег).

Что же происходит, куда мы летим? Сфера производства стремительно сужается, а сфера обращения (распределения,

посредничества) бурно развивается. Можно предполагать, что процессы приватизации вызовут новый взрыв в сфере посредничества, распределения и перераспределения.

На таком базисе рыночная инфраструктура существовать не сможет. Она «рухнет» вместе с фундаментом (экономикой). Суть бизнеса в понимании бизнесмена — создать то, что будет существовать 20—40 и более лет. Нашего делового человека (по крайней мере, многих) — ухватить крупную сумму и «уйти на дно».

УСЛОВИЯ ПОДЪЕМА

Подъем экономики возможен при таких условиях:

1. Законченность и целостность механизмов регулирования социально-экономических процессов (рыночного ли характера, административно-командного, смешанного). Сейчас здесь все дискретно.

2. Остаточный и достаточный потенциал базовых отраслей и транспорта (здесь можно ориентироваться на опыт предвоенных пятилеток, послевоенного восстановительного периода).

3. Снижение остроты противоречий между воспроизводственными процессами союзного и регионального уровней и масштабом последствий (пока они главным образом ударяли по промышленности).

4. Рациональная политика в области научно-технического прогресса и производственного аппарата.

5. Иностранная экономическая помощь.

Перелома на нашем экономическом фронте надо добиваться прежде всего за счет собственных усилий, мобилизации собственного потенциала и резерва. Неэффективность нашего хозяйствования вызвала перестройку. Правда, потом об этом изрядно подзабыли в пылу политических страстей.

Иностранная экономическая помощь важна и нужна, но трудно ожидать от Запада очень крупных кредитов и новейших технологий. В какой-то степени здесь можно провести аналогию с ролью ленд-лиза в период Великой Отечественной войны.

Он носил строго избирательный характер, «закрывая» нашу потребность по ряду позиций: паровозы, автомобили, высокооктановое топливо и т. д. Собственными силами удовлетворить потребность в этих видах продукции мы не могли, и ленд-лиз в то время отвечал нашим национальным интересам.

Экономическую помощь Запад окажет в обмен на выполнение его желаний: приватизация (ее масштабы и скорость), демилитаризация (сокращение высоких военных расходов), суверенизация (отказ от экономического давления на уходящие из СССР республики).

У нас много болевых точек, требующих терапии иностранным капиталом: это отрасли, нуждающиеся в первоочередной модернизации, регионы с особо острой социальной обстановкой. Однако сегодня наиболее настоятельно сотрудничество с иностранными партнерами и прежде всего — в подготовке и переподготовке кадров. И это тоже болевая точка.

Мы вступаем в эпоху крушения социальных утопий и деградации идеалов. Хотим мы того или не хотим, возрождать тут уже нечего: человек заново должен осмыслить свое место в природе, и от того, как будут строиться с ней отношения, зависит будущее. Все общественные и духовные проблемы подлежат проверке на экологическую состоятельность. И, как мы видим из предлагаемой статьи, потеря идеалов, которую многие считают трагедией нашего поколения может быть, не так уж страшна? И не так уж важны интересы общества, всеобщее благо и прочие химеры, которые мы сами породили и которые живут теперь самостоятельной жизнью, для многих более реальной, чем жизнь отдельного индивида. Или, во всяком случае, более важной...

Проблемы, поставленные в статье, сложны. Многое, видимо, вызовет у части читателей активное неприятие. Тем более что у нас они мало обсуждались, не выработан подходящий понятийный аппарат. Непривычен пока для многих и сам подход автора к столь серьезным проблемам. Может создаться впечатление, что для него, как говорится, «нет ничего святого». В личной беседе автор подтвердил, что это близко к истине... Но не надо раньше времени разжигать в себе праведный гнев. Лучше задуматься над предложением «не придавать человеку повышенный, гарантированный статус» - и над тем, какую роль реально играет общество в жизни людей. Особенно это полезно нам, привыкшим, что «выше счастья Родины нет в мире ничего». Порадует и его призыв не создавать концепцию светлого будущего, опираясь на «золотые сны» рабовладельческого общества.

Итак, эта публикация - для тех, кто трезво мыслит, не хватается за веру как за соломинку и не тяготится свободой.

ДИНОЗАВРЫ ДОЛЖНЫ УЙТИ

Н. В. БЕЛЯКИН,
Институт математики СО АН СССР,
Новосибирск

Мы не можем ждать милости от природы.
(почти Мичурин)

Земля имеет кожу, и у этой кожи есть свои болезни. Одна из них называется «человек».
Ф. Ницше

Перед человеком всегда стояла и стоит только одна глобальная проблема — выживание в окружающей среде, понимаемой именно как природа, в отличие от надстойки, к которой можно отнести и общество. Разговор о надстройке пойдет лишь в той мере, в которой она влияет на нашу жизнь в природе.

За свою историю человечество наплодило много химер, от которых устала Земля, поставило себя перед множеством глобальных проблем, с которыми не смогло справиться: экологическую, демографическую, ресурсной ограниченности, национальную, социальной справедливости. И самая неподъемная, видимо, состоит в том, что **само общество противостоит не только окружающей среде, но и отдельным людям.** Защищая индивидов от опасностей, общество низводит их до положения своих частиц. На деле оно лишь освобождает человека от ответственности за сохранность среды: он как бы сам не живет в природе, за него «живет» общество. И, наращивая численность и технологический уровень, человечество попалось в ловушку: патриархальный строй и высокий уровень технологии экологически несовместимы. А возврат на более низкий уровень развития неприемлем демографически (нас слишком много).

Возомнив себя венцом творения, царем природы, человек доигрался до экологического кризиса. Выход — свободное общество. Потребность в свободе идет от природы, а не от культуры. Задача последней — стимулировать возрастание свободы,а не подавлять ее. Преодоление норм и переоценка ценностей является более существенной чер-

той разумной жизни, нежели воспроизведение таковых. Апелляция к общечеловеческим ценностям (личной свободе, материальному благополучию) — это признание приоритетности живых людей перед знаковыми системами, распространенными в обществе. Возведение свободы в ранг ценности, или тем более идеала, выхолащивает ее главную суть как раскрепощающего, деидеализирующего начала. Отсюда и начинается ее подмена «осознанной необходимостью». Вместо гражданской и творческой свободы предлагается добровольное рабство. Вопрос теперь стоит так: сколько рабов может прокормить наша планета?

Человек на земле ведет себя одновременно и как хищник, и как паразит. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что **человек - это звучит безысходно.** Отчасти даже зазорно.

В качестве выхода из кризиса человечеству нередко предлагается возвращение к традиционным обществам, патриархальным устоям, к духовно-нравственному «возрождению». Но в ходе научно-технического прогресса «разумная жизнь» вступила в принципиально новые взаимоотношения с природой, и традиционный уклад стал экологически несостоятельным. Попытки «сделать хорошо», исходя из вековой «мудрости», в частности реализовать «разумное природопользование», лишь ухудшают бедственную ситуацию. Все это может привести к тому, что всякая «разумная жизнь» вообще прекратится. Если не тешиться иллюзиями, то человек вообще природе не нужен, особенно как ее властелин. Мы можем выжить, только встав на позицию САМОЙ ПРИРОДЫ по отношению к себе.

Может ли человек справиться с этой задачей? Не исключено. Ведь сам человек — часть природы, и его история — это своеобразный диалог с окружающей средой. Но индивид ближе к природе, чем общество. Чтобы выжить, надо опираться на непосредственно чувственный опыт, а не традиции его осмысления и формализации. Осознав это, можно переосмыслить весь духовный и социальный опыт с точки зрения его экологической состоятельности.

К ИСТОКАМ ВОЗВРАТА НЕТ

Ограниченность земных ресурсов ставит человечество перед необходимостью регулировать численность населения. Традиционные ориентиры, в том числе, как ни стран-

но, и моральные, не предлагают ничего, кроме административного ограничения рождаемости. Установка на усиленное размножение заложена в структуре патриархальных обществ и может активизироваться в кризисных ситуациях. Роль «фермента» выполняют соответствующие идеалы. Но по мере роста цивилизации социальные связи ослабевают: семья перестает быть ячейкой общества, идеал домашнего очага утрачивает привлекательность.

Стародедовский «лад» исчезает даже в сельской местности, «священные традиции» перестают действовать. В принципе этого уже достаточно для решения демографической проблемы. Но такое положение смертельно для родового уклада, поэтому его защитники прибегают к пугалу «развращения нравов». Под ним, как ни странно, подразумевают не взятки или доносы, а нечто «ближе к телу». Большинство сексуальных запретов лишены не только биологических, но и житейских оснований. Их задача — обеспечить за обществом статус «высшей реальности», а значит — и верховного судьи.

В традиционных обществах внешними (а потому относительно естественными) демографическими регуляторами были войны, эпидемии, голод. В наше время они сомнительны. Но в этот малосимпатичный ряд легко вписывается и административная регуляция рождаемости, выступая в качестве осознанной социальной «целесообразности», направленной против индивида.

Если физический мир — всего лишь вместилище коллективной человеческой деятельности, то интересы общества становятся мерой всех вещей и «остаточный принцип» в отношении природы неизбежен. Индивиды же получают статус «общественного ресурса». «Покорение природы» подразумевает приоритет общественного над личным. Антропоцентризм и социоцентризм — тождественны.

Допустим, стало ясно, что природу надо защищать от человека, а не покорять ее. Но коль скоро все замыкается на нами же изобретенных понятиях «человеческого блага», то сооружение новой плотины или поворот рек всегда можно оправдать жгучими потребностями.

В результате благие намерения охранять природу оборачиваются пустословием. Антропоцентризм будет отстаивать себя на практике, пока люди не осознают первичность природы перед культурой.

Если стоять на позициях антропоцентризма и представлять общество как единый организм, выживание которого превыше всего, то тогда можно оправдать полезность геноцида, найдя ему параллели в природе, например листопад. Но если усомниться в суверенности общества и в том, что оно должно существовать ради себя самого, то мы поймем, что общество — только способ выживания индивидов. Тогда понятна ресурсная ограниченность самого общества. А ресурсы ограничены тем, насколько общество блокирует «шкурную» связь индивидов с природой: охраняется не столько природа, сколько устоявшиеся стереотипы коллективного поведения. Борьба общества с индивидами — по существу геноцид, но антропоцентрическая философия затушевывает это обстоятельство.

Обращаясь к демографической теме, легко понять, что необходимость общества обусловлена отнюдь не потребностью в размножении. Если административная стимуляция будет применяться систематически, то стихийная заинтересованность в данном образе жизни будет опускаться ниже порогового уровня.

Социальная справедливость — одна из ведущих идей патриархального общества. Для отдельного человека она — благо. Но безусловно ли оно? Позволительно ли утверждать справедливость ценой свободы? К тому же справедливость — чувство, рожденное завистью, в ней сильны потребительские и запретительные моменты. Когда требование справедливости становится основой построения общества, оно оборачивается рабством и нищетой.

Всякие социальные утопии несостоятельны, потому что идеальны. Воплотившись в жизнь, они лишь в незначительной степени реализуют заявленное содержание. В основном они воплощают собственную «идеальность» как таковую — в виде управляющих структур, отстаивающих свои интересы, а отнюдь не интересы каждого. Итак, «бытие» идеального мира равнозначно бытию пирамиды власти.

Управляющие структуры занимают в «исторических» сообществах паразитическое положение, которое можно было бы назвать браконьерским. У людей, выступающих от имени общества и наделенных привилегиями, векторы личного и общественного блага направлены в разные стороны, и это порождает неистребимую тенденцию к повышению удельного веса управляющего слоя и его деградации.

Пафос социальной справедливости рассчитан на сохранение отжившего уклада. Традиционное общество (двуединство народа и власти) обладает существенным дефектом: оно ВОСПРОИЗВОДИТ СЕБЯ В КАЧЕСТВЕ УПРАВЛЯЮЩЕЙ СИСТЕМЫ. Достигнув критической массы, оно становится внутренне нестабильным, коррумпированным. Под лозунгами справедливости и общего блага провозглашается основной принцип функционирования такой системы — «освоение» все новых и новых ресурсов. В «справедливом» обществе поиск земных благ направляется на механическое исчерпание внешней среды, и когда ресурсы кончаются, истребление природы становится маниакальным. ВСЕОБЩАЯ И ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНА.

Государство любит именовать себя Родиной, когда требует жертв от своих подданных, и этим само подтачивает свои основы. Культ народных обычаев и возвеличенное историческое прошлое поддерживают подобные претензии, внушая чувство благоговейной безальтернативности (Родину не выбирают) и национальной гордости, смешанной со страхом. Если государство присваивает себе монополию во всех аспектах жизни людей, всевозможные «святыни» девальвируются, и страх, смешанный с равнодушием и недовольством, уже непригоден в качестве цементирующей силы.

В этой связи интересен часто обсуждаемый вопрос о том, присущ ли тоталитаризм русской ментальности. Почему тоталитаристские концепции, в том числе западного происхождения, столь охотно укореняются на русской почве? Почему эта почва произвела серию космических утопий — от «философии общего дела» Н. Федорова до учения В. Вернадского о ноосфере, в основе которых лежит опасное сочетание «соборности» с научно-техническим прогрессом?

На мой взгляд, это произошло потому, что родовые устои, связывающие индивидуальную активность, остались непреодоленными, потому что после нормального раннего феодализма (Киевская Русь) ту же стадию пришлось пережить в худшем варианте (татаро-монгольское иго). Это вновь и вновь стимулировало появление социоцентрической надстройки. Ничего фатального или исконно русского я в этом не вижу: застарелые болезни можно и нужно лечить. К сожалению, крепостное право было отменено в се-

редине прошлого века лишь наполовину. Была уничтожена личная зависимость крестьянина от помещика, но не от общины, хотя последнее, может быть более существенно. Впоследствии патриархальный уклад, сменившийся более жестким вариантом социоцентризма, был разрушен — похоже, что необратимо. Вместе с ним ушли в прошлое многие традиции, нравы, святыни. Сомневаюсь, что большинство русских людей испытывают по ним ностальгию. Обострившийся интерес к исконным началам напоминает боль в отрезанных ногах. Наши отдаленные предки жили в доисторической эпохе, похоже, что мы вступаем в постисторическое бытие. Русский писатель И. А. Гончаров, возможно, предчувствовал это, когда утверждал, что человек еще не произошел. Поэтому лучше не пытаться воскрешать прошлое или сочинять сказки о будущем космическом назначении человечества.

Чем дальше мы уходим от тоталитарных традиций, тем яснее становится, что Родина — это не державная история, а прежде всего родная природа. И отношение к ней меняется: оно становится непосредственным, вне социальной организации, к которой больше нет доверия. Таким образом, если нехватка пищи сподвигает на покорение природы, то когда нечем дышать, а пища отравлена — тут уж под сомнение ставится сама идея «общего блага».

Убежденность, будто человеческая сущность может реализоваться лишь в спектре национальных особенностей, могла казаться правдоподобной, пока человечество распадалось на относительно обособленные этносы. Не совсем понятно, впрочем, следует ли на этом основании охранять каннибализм, человеческие жертвоприношения, культ нищеты и сильной власти. Когда люди вступили в межэтническое близкодействие, возникли эффекты «тканевой несовместимости»: трудно уважать обычаи других (живущих среди нас), когда они категорически отвергаются «для нас». Поэтому неизбежное «смешение языков» должно компенсироваться ослаблением его значимости. Говорят, когда строители Вавилонской башни перестали понимать друг друга, они разбрелись в разные стороны. Сейчас разбредаться некуда, а «разность» вызывает конфликты. Как быть? Надо все же продолжать жить, не придавая национальному своеобразию самодовлеющее мировоззренческое значение.

Духовный и социальный кризис предшествует экологическому и сопровождает его. Сигналы бедствия, идущие от природы, с трудом и в искаженном виде пробиваются сквозь толщу культурных наслоений. Общество более неспособно притворяться тем, чем оно никогда не было: «коллективным существом», наподобие пчелиного роя, или четко отлаженной машиной. Надо расставаться с мечтами о гигантском человеческом муравейнике, где большинство индивидов — неполноценные рабочие особи, удел которых один — трудиться. Чтобы «разумная жизнь», человеческий род сохранились, они должны перейти в новое качество.

Итак, чтобы выжить, человечество должно прекратить существование как родовая структура. Традиционный способ общественного бытия: «народная почва» плюс пирамида власти — запрограммирован на уничтожение. Экологически приемлемая альтернатива — раскрепощение субъективного фактора и ослабление социальных связей. Это ограничит интеграцию индивидуальных усилий в крупномасштабные формы коллективной деятельности.

Наиболее благополучным представляется западный образ жизни с ориентацией на личную свободу и демократию. Суть ее — сведение власти к сервису. Власть-сервис означает вот что: она защищает меня от общества, а не общество от меня. Но тогда это уже не власть, а «сфера обслуживания».

Движущая сила такого общества — индивидуальная активность ради личных интересов.

Сохранившиеся формы общинного бытия приобретают декоративный характер, и даже сам термин «общество» становится условным. Может быть, в этом залог восстановления отношений с природой, и решить эту проблему способно лишь такое общество, в котором личная свобода ДОМИНИРУЕТ НАД ОБЩИМ БЛАГОМ?

ПРЕЗУМПЦИЯ СВОБОДЫ

Немало прочувствованных слов сказано о власти чистогана в буржуазном обществе. Но это лишь означает принципиальный отказ от внеэкономического принуждения, чем бы оно ни прикрывалось. На самом деле неприемлемы не «чистоган» и «эксплуатация», а монополизм. Наихудший эксплуататор — это само общество. С его структурами и традициями. Требование беззаветного служения идеа-

лам — на деле замаскированный монополизм. Если же в обществе все становится товаром, то рыночный инстинкт надежнее обеспечивает выживание всего жизнеспособного, чем заботы об общественном благе, подслащенные проповедью духовного совершенствования.

Последовательная реализация этого принципа предполагает, что нормы и ценности приобретают стоимость и их бытие определяется спросом. Хотя западные общества не совсем последовательны в этом смысле, но и там рыночная идея работала не только в производстве. Товаром становились не только продукты труда и природные ресурсы, но и формы деятельности и человеческие отношения. Свободный наем рабочей силы — выразительный, но не единственный пример. Другими примерами могут служить разнообразные духовные проявления: любовь, творческая активность — то, что не продается за деньги, но может быть предметом своеобразного «бартера». Тем самым, правда, рыночная стихия приобретает парадоксальный характер и не вполне подчиняется статистическим законам классической политэкономии.

Можно, конечно, настаивать, что стоимость какого-то духовного товара, например заинтересованности в труде, измеряется общественно необходимыми затратами на его воспроизводство. Но как быть, если этот параметр плохо поддается количественной оценке, а попытки жесткого нормирования оказываются мошенничеством власть имущих? Единственный выход — отпустить на свободу не только цены, но и принципы ценообразования.

Трудно понять, что это значит, анализируя классический рынок, пусть даже и пополненный рынком рабочей силы. Можно почувствовать неполноту такой модели, и тогда возникает иллюзия, будто парадоксальность последовательно реализованного рыночного принципа означает его нежизнеспособность. Последнее оставляет место для социалистической утопии: дескать, несправедливый строй должен смениться жесткой диктатурой, которой суждено затем переродиться в царство свободы за счет роста производительности и перемены отношения к труду. Но создавать концепцию светлого будущего, ориентируясь на «золотые сны» рабовладельческого строя, — все равно что проектировать граммофон с паровым двигателем. Реально наступающее «постисторическое» будущее продиктовано

природой, которая ставит человечество перед жестким выбором: **быть свободным или не быть вообще.**

Сейчас, на новом витке, человечество убеждается в существовании сильно действующих обратных связей между материальным производством и идеологией. В переусложненной культуре (а она в наше время и не может быть иной) доминирующая роль принадлежит свободе. Имеется в виду гражданская и творческая свобода, а отнюдь не та «внутренняя» (снаружи незаметная) «духовная» псевдосвобода, имя которой — осознанная необходимость, или добровольное рабство. Никакое совершенствование управляющих структур создать такую свободу не в состоянии, подходящей формой ее внешнего выражения являются товарные отношения, распространенные на все аспекты человеческой жизни. Но коль скоро все — товар и никакие структуры — социальные и духовные — не имеют приоритетного положения, **природоохранная деятельность способна быть очень ходовым товаром ввиду ее высокой потребительной стоимости.**

Хищническое истребление природы, якобы присущее западной цивилизации, имеет определенный резон: раскрепощенный индивид способен, если это выгодно, эксплуатировать все что угодно, не делая разницы между природой и людьми. Но это свойственно ранней стадии машинной цивилизации, из которой западной культуре легче выйти в силу ее внутренней подвижности, вытекающей из презумпции свободы. **Патриархально-бюрократические «динозавры» в этом смысле гораздо опаснее:** любые их действия направлены на сохранение системы. Между тем общество с ослабленными социальными связями системой уже не является.

Если «антропоцентричная» деятельность становится крупномасштабной, на нее последует «недружелюбная» реакция природы. **Но если общество — не система, то человек уже не противостоит природе.** И таким образом он может, не возвращаясь в первобытное состояние, экологически стать подобным другим животным.

Значит, не надо отказываться от городского и высокотехнологичного образа жизни, а надо, чтобы он не перерастал в «вавилонскую башню». Интенсивное хозяйствование, неизбежное из-за ресурсной ограниченности, означает ограниченный (но достаточно высокий) уровень материального производства, не приводящий к застою. Числен-

ность населения при этом не возрастает. Это предполагает опять-таки приоритет личной свободы. Недоверие свободных индивидов к жестко организованной коллективной деятельности, порабощающей их самих и разрушающих среду обитания, обретая товарную стоимость, надежнее обеспечит выживание людей, чем запреты и призывы к духовности. Индивид и природа — естественные союзники против тирании социальных структур.

Экологические факторы подталкивают человека к отказу от служения идеалам. Человечество стихийно нащупало правильный путь к выживанию, но еще остается заложником былых иллюзий. В обществе должен поддерживаться достаточный запас динамичности и внутреннего беспокойства: активного (демонополизированного) неравенства и самоорганизующейся (нелюмпенской) вседозволенности.

Вступив на путь исторического прогресса. человечество оказалось в положении идущего по канату над пропастью. С чего мы взяли, что история — это стихия человеческого бытия? Она больше похожа на переходный процесс между двумя экологически приемлемыми состояниями: животным и — если угодно — сверхчеловеческим. Суть этого перехода в том, что сохранение традиционных форм под видом их обновления не может длиться до бесконечности, но не может и стабилизироваться на каком-то достаточно высоком уровне. Существует, правда, опасность возвращения к доисторическому бытию, вместе с потерей большинства достижений и резким уменьшением численности, Но если этого не произойдет, можно ожидать «финального» этапа культуры, для которого неприменимы привычные исторические категории.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ДУХОВНОСТЬ

Призывы к порядку, моральному совершенствованию, жертвам во имя всеобщего блага — это дымовая завеса, прикрывающая жестокое принуждение. Управлять людьми посредством голых предписаний и запретов невозможно — требуется вера в их полезность, даже вопреки очевидности.

А для этого нужна иллюзия приобщения людей к идеальному бытию, которому приписывается статус большей реальности, чем непосредственному опыту. Это дезориентирует недовольных: не освободившись от убеждения, что человек и не может жить без веры и идеалов, они невольно

становятся в позицию правдоискателей, подыгрывая своим противникам. Противоядием может быть открытое неприятие «идеального» как такового. Идеал содержит момент принуждения, принципом новой духовности должен быть СОБЛАЗН.

Секрет жизнеспособности таких влечений, как личная свобода, материальная выгода, сексуальная раскрепощенность, противостоящих социоцентрическим идеям, надо искать не в экономике или политике, а в экологии. Индивидуальное таким образом освобождается от безусловной власти «всеобщего».

Всякий человек способен преодолевать свою социальную обусловленность, принадлежность к «ячейке». Надо лишь культивировать эту способность. Когда она достигает критического уровня, индивид перестает быть частицей общества. Теперь он — носитель внекультурного, природного начала, которое лишь одухотворяется за счет приобщения к наличной культуре, ибо все человеческое происходит в культуре. Тем самым обнаруживается прямая связь «соблазнов» с человеческой сущностью. Наука, искусство, философия, даже богословие — неиссякаемый источник «подсказок» для легализации и распространения этой идеи, надо только собрать и систематизировать эту разбросанную информацию.

Но тогда возникает вопрос: куда же девать моральное, божественное и вообще ценностно окрашенное? Здесь подходит поэтический символ: «Небо упало в болото», т. е. все идеальное соотносится только с обыденными человеческими взаимоотношениями. Люди, живущие сообща, вынуждены как-то ладить друг с другом, потому в обществе возникают моральные ориентиры. Когда они обретают силу законов, поддерживаемых властными структурами, возникает иллюзия, что в этом смысл жизни. Этот суррогат оказывается чем-то потусторонним для реальной жизни отдельного человека. И в обществе, вопреки официальным догмам, накапливается дефицит смысла жизни, губительный для высокоразвитой культуры. Напротив, откровенное соотнесение духовности с «пошлой повседневностью» и выявление ее наркотического действия (как болотной дремы) затрудняет возможность отдавать приоритет моральным и прочим принципам перед живыми людьми. Вообще духовность несет двоякую функцию: поддерживать достаточно высокий уровень культуры и компенсировать его не-

достаточность. По мере роста цивилизации значение компенсации должно отмирать.

Благодаря этому потребность «вневременного» оправдания земной жизни какими-то идеалами отпадает. Свободный человек не нуждается в метафизическом бессмертии, он вполне способен осознать себя в границах биологического существования, как нечто «бесконечное». Смысл жизни можно обрести, осознавая себя «посланцем природы», лишь воплотившемся в человеческом образе.

Новый альянс человека с природой возможен лишь тогда, когда порядок оказывается непоследовательным проявлением всеобщего стремления к хаосу.

Не надо пугаться этого слова: идея «последовательного», абсолютного хаоса попросту некорректна. Древние понимали, что мир может существовать, лишь постоянно погружаясь в хаос и возрождаясь заново. Старая мифологема о единстве «макрокосма» (вселенной) и «микрокосма» (человека) символизирует патриархальный уклад, ныне отживший. Сейчас правильнее говорить о порождении «макрохаосом» такой организации («микрохаоса»), которая является его образом и подобием. Это и есть ожидающее нас (в случае «хэппи энда») постисторическое бытие.

РЫНОК
КЛУБ

ВПОЛЗАЕМ В РЫНОК НА КАРАЧКАХ

Валерий ЛАВРОВ,
спецкор ЭКО

ЧЕТЫРЕ ДНЯ, с 10 по 13 апреля, с 8.30 до 19.30 в Академии народного хозяйства (АНХ), находящейся в ведении Совета Министров СССР, сидела за «круглым столом» добрая сотня руководителей разного ранга. Их «рейтинг» — выше среднего по СССР. Они участвовали в научно-практической конференции и 16-м заседании Всесоюзного клуба директоров, президент которого — академик А. Г. Аганбегян. Были заслушаны доклады и сообщения профессиональных отечественных и зарубежных лекторов. На одну тему (с разными вариациями) — «Что такое, зачем и когда будет в СССР рынок?»

И для начала представляем взгляд на наш рынок с «той стороны» — Джона ХЬЮКО, молодого профессора из США.

ВРЕМЯ ТРАТИМ НА ТАРАКАНОВ

Ему 33 года. Он свободно и без акцента говорит по-русски:

— Я работаю в юридической фирме, где занято 1005 юристов. Имеем 49 филиалов в разных странах. В Москве — пять постоянных юристов. Они помогают своим клиентам правильно, в соответствии с порядками писаными и неписаными, оформлять деловую документацию.

Ваша страна очень богата и природными ресурсами, и от природы талантливыми людьми. И они хотели бы, чтобы хорошо шел их и наш бизнес. Но даже если создать самые лучшие для бизнеса законы, но не будет благоприятной обстановки, он не появится. Что же мешает бизнесу?

ПЕРВОЕ. Вопрос у всех деловых людей, клиентов нашей фирмы: куда вложить деньги? Об этом знают в ваших министерствах. Идем туда и встречают нас так, словно мы — просители. С не очень большим желанием или вообще без желания информируют, идут на деловые контакты. Вид при этом у любого чиновника такой, как будто делает нам одолжение, оказывает великую услугу. Люди из ваших министерств не привлекают деловых партнеров из-за рубежа и предлагаемые капиталы их не интересуют. А я знаю, что в любой стране они бегают за теми, кто может вложить деньги, и пытаются их удержать за рукав.

ВТОРОЕ. Охотно капиталы идут туда, где низкие и стабильные налоги. Можно планировать прибыль. У вас налоги — понятие неюридическое и неэкономическое. Сегодня берут одну сумму, а завтра — совсем другую. Нельзя

быть уверенным, что в каком-нибудь учреждении не вытащат бумагу и не назовут и третью сумму. Налогами ведают и Минфин, и госплановское министерство, и региональные органы. У нас в США одно налоговое ведомство, и никто, кроме него, в это дело не лезет. И налоги слишком высоки, они пугают желающих вложить деньги.

ТРЕТЬЕ. Легко или трудно открыть предприятие? В Панаме для этого требуется 3—4 часа. Здесь, в России, 9 месяцев. Полтора часа во всем мире наши клиенты тратят на то, чтобы найти и арендовать или купить помещение. Здесь — два года. Причем много пустующих помещений всякого рода есть в Москве и других городах. Регистрация предприятия происходит так: сначала нужно в Минфин, оттуда посылают в Совет Министров СССР, затем в РСФСР, где мне советуют съездить в Моссовет, и опять с тем же вопросом едешь в Минфин.

ЧЕТВЕРТОЕ. Солидные люди к вам не поедут. Представьте: 50-летний юрист бросает свой хороший дом и приедет сюда, как я, в гостиницу «Украина», где много сил и времени уходит на борьбу с тараканами, где буфеты и ресторан так дороги и так безалаберно тратят продукты, портят их, что есть это может только человек с чугунным желудком. Мне приходится варить на плитке. Русская кухня — тяжелое испытание для нас.

ПЯТОЕ. Джон Хьюко палец прижимает, но не стучит и не машет кулаком:

— Цены — не только на еду — слишком высоки. Квартира под офис 500 тыс., миллион долларов, в США — 3 тыс. за отдельный дом под офис — и это в Нью-Йорке! Здесь 25 тыс. дол. я выкладываю, чтобы получить международную телефонную линию на месяц, в США — в тысячу раз меньше: 25 дол. Эдак бизнесмены уйдут в Корею. Кстати, там они без внутренней визы могут поехать куда угодно и когда угодно.

На конференции и заседании Клуба выступили доктор экономических наук, заместитель председателя Кабинета министров СССР В. И. Щербаков; доктор экономических наук, председатель бывшего Госкомцен СССР В. К. Сенчагов; член-корреспондент АН СССР, союзный министр, заместитель председателя бывшей Государственной внешнеэкономической комиссии СССР И. Д. Иванов; доктор экономических наук, ректор Высшей школы международного бизнеса Л. И. Евенко; член-корреспондент АН СССР, президент Ассоциации арендаторов и предпринимателей П. Г. Бунич; президент Ассоциации руководителей кооперативных предприятий СССР М. В. Масарский; президент Ассоциации государственных предприятий СССР А. И. Тизяков и другие.

Беспредельный ужас я испытываю, когда имею дело с вашими «капиталистами». Они все хотят купить что-нибудь за 5 руб. и продать за 10. У нас это считается преступлением. У вас — нормальным бизнесом. У нас везде рамки и квадрат, внутри разрешено все, что нужно и можно бизнесу. А за пределами квадрата вас ждет тюрьма. Рамки в России нащупать очень трудно.

Контакты. 2—3 недели готовимся к переговорам. Достаточное время, чтобы подготовить все документы, выработать позиции, сделать все расчеты. Приходим, садимся и видим странную вещь: на наших глазах русские начинают друг с другом спорить. Тоже кошмар! Теряем время, ждем, когда они между собой договорятся. И теряешь ясность, с кем можно контактировать. Каждый русский партнер обещает все, что мы желаем. Потом выясняется, что из обещанного ничего нет.

Деловая честь и честность. Видят партнеры: у вас один раз — липа. Второй раз — липа. В третий раз с вами никто не будет иметь дело. Но человек, работающий так, остается на своем месте. Это очень странно. Ведь из чести и честности произрастает репутация. Русских же она мало волнует.

Теперь о валюте, заработать которую хотят русские деловые люди. Для чего она им нужна? Не для того, чтобы создать дело на 40-50 лет, чтобы и их дети были в этом деле. Валюта нужна для того, чтобы поехать за рубеж. Это называется «проветриться». О будущем никто не думает.

А настоящее таково, что никто не знает, что происходит. Пытаешься узнать — тут же появляются какие-то секретные законы и постановления. Секретные или открытые документы по одной и той же проблеме не связаны друг с другом. Кажется, что все они написаны людьми, которые эту проблему не только не решают, но и плохо знают. Один и тот же вопрос в разных законах излагается по- разному. Мне, квалифицированному юристу, разрешить спор между партнерами на основе русских законов просто невозможно.

Но размах у ваших деловых людей есть. Если они берутся за какой-нибудь проект, он в конце концов становится грандиозным. Почему не желают заняться маленькими, но реальными делами? Это есть русская тайна. Всегда надо учитывать такой момент: на то, что в Америке нужен день, здесь и за месяц не осилишь...

ВПЕРЕД, К КАПИТАЛИЗМУ!

— Так я понимаю происходящие события, — сказал доктор экономических наук Ю. И. Тычков, председатель концерна, созданного недавно в недрах Минатомэнергопрома СССР, еще не оставивший тогда и должность заместителя министра.

Шел свободный обмен мнениями. «Каждый говорит, что хочет», — традиционный призыв-напоминание президента

Клуба А. Г. Аганбегяна, если кого-то пытаются призвать к порядку за «не те» слова. Никто не возразил, но никто и не поддержал Ю. И. Тычкова.

Только вице-президент Ассоциации государственных предприятий СССР, директор Чусовского металлургического завода (Пермская обл.) И. Н. Губайдуллин пытался внести ясность: ликвидировали фактически Госснаб СССР и теперь получить что-либо предприятию, не имеющему ничего, кроме металла, можно одним способом — с ротой автоматчиков. Но и сам Губайдуллин шагает туда, куда все. Но «куда идем мы с Пятачком? Большой, большой секрет!» Ирек Насырович идет туда же — он, собственно, уже и не директор, а председатель Совета арендаторов госпредприятия...

С того вечера прошло немало времени. Для политика и неделя много значит, а для экономистов, без 13-го пятилетнего плана, время получило другое измерение. Чтобы почувствовать лишь запах рыночной (с социалистической ориентацией) экономики, нужны два поколения людей, не испытывающих неприятных ощущений от такого запаха. Это — 40 лет. Такой срок был назван, после мощного коктейля, одним из авторов программы «500 дней». Члены Клуба считают, что 500 дней (от 2 апреля 1991 г.) маловато, а 40 лет — многовато.

Но счет любых дней или лет начинается теперь в апреле. И вот 2 апреля был сделан первый шаг по «польскому варианту» развития экономики — ценовой шок. В президентской рати, говорят, много сторонников этого варианта. Хотя скопировать ничто, даже мировые цены, страна не может. Она оригинальна и неповторима. Сейчас наша страна — единственная, где даже учебные заведения вынуждены зарабатывать деньги, чтобы выжить.

Как сказал академик А. Г. Аганбегян, ректор Академии народного хозяйства (АНХ), пятый за последние 10 лет, Академии не везет на ректоров и на все остальное.

АНХ находится на юго-западной окраине Москвы. Окраина урбанизированная. Деревни, стоявшие здесь, сметены. Немногочисленные деревья хоть заноси в Красную книгу. Стоят голые многоэтажные параллелепипеды.

15-этажная гостиница-общежитие для слушателей Академии кажется пришедшей из далекого архитектурного прошлого. Рядом пятиэтажный учебный корпус и горизонтальная трёхэтажная коробка Высшей коммерческой шко-

лы, входящей в АНХ. Невзрачные строения, требующие если не капитального, то косметического ремонта, начиная с ободранных кресел в конференц-зале.

Очередное заседание Клуба на этой территории было похожим и непохожим на предыдущие. Читатели, которых такие события интересуют, знают: дважды в год собираются директора предприятий, объединенных... Чем же они объединены, что их каждые полгода сводит вместе? Столь разных. Одни за капитализм, хотя и не уверены, что им позволят стать капиталистами, другие — против и даже уверены, что прежняя система при хороших «верховных комиссарах» работала бы лучше. Тем более, что есть прекрасно живущие страны с большой госсобственностью. Например, Франция, Италия...

И множество ещё точек зрения между полярными. Клуб был известен плюрализмом мнений своих членов еще в то время, когда не все нынешние политики могли объяснить смысл этого популярного сегодня слова.

*

Г. С. СИТНИКОВ, председатель правления концерна «Подольск», Московская обл.:

— Допущена колоссальная ошибка — слишком большой налог на прибыль. Никто не будет наращивать производство. Правительству надо набраться мужества и отменить все ограничения, мешающие предприятиям. Сколько лет мы слышим об их самостоятельности, но ее не стало больше.

*

Почти стандарт для Клуба — очередное заседание проводится в пансионате или доме отдыха одного из предприятий. И хотя отдыха не получается, но и рабочего напряжения не ощущают директора, умеющие заседать. На этот раз и заседали, и обедали, и ночевали на территории АНХ.

УЧИТЬСЯ НЕ ЗАЗОРНО

— Самое эффективное помещение средств — в человека, если он учится, двигается вперёд, в учебные заведения разного рода, — говорил А. Г. Аганбегян на этом заседании Клуба. — Сейчас в нашей Академии — 3000 слушателей двух- и одногодичных курсов. Есть ИПК (Институт повышения квалификации) с двух-трехмесячным обучением. Еще — Высшая коммерческая школа (1—3-х месячные курсы, можно до года). Здесь учатся только хозяйственные

руководители. Естествен крен обучения — руководитель в условиях рынка. Академия имеет информационно-вычислительный центр и 150 персональных ЭВМ устаревших моделей. Но ожидаем вот-вот персоналки новейших типов. В штате Академии — 900 человек.

Одновременно это и научный центр. Есть, например, исследовательский Институт экономической политики. Имеются кафедры, занятые преимущественно НИР. Широки связи исследователей АНХ с зарубежными родственными организациями. Желательны дообучение, стажировка слушателей в западных фирмах, но для этого нужна валюта. Да и в рублях немалая нужда. Бюджетное финансирование сокращается, и А. Г. Аганбегян готовит преподавательско-исследовательский состав АНХ к тому, что оно исчезнет вообще. Главная проблема для АНХ — где добыть деньги?

АНХ окружает себя совместными и малыми предприятиями, организациями под названием «фонд», консультационными центрами. Всё это даёт деньги, в основном рубли, а они, как сказал на Клубе В. И. Щербаков, первый заместитель союзного премьер-министра, сегодня самый дешевый товар.

Это не совсем соответствовало формуле знаменитого экономиста Карла Маркса и эмблеме заседания Клуба «Т-Д-Т» (товар-деньги-товар). Но для Гарвардской школы бизнеса, готовой принимать регулярно слушателей и ученых АНХ, рубли — не деньги и не товар.

И для москвичей, власть имеющих, — тоже. Начиная с любого чиновного кабинета, разговор с гостями сегодня один: «Привез деньги? Обеспечиваем хороший прием на любом уровне». Под «деньгами» в Москве понимают лишь валюту. Но, как заметил И. И. Гончаров, директор мясокомбината (Тверь), валюта, заработанная предприятиями, не попадает на их счета по полгода и больше. Что там творят во Внешэкономбанке СССР? Работают или спят?

Дремать там некогда. «Валютная катастрофа», — характеризует ситуацию В. И. Щербаков. Нет «живых» долларов. И вся заработанная валюта идет на обслуживание внешнеэкономических кредитов. Причем получаемые вновь или отзываются, или замораживаются «капиталистами».

Академия же народного хозяйства сегодня, чисто субъективное ощущение, клянчит валюту для своих нужд. Унижается. И потому

— Надо научиться зарабатывать и валюту. Собственными силами, — говорит А. Г. Аганбегян. — Одна из наших надежд — большой проект, под него 130 млн кредита дают. Начнем строить международный центр учебно-делового профиля, где 300 фирм смогут открыть свои офисы. Будет современный отель, до 100 услуг для его гостей. Бассейн, подземная стоянка на 900 машин и всё прочее, к чему привыкли бизнесмены. Тогда будет достаточно валюты, чтобы посылать за рубеж своих «студентов». Короче мы, как и вы, учимся жить в сложных условиях. Но в рынок мы вползаем на карачках.

★

И. П. ШКУРЕНКО, генеральный директор ПО «Актюбрентген», Казахстан:

— В чем наша цель? Максимальное благосостояние людей, нам подчиненных. Цены отпускаем, либерализируем их, а зарплату что? Так и будем ограничивать объемом товарной продукции? Надо сделать прибыль основным источником зарплаты.

★

«Интервенция» членов Клуба во владения АНХ мало что изменила в ее атмосфере.

И поставленный как обычно «круглый» стол, за которым сидели члены Клуба, их привычные выступления сидя, и свобода каждому говорить всё, что он желает, не смогли изменить статус директоров: их воспринимали все же как слушателей-«студентов». Но очень настырных. Докладчики едва выбирались из-под града вопросов и пробивались к лифту сквозь директорскую толпу.

Пожалуй, ни на одном из прежних заседаний не было у них подобных трудностей. Это объяснить можно единственным — большинство директоров ощущает ежедневно приближение лавины под названием «рынок». Видимо, ее уже невозможно остановить. Она постепенно разрушает все традиционные экономические порядки. Но рыночные структуры у нас с точки зрения развитых и не очень развитых «капиталистов» сегодня довольно слабы и часто бывают подобием, фикцией. К чему наши люди столь привычны.

Как привычны и к подобию порядка при всеобщем беспорядке. Однако бывший порядок за последние шесть лет превратился в такое.... что даже загадочный, обаятельный и улыбчивый, как говорят, М. С. Горбачев все реже и реже улыбается. «В котле общества накопился такой пар, — говорил тогда же, в апреле, В. И. Щербаков, — что выбьет крышку и...»

Чувствуя это, против рынка как символа каких-либо перемен к лучшему, хотя бы внешних, не возражают даже неповоротливые наши промышленные «тяжеловесы», которым не было равных в мире. Самая большая домна на Земле! И другие самые-самые.., на которых, бывало, пятая часть территории занята, а остальное — свалка. Да и сейчас они — вне всякой внутренней конкуренции, директора военной и гражданской тяжелой промышленности. После армии и КГБ это третья наиболее организованная сила.

Организованная против каких-либо быстрых экономических перемен, которые сметут не только правых и левых «прорабов перестройки», но и руководителей многих предприятий, профсоюзы. Сметут все и всех, тормозящих эти перемены. И немало для организационного становления этой «третьей» силы в нашем обществе сделал А. И. Тизяков, генеральный директор НПО «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина» в Свердловске, чьи изделия хорошо знают военные лётчики.

Он — наиболее известен среди «тяжеловесов», отбивших в последние годы многие наскоки доморощенных «капиталистов». Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий всех отраслей, и он выступал на Клубе дважды. Что не возбраняется его членам.

За его словами была слышна «поступь железных пролетарских батальонов» и «грохот мировой революции». Кстати, на предприятиях Ассоциации созданы и создаются вооруженные отряды, именуемые «внутренняя охрана». Слушая представителей Ассоциации, реально ощущаешь, что до «капитализма», даже нашего образца, к которому все же нас ведет, подталкивает президентская «рать», не 40 лет даже лет. А вдвое, видимо, длиннее путь.

«Пролетарии», представляемые отрядами на крупных и сегодня образцовых, по вчерашним меркам, государственных предприятиях, видят пять труднодоступных рвов на пути наступающих миллионеров.

1. Сельское хозяйство. Не имеет сил для сева, уборки кормов для скота, уборки зерновых и овощей для людей. И осенью 1991 г. «кушать будет нечего». Самоотстранение государственных организаций и предприятий от вмешательства преждевременна. Причем это вмешательство подразумевается традиционным, а не как, например, наращи-

вание техники для малых, несвободных лишь от стимулирующих налогов хозяйств.

2. Забастовки. Политические, экономические — они повсеместно ведут страну в тупик: встанут тысячи предприятий, появятся миллионы безработных. Они уже есть, и число их быстро растет. С 1 июля только на предприятиях легкой промышленности исчезает миллион рабочих мест.

3. «Независимые» республики. Туда же, в тупик, ведут. Не дают денег в союзный бюджет. Разрушают единый хозяйственный комплекс.

4. Союзное правительство. Тоже тащит страну в тупик повышением цен, делающим миллионы людей нищими. Плюс отказ от дотаций убыточных отраслей, чего нет даже в капиталистических странах.

5. «Быстрый» рынок сегодня — остановка тысяч производств, прежде всего химических, пищевой и легкой промышленности, разорение железнодорожных предприятий...

Но и призыв заняться в первую очередь сельским хозяйством повис в воздухе над «круглым столом». Споры о капитализме наступающем и социализме прошедшем на конференции и заседании Клуба как-то быстро вяли. Директора, как и мы все, устали от шестилетних разговоров. Реализация антикризисной программы Президента СССР и союзного Кабинета показалась им первым действием Президента и правительства, заслуживающим внимания.

*

Ю. О. ГАЛЬВАС, директор подшипникового завода, Томск:

— Директором достаточно крупного предприятия должен быть 28—30-летний человек. А в 50 лет западные менеджеры моего уровня управления уже готовятся уйти в отставку.

*

С ПИСТОЛЕТОМ И ПРЯНИКОМ

Не так уж и импотентно союзное правительство, как пытаются представить критики. В девяти случаях из десяти не допускались их действия. Депутаты говорят «нельзя». Забастовка незаконна, и что дальше? Что будет, если не выполнять законы? Страну разнесёт!

В. И. ЩЕРБАКОВ: — Обстановка ухудшается по всем параметрам, за исключением доходов населения, причем не только в кооперативных и других «рыночных» предприятиях. Трудности возросли во всем народном хозяйстве.

И нужны экстренные меры, чтобы не допустить хаотического распада экономики. Надо попробовать до конца года сбить хотя бы темпы падения объема производства первоочередных товаров...

Несмотря на общее нарастание хаоса в народном хозяйстве и ухудшение всех показателей, в новых хозяйственных структурах, близких к рыночному типу, аналогичные показатели не падают, а растут. И рост довольно устойчивый. Это прежде всего — арендные предприятия. Рост не только за счёт цен, растут и натуральные показатели.

То же самое в производственных кооперативах, совместных предприятиях. Фактически у них условия хуже, чем на госпредприятиях. Кроме скептического отношения госнаблюдателей и инидидуал-покупателей, они чувствуют и управленческое равнодушие, что гораздо чувствительнее. Например, они выпали из существующей системы снабжения. Хоть и изрядно разрушенной, но еще функционирующей.

Очень настойчивые требования — восстановить хозяйственные связи. Во-первых, принять жесткие меры в этом направлении нереально. Во-вторых, этого и не нужно делать, потому что замораживание хозяйственных связей означает замораживание производства, технического прогресса. При этом неизбежен возврат к централизованному распределению.

Нужна нормализация экономической среды. Кроме того, надо принудительно защитить секторы хозяйственной деятельности, обеспечивающие жизнедеятельность населения и государства в целом. Это продовольствие, товары народного потребления, жилье, транспорт, энергетика.

★

В. И. ТАТАРЧУК, заместитель председателя комиссии Верховного Совета СССР по промышленности, транспорту и энергетике, член Клуба:

— Рыночная экономика разорит многие предприятия. Не грозит разорение лишь предприятиям-монополистам. Они сами разорят какой угодно рынок. И будут процветать. Как уйти от монополии? Нужны параллельные предприятия. Но как их создавать? Ведь 60% производственных мощностей у «оборонки».

★

Апрельское правительственное желание было — зафиксировать объёмы поставок по уровню 1990 г. или 1991 г. И ввести жесточайшие санкции за снижение этого уровня. Всё, что сверх зафиксированного уровня, идёт по повышенным ценам. С соответствующим стимулированием. Вся прибыль от такого прироста будет оставаться в кошельках товаропроизводителей. И на эту сумму можно увеличивать фонд потребления.

За непоставку в пределах фиксированного уровня — двухкратное покрытие потерь сельхоз- и другой продукции, включая валютные затраты на закупку аналогичных

продуктов и товаров за рубежом. Таково одно из правил «деловой игры», предложенной союзным правительством. Как четко определил ее главный закон В. И. Щербаков, «с одной стороны — пистолет, с другой — пряник».

Выход из продовольственного кризиса правительство, по версии В. И. Щербакова, видит в заключении довольно жестких контрактов: даёшь проводольствие на уровне 1990 г. — получаешь ресурсы на том же уровне. По фиксированным ценам. Их номенклатура будет сокращаться. Даешь больше — правительство покупает не по фиксированным, а по договорным. Во всем народном хозяйстве — такая же логика, но без фиксации цен. Фиксированные (жесткие) цены должны сокращаться, останутся лишь договорные. И большинство контрактов будут заключаться без государства в качестве посредника. Надо понимать, видимо, что в 1992 г. союзное правительство целиком снимет с себя груз продовольственных проблем. Да и в 1991 г. эти проблемы безапелляционно отклонялись — «уже четыре года агропромы в ведении республик».

Другой «выстрел» по тем, кто создал искусственные ограничения хозяйственных связей (все барьеры межрегионального товарооборота, начиная или кончая «таможнями»). Пусть предприятия сами договариваются, куда, кому и что они будут поставлять. Даже без участия республиканских органов.

Третий «выстрел» — очень серьезное наказание (в рамках еще не принятого жесткого закона) за промышленный рэкет, вымогательство, выкручивание рук, за всякую дань. Уголовная ответственность ждет промышленных рэкетиров, операции которых по объему и криминогенности не уступают мафиозным.

★

Ю. В. ЛЕВИН, заместитель генерального директора металлургического комбината, Магнитогорск:

— Стоимость основных фондов комбината — 3 млрд руб. Кто может быть собственником? Трудящиеся осилят лишь 10% акций, еще 20 отдаем другим предприятиям, а основной пакет, и даже не основной, а все 100% акций в начале 1991 г. были в министерстве. Став акционерным предприятием, мы многие права потеряли.

★

Четвертый. Закон о собственности уже принят. Есть законы о предприятии, о налоговой системе. На подходе законы о приватизации и о предпринимательстве. Это всё

создаёт основу для ускоренного движения, но мешается под ногами одна и та же проблема — огромная товарная несбалансированность, которая постоянно нарастает. Частично эту проблему, как считает правительство, сняли новые цены. Но приходится все время отступать, «опуская дуло пистолета». Были вынуждены уступить шахтерам. Разрешить существенно дополнить минимальный объем компенсации. «Помог» Минск, как и другие «горячие точки».

Идет нарастающая волна дополнительных доходов и раскачивает народнохозяйственный корабль до того, что он «вот-вот перевернется». Разбаловались, как говорят в союзном правительстве, все органы исполнительной власти. Идет в ход

ПОСЛЕДНИЙ ОГУРЕЦ

Женщин на селе перевели на 36-часовую рабочую неделю. Другие увеличивают отпуска в полтора раза. Большое число предприятий приняли решение о сокращении режима рабочего времени. От 42-часовой рабочей недели остались одни воспоминания.

И казалось, на этом месте правительственный «пистолет» выстрелит неизбежным — замораживанием зарплаты. Но выяснилось, что «пока не вернутся к законодательной рабочей неделе, надо урезать фонд потребления. Тарифные ставки установлены на законодательное время. Если сокращено время, ставки тоже надо уменьшить. И эту болезненную операцию мы проделаем». Это — не замораживание, а уменьшение зарплаты.

*

Н. А. БАЛАНОВСКАЯ, директор комбината «Трехгорная мануфактура», Москва:

— Законодательную рабочую неделю трудно восстановить, как и удерживать кадры. Идет гонка — у кого зарплата выше. Выгодно работать не там, где что-то делают, а там, где делят. Зачем нам, руководителям легкой промышленности дуло пистолета, если и так падаем? Нет сырья. Но даже если оно и появится, кто будет работать на устаревшем оборудовании, отнимающем столько сил? Остается неясным, как же правительство решит две задачи: накормить и одеть народ.

*

Правительство вынуждено пойти и на очень жесткие меры по финансовому оздоровлению, восстанавливая

резервную систему, вводя в банках чрезвычайный режим работы, предлагая директивную банковско-кредитную политику. А банки, которые не согласны с этой политикой, будут просто закрыты. Процент за кредит поднимется до 30. Другого выхода в правительстве не видят, как сказал В. И. Щербаков.

Все стонут — ничего нет. Но в совокупности лежит почти полуторагодовой запас отечественного оборудования и материалов. Лежит готовый запас оборудования по импорту.... Если ничего не делать, ничего не давать предприятиям, полтора года народное хозяйство способно работать. Конечно, это не значит, что много продукции можно получить. Автомобиля, например, из запасов не сделаешь, не хватит каких-то материалов. Но это показывает, что запасы нужно переработать или продать. По договорным ценам. Финансовое оздоровление должно привести к выталкиванию на рынок огромных запасов, омертвленных на предприятиях.

*

А. И. ТИЗЯКОВ, генеральный директор НПО «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина», Свердловск:

— Горбачев издает свои Указы с опозданием. И они плохо влияют на обстановку. Советники Президента не учитывают ситуацию на местах. Работают нелогично. С рынком — как на берегу широкой реки: давайте поплывем; и никого не интересует, все ли умеют плавать.

*

Пятый «выстрел», почти очередь из автомата, отдается эхом до сих пор — деньги должны стать очень дорогими. За счёт чего увеличить товарное наполнение пустого рубля? Например, полностью освободить от налога на прирост прибыли тех, кто дает прирост продукции массового потребления. В товарное наполнение медленно, но все же идет госсобственность: жильё, предприятия бытовые, общепитовские, торговые, сервисные. И малые предприятия, рожденные крупными.

В процесс приватизации крупной частной собственности (мелкие собственники есть в любом кооперативе) втягиваются все отрасли, включая оборонные. Мнения на сей счет высказывались такие. « Я не думаю, что танковый завод, например, нельзя приватизировать. Будут выделены отдельные предприятия, не подлежащие сдаче в аренду или для продажи. Очень узкий круг. Каждое предприятие будет оцениваться персонально в Кабинете министров. По-

чему нельзя его приватизировать? Или, например, заводы отравляющих веществ, взрывчатки, боеприпасов? Частный производитель танков, например, получает полную свободу. Его будут сдерживать только антимонопольные законы. Получит и свободу во внешней торговле. Свободу правительство даст — и высокую — «нерыночным» предприятиям».

В. И. Щербаков и другие докладчики назвали глупостью сокращение производства военной техники.

«Мы были вторыми продавцами оружия. Теперь ушли, и американцы получили на 18 млрд контрактов, заняв наше место на этом рынке».

И еще больше теряем в целом на резком сокращении экспорта и увеличении импорта. Поправить эти дела сможет приватизация, способная привлечь иностранный капитал. «Если, конечно, приватизацию не придумаем такую, что

ВЕСЬ МИР НЕ ПОЙМЕТ,

что это такое». Сейчас капитальные вложения в экономику СССР носят «бросовый» характер: вкладывают столько, сколько не жалко потерять, и туда, где можно иметь лишь оперативную выгоду.

Желание ускоренной приватизации со стороны правительства сочетается с сохранением апробированной практики госзаказа. Но чтобы он был равновыгодным со всеми другими не регулируемыми сегодня поставками, покупать правительство намерено по тем же ценам, т. е. договорным. Госзаказы будут размещаться в 1992 г. на контрактной основе. Под госзаказ правительство даст узкую группу основных материалов.

Все это будет касаться республик, которые войдут в единое экономическое пространство. В его рамках будут действовать единые законы и должен быть свободный товаропроизводитель (с налоговыми рамками). Главную задачу В. И. Щербаков видит не в разделении собственности так, чтобы переподчинить предприятия. Союзные — республикам, республиканские — наоборот.

Следует провести акционирование, забрать основной пакет и делить его в зависимости от значимости предприятий: 60% забирает государство, 40% отдаем коллективам (20 купят сами, 20 отдадут на биржу). А эти 60% госсобст-

венности давайте делить: 30 — Союзу, 20 — республике, 10% — местным органам. Могут быть и другие пропорции.

Драка не за то должна быть, чтобы прибрать к рукам предприятие, а за то, чей пакет акций будет толще. И в этой драке правительство намерено защищать экономическое пространство. От «независимых республик». С 1 июля 1991 г. отношения с ними планировалось перевести на мировые цены. Рубль по рыночному курсу. И никаких экономических блокад, никакого сокращения поставок.

Второй шаг, если республики выдерживают такой прессинг (хотя и после первого шага они получают массовую безработицу). Граница так граница, таможни республик не разрушаются, а наоборот, на другом берегу, например, реки Нарвы в Иван-городе появляется таможня СССР. И все операции облагаются экспортно-импортными пошлинами. Без режима наибольшего благоприятствования. И так вдоль всех границ с Грузией, Молдовой и Прибалтикой. «Не такую мы продукцию получаем оттуда, чтобы ее нельзя было заменить», — сказал В. И. Щербаков.

Удивительно, что Г. Явлинский заявил вскоре, что антикризисная программа правительства не содержит реальных действий и конкретики. Они просто скрыты в подтексте. И когда уловишь их, мысль о том, что правительство импотентно, отпадает. Отчетливо видна ставка на рецентрализацию, на административно-командные методы управления в жизнеобеспечивающих отраслях. «Мы никогда не имели более циничного правительства, чем это», — сказал мне один из миллионеров, не пожелавший, чтобы его слова были с фамилией.

Но скорее это не цинизм, а желание любыми методами вытащить страну из огромной ямы, куда она попала, ощутив свободу говорить, но ничего не делать. И особенно это желание проявляется в политике ценообразования. Отменив «президентский» налог, правительство назвало большую сумму, «подаренную» населению. Сначала отнять, а потом подарить - таков нынче правительственный стиль. Впрочем, не очень новый. С меньшей степенью откровенности этим были заняты все наши предыдущие правительства, а может быть, все правительства мира.

— Без реформы оптовых цен и без реформы всей системы ценообразования переход к рынку невозможен. Почему? Потому что все стоимостные отношения — как

В КОРОЛЕВСТВЕ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Соотношение цен на продукцию нефтяной, газовой, угольной, машиностроительной, других ресурсных отраслей и на конечные продукты, годные для потребления, резко отличается от соотношения этих цен в мировом хозяйстве, — говорил доктор экономических наук В. К. Сенчагов, председатель бывшего Госкомцен СССР.

В 60-е годы, по его оценке, эти соотношения были близки к мировым. Но затем в 80-е годы все страны мира постепенно меняли цены и шел равномерный их рост. В СССР «боролись» за стабильные цены. Впрочем, стабильности не получалось даже с розничными ценами: их рост был 1,5—2% в год. Оптовые повышали в 1967, 1973 г. Закупочные цены тоже меняли многократно. Однако идти в ногу с другими странами мы не сумели. И в начале 1991 г. самое дешевое сырье в мире было в СССР. Выгодный партнер, вывози сырье и получай сверхприбыли, что и происходило. Тут, видимо, начало нынешней валютной катастрофы.

Довести цены на сырье до мировых — первое звено в цепи реформы цен. А цепь, как у Некрасова, — одним концом по барину, другим по мужику. Еще одно звено: всего 10—15% цен устанавливали сами предприятия, а остальное — Госкомцен СССР (75%) и республики (10%). Теперь желательно эту пирамиду перевернуть и отдать почти все цены в руки товаропроизводителей.

*

В. П. МЕШАЛКИН, директор льнокомбината, Вологда:

— Белоруссия перестала давать лен. Получали раньше по импорту из Бельгии и Франции немножко. Теперь и оттуда не получаем.

В. Н. ОРДИН, директор хлопчатобумажного комбината, Тирасполь:

— 10 тыс. работающих скоро будут без работы. Упустили контроль над хлопком. Рядом Одесса им забита, грузят и вывозят за доллары. Химики так химичат, что с их красителями работать невозможно. Нам на экспорт везти нечего и невыгодно.

К. П. АЛЬЦМАН, директор тонкосуконного комбината, Улан-Удэ:

— Мы не будем брать шерсть по новым ценам: 3 кг, отправленной на экспорт, дает 1 кг пряжи «оттуда». Но и там ее нет: 40% шерсти поступало по импорту, теперь не получаем. Таджикистан — основной поставщик внутри страны — не выполняет договоры.

*

Процесс роста цен, наиболее чувствительный для всех, идет неожиданно для специалистов-ценовиков быстрыми темпами. Оптовые цены растут в 1991 г. (по сравнению с 1990 г.) из месяца в месяц. В январе они выросли на 62%, в феврале — на 72%, а сейчас темп роста ушел за 200%.

Растут и прейскурантные цены, и закупочные, и, естественно, розничные. Объявленное 2 апреля их повышение — экономическая шутка правительства. Рост цен стал ежемесячным, потому что цель — сделать в 1992 г. 70% цен договорными — уже достигнута.

Причем, что тоже удивляет наших специалистов, не происходит перелива прибыли из отраслей, которые должны быстро развиваться, в отрасли, темп развития которых нужно сдержать. Например, сельское хозяйство к лету «проело», с помощью машиностроителей и других городских смежников, скромный запас прибыли. Рентабельность этой отрасли упала втрое против ожидаемой (35%).

Уже весной, как говорил В. К. Сенчагов, вырисовывалась цифра — 38 млрд руб., которые «лягут» в закупочные цены, а следовательно, во все остальные, вплоть до магазинных. Что же, их не трогать, глядя, как мучительно сегодня многие считают копейки в своих кошельках?

Тогда надо держать старый твердый курс — дотации сельскому хозяйству. Сегодня отрицаемый, отметаемый: завел в тупик этот самый курс. Но в то же время даже Япония, где «каждый пятак тремя гвоздями приколочен», как говорил один из героев Мамина-Сибиряка, глядя на расчетливых французов-купцов, не желающих с утра пить водку...

Даже Япония дает дотации на убыточный рис.

Проблема у нас здесь пока единственная — розничные цены отпускать на свободу или попытаться удерживать их централизованно. Но цены на хлеб и мясо уже

ДОСТИГЛИ МИРОВОГО УРОВНЯ

Считается, что на хлеб, мясо, другие продукты и товары мы имеем фиксированные цены (в 1992 г. их останется 15%). Но, по словам В. К. Сенчагова «симбиоз фиксированных и договорных цен трудно уживается». (Реплика оппонента: «Да где они, эти фиксированные цены, строительство стало дороже в 2,5 раза!»)

Все цены связаны, но была перегородка между оптовыми, закупочными ценами и розничными. Она «стоила» государству в 1990 г. около 120 млрд руб. Опрокинули ее, как берлинскую стену, и теперь все, что происходит в оптово-закупочном хозяйстве, выливается на магазиные прилавки. Предел мечты нынешних руководителей — хотя бы розничные цены на основные продукты удержать на «апрельском» уровне. Если не будет расти зарплата.

Однако было бы наивно полагать, что сегодняшняя нервотрепка вокруг цен — первое проявление рынка. Между договорной и рыночной ценой такая же разница, как между искусственным и естественным осеменением коров. Договорная цена вытекает из высших издержек. Рыночная же — из низших. Ее устанавливает не предприятие и не оптовый посредник, и не торговец. Она возникает в результате конкуренции родственных предприятий, и побеждает тот, у кого ниже издержки производства без ущерба для качества. И наоборот, даже у кого выше качество, кто сумел запустить в производство новинку.

И так далее. Эти азбучные истины рынка не свойственны еще нашей экономике, ушедшей от «плохой» администрации, от ее центристских методов управления. Но никуда еще не пришедшей.

«Нет товарных и фондовых бирж, нет рынка капиталов, нет перелива капиталов из отрасли в отрасль, нет антимонопольного законодательства. Правда, скоро закон будет, но бумажный — долго еще не будет действовать... Мы должны быть готовы к мощному росту цен. Что произойдет, если враз перейти на мировые цены? Предприятия, добывающие исходное сырье, становятся сверхбогатыми и сверхприбыльными и могут закупать все, что им нужно, на мировом рынке.

Отечественные машиностроительные заводы выдерживают натиск таких цен только один из трех, предприятия агропромышленного комплекса — один из пяти... При подготовке союзного договора вообще потеряли упоминание о единой ценовой политике. Вообще! Словно это — отрыжка административной системы. «Каждая республика пытается диктовать свои цены, поэтому и противоречия будут нарастать», — таков прогноз В. К. Сенчагова.

Несколько иная картина была нарисована членом-корресподентом АН СССР, президентом Ассоциации арендаторов и предпринимателей СССР П. Г. Буничем. По его

оценке, командная экономика разрушена, и бывшие 90% госсобственности гибнут вместе с госсектором.

Рыночный сектор владеет 10—12% собственности и продукции дает такую же долю. И чувствует себя как рыба в воде. Главный рычаг для развития рыночного хозяйства — свободные цены. «Кто лучше работает, пусть больше всех и получает,— сказал П. Г. Бунич. — Мы вышли из оцепенения и будем продавать хорошую продукцию за хорошую цену». Но, подняв розничные, не дали свободы оптовым ценам. Оставили зажатой зарплату. Хотели откачать деньги от богатых, а экспроприировали в 1991 г. бедных.

«Наш народ тихий и терпеливый, но сколько он будет терпеть, когда его обдирают как липку?» Срок терпения П. Г. Бунич не назвал, но сказал, что скоро зажиточные люди станут бедняками, съев даже запасы денег на черный день. «И хорошо бы обойтись малой кровью в ближайшем будущем».

О каком же выкупе собственности в такой обстановке может идти речь? Аренда — единственный путь, акционерные же игры — обман простодушных или не вникших в проблему. Но если оценить государственные фонды и раздать? Идея равенства в этом дележе приведет туда же, куда привели все остальные идеи: жить будем хуже, чем сегодня, и станем бедняками.

А что делать директорам? На этот вопрос В. И. Щербаков, первый заместитель председателя Кабинета министров СССР, союзный министр планирования и экономики, ответил так:

1. Все финансовые дела, кредиты особенно, посмотреть, навести порядок и все подсчитать, включая затраты и на промышленный рэкет.

2. Провести инвентаризацию имущества и от излишков избавиться.

3. Идти на приватизацию всего, что можно отдать в приватную собственность и пользование, это успокаивает людей. Рабочий, который отвечает только за свою гайку, всех и вся сметет.

4. Раскассировать (делегировать) все, что выходит на вас, отцепиться максимально от всех дел, оставив себе одну проблему — головной сбор продукции. Отдать максимум вниз.

5. Приготовиться к ударам со всех сторон. Возможна полная потеря управления предприятием.

РАССЧИТЫВАТЬ ТОЛЬКО НА СЕБЯ

Таков настрой у большинства членов всесоюзного Клуба директоров промышленных предприятий. Это выяснено в апреле 1991 г. после анкетного опроса на тему «Предприятие в период перехода к рынку».

В. Д. РЕЧИН,
кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Анкету заполнили 57 директоров, из них 34 — генеральных. 54% опрошенных работают в РСФСР (29% — на Урале и восточнее) и 46% — в других республиках. Они представляют практически все отрасли народного хозяйства. В члены Клуба принимаются сильные, прогрессивные директора, о чем свидетельствуют показатели работы их предприятий. Среди ответивших на анкету — 5 Героев Социалистического Труда, 19 докторов и кандидатов наук, 7 народных депутатов СССР и союзных республик.

— *Что будет с вашим предприятием после включения в рыночные отношения?* — был один из вопросов анкеты.

Около половины директоров рассчитывают сразу получить выгоды, половина из них — даже большие выгоды. Четверть предвидят ухудшение положения. Остальные либо считают, что ничего не изменится, либо затрудняются с ответом. Некоторые думают, что на такой вопрос принципиально нельзя ответить, так как сегодня невозможно предвидеть все хозяйственные ситуации даже до конца 1991 г.

К «оптимистам» можно отнести руководителей предприятий, монопольно производящих ту или иную продукцию. Им кажется, что и в условиях рынка они будут иметь преимущества. «Пессимисты» же, руководители предприятий, имеющих конкурентов, опасаются прежде всего потерять поставщиков. Но и они, «пессимисты», предполагают, что ухудшение дел будет временным, и потому они — за рыночные отношения.

— *Нужно ли быстро налаживать рыночные отношения, заключать новые хозяйственные договора? Или следует сохранять старые связи?*

Примерно 70% утвердительно отвечают на второй вопрос — не спешить с новыми хозяйственными связями и стабилизировать прежние традиционные договорные отношения хотя бы до конца 1991 г. Около половины опрошенных ответили, что они уже находятся в рыночных условиях. Треть директоров — за то, чтобы сегодня свободно заключать договоры между предприятиями. Только один из 57 директоров Клуба ответил: «Лучше сохранить все отношения между предприятиями в условиях директивного планирования».

Итак, мы видим две группы руководителей: 70% желали бы постепенного перехода к рынку и 30% хотели бы ускорить этот процесс. Взглянем теперь, как в этих группах ранжируют одни и те же проблемы, в частности, как ответили на вопрос:

Какие проблемы наиболее важны в переходной период?

Проблемы	«Идти постепенно к рынку»	«Идти ускоренно к рынку»
Сохранить поставщиков	1	1
Найти новых поставщиков	5	2
Договориться с поставщиками о ценах	2	3
Договориться с потребителями о ценах	7	4
Работать в условиях, диктуемых законодательством республики и местных органов	3	5
Работать с учетом союзных законов	6	6
Искать наилучший вариант организации и управления предприятием	4	7—8
Изменить настрой коллектива — работать по-старому, получать по-новому	8	7—8
Найти новых потребителей	9	9
Сохранить потребителей	10	—

Таблица иллюстрирует, на мой взгляд, два главных момента. Во-первых, поставщики материалов, комплектующих и прочего необходимого для нормальной работы предприятия заботят директоров больше, чем потребители готовой продукции. Так что материальная и психологическая власть экономики дефицита сильна и на предприятиях. И рыночная экономика будет главенствовать тогда, когда мы столкнемся с достаточно широким перепроизводством, со

снижением цен по этой причине. И, видимо, отношения с потребителями не будут на последнем месте среди проблем, волнующих руководителей предприятий.

Второй момент. Внутренние проблемы предприятий явно отступают в директорском «портфеле» перед внешними. Совсем недавно положение было иным. Зависимость предприятий от внешних обстоятельств возросла. Их «ассортимент» стал необъятным для директора и отсюда — «невозможно сказать, что будет до конца года», отсюда расширение внешних служб — снабжения, финансов (зарплата работников этих служб растет гораздо быстрее, чем остальных).

— *Кто поможет предприятию в 1991 г. в решении его проблем?*

Прежде всего, казалось бы, законодатели, выпускающие законы, с помощью которых станет легче жить. На прежних заседаниях Клуба директора активно обсуждали проекты новых законов, доводили свои соображения до Верховного Совета СССР. На заседании в апреле 1991 г. обсуждения не было. И не потому, что нечего обсуждать.

Две трети директоров в анкетах ответили, что они ведут хозяйственную политику, не ожидая новых законов. Большинство сделали вывод — рассчитывать нужно только на себя. Ни союзные, ни республиканские, ни местные органы управления всерьез не задумываются над условиями работы предприятий. Особенно мало надежд у директоров на местные органы власти, от которых они слышат в основном единственное — «Дай».

— *Какой должна быть экономическая политика правительства?*

Ответы на этот вопрос получены самые различные, нередко противоположные. «В 1991 г. в жесткой форме восстановить плановую дисциплину производства и распределения — сделать шаг назад, чтобы потом — два шага вперед», «как можно быстрее слова о свободных товаропроизводителях претворить в дело, дать свободу ценам», «быстрый переход к рыночным отношениям при ресурсном дефиците и провозглашенных суверенитетах республик приведет к еще большему хаосу», «ускоренный переход к рынку позволит быстрее преодолеть кризис».

Большинство директоров — за стабилизацию экономики в 1991 г. В этом большинстве немало руководителей, кото-

рые создали у себя кооперативы, испытали арендные отношения, сделали свои предприятия акционерными.

Если попытаться по 57 анкетам выявить усредненную позицию директора относительно крупного промышленного предприятия (треть опрошенных руководят коллективами свыше 5 тыс. человек, еще треть — от 3 до 5 тыс. и 40% — менее 3 тыс.), то получается такая картина.

1. Главное — стабилизировать в 1991 г. экономику, прежде всего договорные связи, и только потом переходить к рынку.

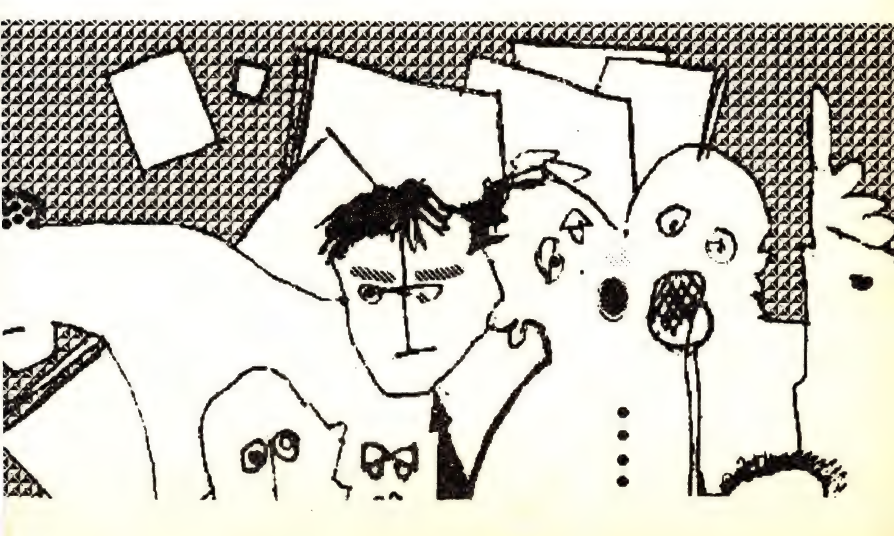
2. Основные проблемы: обеспечение поставок материалов и комплектующих, сохранение традиционных поставщиков и приемлемых цен на их продукцию.

3. Все проблемы предстоит решать собственными силами, не ожидая помощи ни от кого.

4. Хотя все директора учились на различных курсах и были в зарубежных деловых командировках, они практически и теоретически мало что знают о рыночной экономике (по их собственным оценкам).

5. Однако все они — за переход к такой экономике. Половина считают, что в рыночных условиях дела их предприятий улучшатся, другая половина — ухудшатся или не изменятся.

Эта усредненная позиция директоров не зависит от того, каким предприятием они руководят: государственным, арендным, акционерным, совместным или со смешанной собственностью.



„АКАДЕМИКА РОЖДАЮТ АКАДЕМИКИ...“
„СВЯТО МЕС
ПУСТО НЕ БЫВА...“
КАЖДЫЙ МОЖЕТ НАЗВАТЬ СЕБЯ НАПОЛЕОНОМ, НО ЭТО НЕ ЗНА...“

Много воды утекло после описанных в статье событий. И тем не менее, как представляется, статья актуальности не потеряла. Академиков вроде бы прибавилось. А еще чего?

Не разобравшись с одной бюрократической структурой (Академией наук СССР), мы торопимся реализовать открывшиеся «возможности» и наплодить новые. А разве от этого проблемы науки и людей, которые ее делают, станет легче решить? А сама она больше пользы будет приносить людям? И разве не каковы средства, такие и будут результаты?

НУЖНА ЛИ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ?

В. П. ФЕДОТОВ,
Ивановский государственный университет

15 февраля Верховный Совет республики неожиданно для многих обратился к вопросу о создании Академии наук РСФСР. В отличие от двухпартийной (МЫ-ОНИ) схемы противостояния, едва ли не ежечасно разыгрываемой в последние месяцы в больших и малых наших парламентах, на этот раз расклад действующих лиц был несравненно более сложным.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Формально Россия оставалась последней из пятнадцати союзных республик, не имевшей собственной Академии. Но разве АН СССР — не та основанная еще Петром Великим Российская Академия наук, сменившая лишь свою вывеску? И не россияне ли составляют 99% списочного состава ее академиков? Разве даже АН Украины, не говоря о республиках поменьше, способна померяться силами с Сибирским или Уральским (чисто российскими!) отделениями АН СССР? По логике вещей, когда Россия заболела суверенитетом, следовало всего лишь восстановить над АН СССР прежнюю — российскую — вывеску, оставив Союзу один только президиум.

Но два события помешали естественному ходу вещей: Президент М. С. Горбачев специальным Указом сохранил АН СССР в союзной собственности. А еще несколькими месяцами раньше вышел Указ уходившего с политической

сцены Президиума прежнего Верховного Совета республики, в котором провозглашалось создание АН РСФСР, но не назывались конкретные пути и механизмы ее формирования.

Правда, тогда же — 24 января 1990 г. — была образована комиссия во главе с президентом Сибирского отделения АН СССР В. А. Коптюгом, которой и поручалось подготовить ее создание. Плодом деятельности этой комиссии стала печально (скандально) знаменитая формула «академика рождают академики»: первых академиков АН РСФСР, по замыслу комиссии В. А. Коптюга, должны были избирать россияне из числа членов АН СССР. (Авторы формулы не почувствовали, что она может восприниматься и буквально: достаточно назвать С. П. Новикова, ставшего 15 лет назад самым молодым действительным членом АН СССР: академиками были не только его папа и мама, но еще и три дяди, в числе которых — М. В. Келдыш, бывший президент АН СССР).

Еще пару лет назад такой подход не вызвал бы никаких возражений. Ведь именно как филиалы АН СССР были организованы 14 республиканских академий. С чего бы возражать против учреждения пятнадцатой?

Но тут сказал свое слово вновь избранный Верховный Совет РСФСР, принявший 13 июля 1990 г. постановление «О разработке концепции формирования и организации деятельности АН РСФСР». Он сам, его Комитет по науке, образованию, культуре и воспитанию, президиум и председатель, а также Комитет по науке и высшей школе и Председатель Совета Министров РСФСР — вот исчерпывающий перечень инстанций, могущих принять законное решение о формировании АН РСФСР. Нет, конфликтов или разногласий между ними не было. Но одной лишь потери темпа (даже нерасторопности) хватило для того, чтобы утратить инициативу.

А свято место, как известно, пусто не бывает. И в законодательную пустоту хлынула лавина «инициативных людей».

Началось с ленинградцев. Идея воссоздания Российской Академии наук именно здесь — на ее родине — высказывалась уже много лет назад (в частности, известным биологом профессором Ю. А. Вороновым — еще в 1961 г.). А 11 марта 1990 г. собравшиеся в актовом зале ЛГУ представители 38 вузов и НИИ учредили Ленинградское отделение АН РСФСР. Организованное отделение не-

медленно было зарегистрировано уходящим в отставку Ленгорисполкомом и практически сразу приостановлено (а фактически отменено) новым составом Ленсовета.

Основание — многочисленные, мягко говоря, странности в деятельности инициативного оргкомитета. Критикуя союзную Академию, инициаторы отмежевались от нее столь резко, что и близко к себе не подпустили не только академиков и членкоров, но и рядовых ученых многочисленных академических институтов города. В итоге — острейшая конфронтация не только с Ленинградским научным центром АН СССР и Советом ректоров вузов города, но и с вполне массовым Союзом ученых. Масла в огонь добавили и откровенно шовинистические («патриотические») выступления ряда инициаторов.

Решили не отставать от ленинградцев и москвичи. 18 июля открылся учредительный съезд Российской академии технологических наук (РАТН), а 31 августа — Российской академии естественных наук (РАЕН). В тот же день(!) состоялся Объединительный съезд целевых академий, в котором вместе с РАТН и РАЕН приняла участие «вполне законная» (образованная на базе ВАСХНИЛ) Российская академия сельскохозяйственных наук. Чтобы сделать процесс необратимым, немедленно были избраны 589 членов-корреспондентов и 325 академиков, которым — это подчеркивалось особо — были присвоены единые звания членов Академии наук РСФСР. Избрали и президента объединенного президиума — академика А. М. Прохорова. Заметим, что у ленинградцев есть свой и ничуть не менее авторитетный претендент на роль президента АН РСФСР — Л. Н. Гумилев.

Избрали своих академиков и в Вологде. И не одного-двух, а сразу 23. Не обделили академическим званием и председателя облсовета Г. В. Судакова. Ленинградское отделение АН РСФСР не только не признало Вологодский научный центр в качестве своего филиала, но и не выдало ему разрешение на обзаведение гербовой печатью и открытие счетов в банках.

Чуть более стеснительными оказались инициаторы в Иванове, роль лидера которых взял на себя университетский профессор психологии В. Н. Куликов. До избрания самих себя в академики дело не дошло. Провели «инвентаризацию» докторов наук в области и, насчитав около двухсот, решили, что этого вполне достаточно для того, чтобы

заявить об организации Ивановского отделения АН РСФСР. Сочинили устав и — будто речь шла не о подразделении государственного ведомства, а о какой-то общественно-политической организации типа областного фронта докторов наук — понесли его на регистрацию в облисполком.

А дальше пошло-поехало. Свой научный центр учредили в Новгороде, отделение АН РСФСР — в Саратове, научно-кординационный совет — в Воронеже. Объединить столь широкую деятельность должен был съезд ученых России, состоявшийся 18—19 октября в Ленинграде.

НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Выступивший на этом съезде А. Т. Буравлев из Тамбова прямо сказал, что вместо консолидации наблюдается «межмосковская и ленинградская борьба». И не только за выбор столицы рождающейся академии и лидерство в ней, но и по организационным принципам ее построения. Борьба явно неравная: одиннадцати москвичам противостояли 147 ленинградцев и 33 — от ближайших пригородов (Пушкин, Всеволжск) до той же Вологды и других тяготеющих к Питеру областей Северо-Запада. Стремлением победить любой ценой объясняется и откровенная непредставительность съезда: из 209 участников только 18 представляли Киев, Ригу и еще 10 неведомо как выбранных не самых крупных российских городов, не очень уж известных своим научным потенциалом: Камышин, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре, Нальчик, Южно-Сахалинск и др. 19% общего числа участников оказались работниками Минздрава и 17% — Минобороны. Ученые из АН СССР оказались в разряде «прочих» наравне с речным флотом, ВЦСПС, Госстроем, обкомом КПСС, МПС, Спорткомитетом, Минрыбхозом и другими столь же учеными ведомствами.

Осторожное замечание автора этих строк о том, что инициаторы должны быть более чем щепетильны, чтобы не дать ни малейшего повода для обвинения их в стремлении прибрать к рукам кормушку, оттеснив от нее соперников, вызвало серию контрвыступлений, в которых это было расценено как попытка «свести на нет желание создать Российскую Академию». Не услышали участники октябрьского съезда и резонных аргументов трижды поднимавшегося на трибуну народного депутата РСФСР профессора Р. Е. Тихонова

из Коврова: «Каждый может называть себя Наполеоном, но это не значит, что он Наполеон на самом деле».

Полный провал съезда, однако, не обескуражил его организаторов, почувствовавших, что уставшая от диктата Москвы провинция явно склоняется в пользу предложенной ими региональной (а не отраслевой, на чем настаивали москвичи) организационной структуры академии.

И вот 20—22 декабря — снова Ленинград и снова съезд ученых России. На этот раз представительство внешне выглядело достаточно полноценным: 740 участников из 54 краев и областей. Правда, практически не было автономий, начавших, вслед за Татарстаном, открывать собственные академии. Как и в октябре, не густо было и с сотрудниками академических институтов (целое Сибирское отделение АН СССР представлял единственный делегат). Среди большого количества москвичей почти не было и членов октябрьского съезда. Но на этот раз были депутаты: кроме Р. Е. Тихонова, в Ленинград прибыли председатель Комитета по науке, народному образованию, культуре и воспитанию Верховного Совета РСФСР В. П. Шорин и председатель подкомитета по науке этого комитета А. Х. Микитаев.

ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ

Что же подтолкнуло депутатов к альянсу с самозванным оргкомитетом? Это и провал состоявшейся еще 8 сентября очередной попытки комитетов Верховного Совета и Совета Министров РСФСР найти общий язык с комиссией В. А. Коптюга. И опасение негативной реакции со стороны научной общественности на необъятных просторах республики: депутаты в упор не хотят видеть коллективы ученых из институтов АН СССР, отождествляя их с директорами-академиками.

В полном соответствии с православными традициями открытие декабрьского съезда было освящено молитвой и песнопениями при участии и под руководством самого митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна. Кстати о традициях. Царь Петр создавал Российскую академию как учреждение чисто светское для борьбы с религиозными предрассудками и мракобесием. А едва митрополит и его команда покинули расписанные уникальнейшими растительно-ракетными орнаментами своды актового зала ЛВВМИУ им. Фрунзе, как выступающие тут же забыли обо всех христианских добродетелях.

Декабрьский съезд мог бы послужить великолепным образцом диалектической борьбы противоположностей и их единства ради борьбы с общим противником. Так, сомнения в полномочиях отдельных участников сразу же ушли на задний план, едва замаячила угроза усомниться в правомочности самого съезда. А сколько сюжетных противостояний: депутаты — инициаторы, центр — периферия, Ленинград — Москва, вузы — НИИ, фундаментальная наука — отраслевая, светские науки — «оборонка», русские патриоты — российские нацменьшинства, целевые академии — региональные отделения, АН СССР — неакадемические учреждения. И это только по штатной принадлежности, а сколько еще и чисто идейных противостояний! Оказалось, что далеко до единства и внутри ленинградского оргкомитета: на второй день неожиданно сменили ведущего, и съезд превратился в базар.

Уже по традиции автор этих строк был обвинен в подрывной деятельности. Теперь — после разъяснения юридического статуса съезда и замечания о том, что участники оказались в положении заложников у трех депутатов. Если бы съезд не поддержал депутатскую концепцию АН РСФСР, то депутаты получили бы вполне достаточно различных поводов для того, чтобы объявить съезд непредставительным и игнорировать его решения. А в случае поддержки концепции (так и произошло) комитет В. П. Шорина получал полную свободу для ее реализации по своему усмотрению.

Хотя депутаты сами были настроены в пользу региональной структуры академии, А. Х. Микитаев подал это как великую уступку с их стороны. Одновременно он предложил определить единообразный порядок регистрации на местах и в Верховном Совете РСФСР региональных подразделений АН РСФСР и начать официальную регистрацию уже образованных структур. Ленинградский профессор не проворонил брошенную наживку и призвал собравшихся поддержать это предложение депутатов, пока те не передумали.

Уступив в малом, депутаты настояли на сохранении гвоздевого положения своей концепции: АН РСФСР не ведет никакой коммерческой деятельности и не имеет в своем составе научно-исследовательских организаций, учебных заведений и т. п. Настояли на этом вполне в духе Петра I: выслушали всех (а почти все были против как одного «не», так и другого) и сохранили без изменения свою домашнюю заготовку. Да и зачем волноваться-то из-за такого пустяка:

одобрил же съезд всю концепцию в целом — вот на это и достаточно теперь ссылаться.

Заручившись поддержкой второго ленинградского съезда, комитет В. П. Шорина обрел смелость: специальным решением было запрещено употреблять слова «академия» и «Россия» в названиях общественных организаций без санкции Верховного Совета РСФСР. В частности, лишились академических званий те самые 352+589 москвичей и 23 волгожанина. Правда, не совсем понятно, относится ли это к давно уже существующим многочисленным малым (школьным) академиям, а также к официально так поименованным военным и аграрным вузам.

Не дремали тем временем и москвичи. В пику ленинградцам, вытеснившим их из российской провинции, они организовали в Нью-Йорке Американское отделение Российской Академии наук.

Вот с таким активом и пришли основные противоборствующие силы к промежуточному финишу 15 февраля. Кроме В. П. Шорина и А. Х. Микитаева, на заседании Верховного Совета РСФСР выступили президент РАТН В. Н. Алфеев и один из сопредседателей одного из ленинградских оргкомитетов Ю. Н. Мясников (кстати, оба — не депутаты). И все уже катилось к округлой заключительной резолюции, да сказал свое слово Н. Т. Воронцов — известный ученый и член Верховного Совета, работающий в составе другого комитета. Уж кто-кто, а он, посвятивший значительную часть своей жизни сначала Сибирскому отделению АН СССР, а затем — Дальневосточному, познал все прелести регионального управления наукой.

И в заключение — небольшой курьез. Организация, идеально удовлетворяющая всем требованиям концепции В. П. Шорина, существует уже полтора года, хотя при этом и не имеет ни малейших претензий на статус АН РСФСР. Это Межрегиональная экспертная сеть, одним из координаторов которой является автор этих строк. Мы не имеем в своем составе никаких учреждений и не ведем коммерческой деятельности, сочетаем территориальный и функциональный принципы в организационной структуре. Нами разработаны система определения общего и специализированного интеллектуального рейтинга и регламент (заочной) аналитической дискуссии, позволяющие оперативно свести вместе единомышленников, отсеяв праздно любопытствующих и некомпетентных. Зачем ему вторая?

КАК ЛЕЧИЛИ ШОКОМ ЭКОНОМИКУ

Столь пугающую нас «шоковую» терапию пережили уже довольно много стран. Особенно важно то, что хозяйственный организм некоторых из них скроен «по образу и подобию» нашего. Выявленные в этих странах закономерности, надо надеяться, помогут и нам со знанием дела судить о действенности этого средства лечения наших недугов, побочных эффектах, сравнить его с другими, не столь радикальными мерами, о которых журнал предполагает рассказать в следующем номере.

... в Польше

Л. С. САВОСТИНА,
кандидат экономических наук,
ИМЭПИ АН СССР, Москва

После быстрого роста занятости в 50-е и 60-е годы принцип «постоянной зарплаты и снижения цен», положенный в основу политики безынфляционного развития социалистической экономики, довольно скоро обнаружил свою антимотивационную сущность. Новый принцип — «постоянные цены и рост зарплаты» — привел к деформации структуры цен и значительным дотациям производителям определенных товаров и услуг.

ПО НАРАСТАЮЩЕЙ...

В 70-е годы произошла переориентация на «открытие» экономики, расширение связей с развитыми странами. Темп роста цен значительно превысил уровень предыдущих лет. Чрезмерный (на 52%) рост зарплаты в 1974—1975 гг. превышал рост производительности труда в промышленности. Так, в течение 1972—1975 гг. общий объем вознаграждений увеличился на 65%, а поставки материальных благ на рынок — только на 40%.

Мощный толчок инфляции в 1972—1975 гг. дали инвестиции, поглотившие значительную часть (30—40%) приро-

ста фонда зарплаты. Для инвестиционной политики тех лет характерны постоянное снижение эффективности и несбалансированность (плановые затраты превышались в 2—3 раза), увеличение нормативных циклов капиталовложений, огромные потери и расточительство средств при крупных иностранных кредитах, снижение объема производства и рост затрат при чрезмерно высокой капитало-, энерго-, материало- и импортоемкости продукции и, наконец, довольно медленный темп обновления.

Внешняя задолженность достигла к 1980 г. 29 млрд дол. Если в 1976 г. обслуживание долгов поглощало 41% поступлений от экспорта, то в 1977 г. — 55%, а в 1979 г. — 94%. Превышение обязательств вначале возмещалось новыми кредитами, что вызывало сокращение импорта, производства и поставок на внутренний рынок. Зарплата производителей экспортной продукции не имела товарного обеспечения на внутреннем рынке: появился неудовлетворенный отложенный спрос.

Огромные прибыли предприятий лишь частично покрывались увеличением выпуска продукции. Рост затрат и денежных доходов населения, не связанный с материальным производством, стимулировал развитие спроса лишь незначительно.

Длительный и трудный путь структурных преобразований и установления рыночных отношений сопровождался постоянной борьбой с инфляцией.

Экономическая реформа, начатая в 1982 г., перевела инфляцию из скрытой формы в открытую. Предприятия, многие из которых занимали монопольное положение, получили большую самостоятельность при определении зарплаты, по-прежнему имея огромные дотации из госбюджета.

Среднегодовой темп роста розничных цен с 1981 по 1988 г. составил 30%, а зарплаты — 26%, в 1988 г. — 60% и 79%, а в 1989 г. — 350 и 382% соответственно.

Инфляция становится галопирующей с середины 1987 г., а с начала 1988 г. возникли и накапливались предпосылки гиперинфляции. Темп ее резко ускорила так называемая «ценовая и доходовая операция» (февраль 1988 г.). Резкое повышение государственных цен с одновременной их компенсацией для устранения ценовых диспропорций и оздоровления госбюджета должно было облегчить реализацию второго этапа реформы, нацеленной на значительное усиление роли рыночных инструментов регулирования,

повышение самостоятельности предприятий, их самофинансирование. Но этого не произошло. Введение эластичных договорных цен свободной купли-продажи (в 1988 г. на их долю приходилось более 50% поставок товаров и услуг для населения) не имело успеха, так как не были созданы условия для развития договорных цен в цены равновесия, свобода их установления часто ограничивалась государством.

Вместо намеченного снижения приблизительно на 5—6% номинальная зарплата возросла примерно на 13% при незначительном росте предложения на рынке; увеличение производственных издержек на зарплату и платежеспособного спроса дестабилизировало рынок. Правительство все более утрачивало контроль над инфляцией. Большинство используемых инструментов носило сдерживающий характер. Превалировали меры сглаживающие, смягчающие, а не радикальные. Рост предложения стимулировался мало и в основном мерами административного порядка, требующими постоянного контроля центральных органов. В целом не удалось отойти от затратной модели ценообразования.

В июле 1989 г. была принята система индексации доходов, при которой основные заработки и другие выплаты увеличивались пропорционально индексу розничных цен с поправочным коэффициентом от 0,8 до 1,0. Были повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию (на 48%). Но это не сопровождалось соответствующими сдвигами в структуре производства, а товарный дефицит позволял предприятиям увеличивать фонд заработной платы за счет повышения цен на продукцию. Экстренные меры правительства по ограничению инфляции и улучшению положения на внутреннем рынке ничего не дали, движение цен и доходов вышло из-под контроля. Возросшая денежная масса на руках у населения не обеспечивалась товарами.

Сильным импульсом гиперинфляции в 1989 г. было быстрое усиление несбалансированности госбюджета из-за повышения закупочных цен; дотации нерентабельных предприятий государственного сектора также увеличивали его расходную статью. Вследствие недостатков существовавшего экономического механизма налоговая дисциплина соблюдалась плохо, реальные доходы госбюджета были ниже запланированных.

3 ЭиОПП№ 8, 1991 г.

Номинальные денежные доходы населения к концу 1989 г. были в 3,5 раза выше, чем в 1988 г., реальная покупательная способность — примерно в 3 раза меньше. Углубилась финансовая несбалансированность экономики и госбюджета.

Борьба с инфляцией достигла своего пика в «шоковой терапии», начатой в январе 1990 г.

«ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ»

Антиинфляционная программа оздоровления экономики в Польше включала пять основных блоков:*

* рестриктивную денежно-кредитную политику (резкое ограничение предложения денег, высокие процентные ставки и значительное ограничение льготных кредитов);

* ликвидацию бюджетного дефицита (резкое уменьшение субсидий для производства продуктов питания, сырья, средств производства, энергоносителей и т. д. и отказ от большей части льгот);

* либерализацию большинства цен (90%) и значительное повышение цен, по-прежнему остающихся под контролем правительства (на энергоносители и лекарства, а также транспортные тарифы и квартплата);

* введение частичной конвертируемости валюты одновременно с ее значительной девальвацией, унифицированием курса на всех рынках и либерализацией внешней торговли;

* рестриктивную политику доходов — ликвидацию всеобщей индексации заработной платы, введение на государственных предприятиях резко прогрессивного налога, ограничивающего рост фонда зарплаты по отношению к росту цен, и уравнительного налога для всех, у кого зарплата превысит 1,4 средней ее величины.

Программа получила положительную оценку западных экспертов и международных финансовых организаций, выразивших готовность предоставить Польше новые кредиты и отсрочить выплату старых долгов (задолженность разви-

---

* Программа составлена при активном участии экспертов МВФ, и в ней, естественно, учтены интересы стран-кредиторов. Западные страны, входящие в Парижский клуб, пообещали Польше в течение четырех лет сократить ее долг на 17 млрд дол. при условии четкого выполнения программы. Устранение таможенных барьеров и поддержание стабильности курса доллара открывают западному экспорту широкие двери в страну.

тым странам на конец 1989 г. составила около 46 млрд дол., валютные поступления — 8,5 млрд дол., а выплаты — 19,1 млрд дол.) МВФ обязался выплатить Польше в течение 1990 г. 710 млн дол. на увеличение ее валютных резервов, а также ежегодно в течение 2—3 лет около 700 млн дол. при условии, что программа будет иметь успех и правительство подготовит среднесрочную программу реструктуризации экономики.

Основой соглашений с МВФ стали введение внешней конвертируемости злотого, формирование стабильного единого валютного курса, что предполагает и внутреннюю его конвертируемость. Теперь хозяйственные субъекты получили право приобретать конвертируемую валюту в банках на покрытие своих внешних долгов, т. е. ликвидированы административное распределение и ограничения на оборот иностранных валют.

Корректирующая инфляция, связанная с либерализацией цен и устранением дефицита, девальвацией валюты и унифицированием курса, повышением цен на уголь (в 5 раз), электроэнергию, газ и другие энергоносители, а также переоценка основных фондов (в 14 раз), оказалась значительнее (рост цен в январе составил 79,6% вместо запланированных 45%) и более кратковременной. В период с 20 января до середины марта заметно уменьшилась инфляция. В конце марта и в апреле появилось непредусмотренное инфляционное эхо, в основном на продовольственном рынке.

Достаточно быстро удалось ликвидировать дефицит основных товаров, в значительной степени благодаря либерализации импорта и приватизации торговли. Стабилизировался курс злотого (9500 злотых за 1 дол.). Достигнута общая сбалансированность экономики. Предложение стало превышать спрос. Благодаря твердой бюджетной и кредитной политике, замораживанию зарплаты темп роста цен несколько затормозился, а производители столкнулись с барьером спроса. В некоторых случаях цены начали снижаться, активизировался экспорт, в купле-продаже отказываются от посредников, создаются институты, гарантирующие и обеспечивающие кредиты на рискованные мероприятия с потенциально большой прибылью.

К апрелю 1990 г. стало очевидным, что меры по стабилизации в какой-то степени достигли цели, хотя снижение объема производства и реальных доходов населения ока-

залось гораздо значительнее, чем предполагалось (30% против 5—6%). Возник порочный круг трудноразрешимых противоречий: падает производство, ухудшается финансовое положение предприятий и, соответственно, платежеспособность, продукция не находит сбыта, закрываются предприятия, растет безработица. Одновременно снижение покупательной способности населения уменьшает дефицит, происходит затоваривание, создается видимость изобилия. Население требует повышения зарплаты, пенсий. Начинает медленно раскручиваться спираль инфляции.

С июня 1990 г. началась тихая, но решительная переориентация макроэкономической политики. За короткое время были приняты решения, явно смягчающие стабилизационную программу, в частности в июле—августе снизился банковский процент кредита с 3,4 до 3%. С сентября он снова стал повышаться, и из-за роста темпов инфляции в IV квартале увеличился с 4,6 в ноябре до 5,7% в декабре. Активы (количество наличных и безналичных денег) выросли в III квартале на 18 млрд злотых против запланированных 14 млрд. Снова возросли льготные кредиты для сельского хозяйства и пищевой промышленности, стали дотировать предприятия, например неэффективные молочные заводы, смягчен антиинфляционный налог.

Вторая половина года подтвердила опасения противников быстрого оживления предложения посредством снижения спроса. Предложение возросло незначительно и на непродолжительное время (июль—август). Очень быстро усилилась инфляция, и на некоторых рынках (например, сельскохозяйственных машин) вновь ощущался дефицит.

Усилили инфляцию нефтяной кризис в Персидском заливе и вынужденное — из-за раскручивающейся инфляционной спирали и угрозы МВФ о прекращении помощи — обострение денежно-кредитной политики в октябре—ноябре. Руководство МВФ и МБРР недовольно отступлениями от первоначальных принципов стабилизационной программы, а это чревато «замораживанием» дальнейших кредитов и займов.

С сентября 1990 г. уровень инфляции — 5—6% в месяц, номинальная зарплата опять росла существенно быстрее розничных цен и в октябре их соотношение составило 2 : 1.Нерешительность и отступления правительства в антиинфляционной борьбе позволили резко взвинтить цены. За последние три квартала они выросли в среднем в 10—13 раз, а доходы населения — в 6—7 раз.

Несмотря на увеличение компенсаций в связи с ростом цен на продукты питания реальные доходы в декабре 1990 г. были примерно такие же, как и в декабре 1989 г., хотя ситуация на рынке изменилась.

Почти все второе полугодие было временем упущенных возможностей: сейчас Польша находится на уровне апреля 1990 г. Появилась «незрелая» рыночная экономика, когда еще нет финансового рынка и рынка труда, но уже проявляют себя рынок продуктов, свободные цены, возросла конкуренция, валюта стала конвертируемой, внешняя торговля — либерализованной.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

В последнее время усилилось вмешательство государства в выполнение программы. Вера в то, что «сверхмогущественное» государство в состоянии одновременно и заменить рынок, и ускорить его появление, вызвать экономический бум и при этом избежать роста инфляции, раздавать многочисленные привилегии, дотации, льготы и дешевые кредиты, сохраняя стабильность валюты и не приводя к социальным конфликтам, устанавливать госпошлины, пробуждая конкуренцию и проводя демонополизацию промышленного производства, напоминает веру в чудо.

Президент Валенса намерен продолжать программу Бальцеровича с поправками в области сельского хозяйства и добывающей промышленности, а это свидетельствует о непонимании сути этой программы, в частности, необходимости ликвидации отраслевых привилегий.

Эти поправки-уступки могут принести лишь сиюминутное и ограниченное облегчение для этих отраслей хозяйства, не решая долгосрочных структурных проблем. Практически льготы затормозили демонополизацию и отсрочили приватизацию в пищевой промышленности. С 1 января 1991 г. вступил в действие указ об антиинфляционном налоге, так называемом «попивке» — налоге-штрафе на государственные промышленные предприятия за сверхнормативный рост зарплаты: за каждый сверхнормативно выплаченный злотый своим работникам предприятие перечисляет в госбюджет 5 злотых.

Сдерживание роста зарплаты с помощью «попивка» и нового уравнительного налога, который вступил в силу с 6

февраля 1991 г. и который повышает размер дохода, не подлежащего обложению, до 36 млн злотых в год, ограничивает использование производственных мощностей. Они в 1990 г. были не загружены на 45%.

Доходы населения в январе 1991 г. снизились по сравнению с декабрем 1990 г. на 9%. При росте цен на 12% реальное снижение доходов составило 20%. Примерно на 25% уменьшились доходы в сельском хозяйстве.

В целом по стране в январе, несмотря на высокую инфляцию, достигнуто денежно-финансовое равновесие, но такие положительные явления, как сокращение денежного предложения, рост валютных резервов, бюджетное равновесие и торможение роста зарплаты и доходов, не могут и не должны быть постоянными. Зарплата сейчас составляет менее 50% доходов населения, остальное — от спекуляции. Возможностями рынка полностью пользуются около 20% членов общества, причем польские товары их мало интересуют. По оценкам, падение реальных доходов населения и промышленного производства в начале 1991 г. сохранится на уровне 28—30%. Это чревато новым витком инфляции. Нужно корректировать налоговую систему, чтобы зарплата перестала быть единственным лимитированным показателем издержек производства.

Ситуация в производстве сложна, однако предполагается, что в 1991 г. начнутся экономический рост, повышение уровня жизни. Если не произойдет поворота от антиинфляционной ориентации экономической политики к производственной, если сохранится тенденция к сокращению валового национального продукта и дохода (на 30% в 1990 г.), то условия будут крайне неблагоприятными для достижения главной стратегической цели «плана Бальцеровича» — системной перестройки экономики Польши.

Переход Польши к рыночному хозяйству хотя и подвел к границе общественного терпения и ослабил поддержку правительства населением, но все же позволил, по мнению Бальцеровича, в принципе построить правовые рамки современной рыночной экономики. Несмотря на важные структурные сдвиги (экспорт на рынки Запада увеличился примерно на 30% при снижении общего объема производства) и продолжающуюся помощь Запада, переоценивать способность польской экономики к переориентации, а тем более к интеграции с экономикой западных стран, не следует.

* * *

Польский путь к свободному рынку уникален. Не исключено, что он единственно возможный в сложившихся условиях. Но это длительный и трудный путь. В Польше долго распространялась и в общем-то прижилась «рыночная идеология». И когда говорят о целесообразности перенесения польского варианта на нашу почву, то, как правило, не учитывают специфику экономической и социально-политической ситуации в Польше, а также особенности экономических и социально-политических условий в Советском Союзе.

Тем не менее определенные уроки из польского опыта можно извлечь:

* половинчатость и непоследовательность преобразований обостряют проблемы и выливаются в рост инфляции;

* борьба с инфляцией без увеличения предложения на рынке обречена и влечет за собой дальнейшую дестабилизацию;

* не следует питать иллюзий, что рыночное регулирование в условиях долговой кабалы и при низкой эффективности хозяйствования как на макро-, так и на микроуровнях незамедлительно обеспечит прирост эффективного экспорта и позволит значительно увеличить импорт необходимой продукции.

ШОК ...в Югославии

Н. В. КУЛИКОВА,
кандидат географических наук,
ИМЭПИ АН СССР, Москва

Более четырех десятилетий назад Югославия отказалась от многих сталинских догм и тем не менее оказалась практически в той же ситуации, что и страны, строившие социализм по образу и подобию СССР. Почему?

В качестве альтернативы «негуманному» рынку был предложен механизм общественных договоров и самоуправленческих соглашений. Результат — монополизм и тенденция к автаркии, нерациональное использование ресурсов, отставание в технологии. Страна жила «не по карману», наращивая внешний долг. При значительно большей, чем в других странах, самостоятельности низовых хозяйственных единиц рас-

ширенное воспроизводство оставалось под контролем государственных органов.

ЗАМЫСЕЛ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ

В 1989 г. к власти пришло правительство во главе с А. Марковичем. Были отменены сотни законодательных актов и инструкций. Для 80% товаров и услуг введен режим свободного ценообразования, проведена почти полная либерализация импорта, создан валютный рынок, расширена финансовая самостоятельность предприятий (снижены отчисления из их дохода, предоставлено право распоряжаться заработанной валютой и др.).

В основном подготовлена законодательная база системы, функционирующей на основе рынка и свободного предпринимательства, на принципах открытой экономики с широким участием иностранного капитала. Акцент делается на развитии связей с западными странами и включении в европейские интеграционные процессы. Признано, что главная цель любой хозяйственной деятельности (производства товаров, торговли, всех видов услуг на рынке) — получение прибыли, хотя само это понятие в течение нескольких десятилетий отсутствовало в югославском экономическом лексиконе. Декларировано полное равноправие всех форм собственности и предприятий различных типов.

До сих пор рабочие были квазисобственниками средств производства, не неся никакой ответственности за ее состояние. Теперь общественные средства определены как общественный капитал, а право управления ими и распределения прибавочной стоимости передано трудовым коллективам. Общественным предприятиям дана полная самостоятельность в выработке политики развития, установлении хозяйственных связей, внутренней организации. Исключение сделано лишь для электроэнергетики, железнодорожного транспорта, связи.

Существенно изменилась система самоуправления на общественных предприятиях. В компетенции рабочих советов — выработка производственных программ и политики развития. Полномочия администрации в руководстве предприятиями, напротив, расширились, а рабочие могут теперь выбирать директоров и менеджеров.

Общественные предприятия могут объединяться между собой и с любыми другими предприятиями или вкладывать

в них свои средства. Им дано право выпускать акции и, продавая их на фондовой бирже по рыночной стоимости, частично или полностью изменять форму собственности. Обанкротившиеся общественные предприятия будут идти на аукционах «с молотка». Покупать общественный капитал могут сами рабочие, любые югославские и иностранные предприятия или отдельные граждане. Средства от продажи будут зачисляться в специально созданные в республиках и автономных краях фонды развития.

Всем юридическим и физическим лицам дано право вкладывать средства в любые предприятия, в частности через приобретение акций. Акционеры имеют право на прибыль, а при определенных видах акций — и на управление, соразмерно доле в основном капитале. Соответственно ими разделяется и хозяйственный риск.

Так общественные предприятия будут постепенно превращаться в акционерные общества со смешанным капиталом на основе выпуска льготных акций, которые будут продаваться занятым в общественном секторе и пенсионерам или выдаваться в виде части заработной платы в течение десяти лет. Внутренние акции своего предприятия можно будет купить на сумму трехгодичного оклада со скидкой от 30 до 70% от их стоимости, в зависимости от трудового стажа.

По мнению авторов реформы, такой путь приватизации наименее болезнен и не угрожает стабильности общества. Правительство рассчитывало, что через два года после ее начала в стране не останется ни одного предприятия, где хоть часть общественных средств не будет переведена в другие формы собственности. Однако процесс развивается значительно медленнее: пока преобразование собственности началось лишь на 5% предприятий.

Многие югославские экономисты весьма критически оценивают такой метод приватизации, полагая, что насильственное навязывание акций и принудительная выплата ими части зарплаты не достигнут желаемой цели. Так многие трудовые коллективы отказываются получать акции. Отсутствуют специалисты по оценке имущества. Есть опасность распродать общественную собственность за бесценок. Не исключено, что приватизация усилит экономическую, а затем и политическую власть дельцов «теневой» экономики. Приватизация в некоторых республиках приостановлена, их правительства разрабатывают собственные ее варианты.

Широкие возможности открыты для возрождения кооперации и особенно для частного предпринимательства. Не допускается оно лишь в нескольких ключевых отраслях и на некоторых производствах со специфическими условиями труда. Максимально упрощена процедура регистрации частной деятельности, разрешено открытие одним лицом нескольких предприятий, совмещение работы в общественном секторе с частным бизнесом. С частного сектора сняты все лимиты на размер средств производства (в том числе земельный максимум), численность наемных работников, величину финансового капитала. Отменены также все ограничения на размер личного имущества.

Число частных предприятий стало быстро расти: только в 1990 г. их открылось около 40 тыс. — от магазинов и ресторанов до проектных организаций и промышленных цехов. В основном это небольшие предприятия, но есть и такие, где работает по 100—150 человек. Ожидается, что в ближайшее время будет создано еще несколько десятков тысяч частных фирм.

Югославия еще 30 лет назад стала первой и на долгое время единственной социалистической страной, открывшей двери иностранному капиталу. Однако возможности и права иностранных граждан до последнего времени были весьма ограниченны.

Сегодня их положение во всех отношениях такое же, как и у югославских. Открыта дорога во все виды предприятий, включая банки и страховые организации. Ограничение на долю иностранного капитала (49%) в основном капитале предприятия снято. Иностранные вкладчики могут открывать и собственные предприятия любых форм (за исключением нескольких видов деятельности).

Действие новых правил сказалось незамедлительно. Только за 1990 г. было подписано почти 3 тыс. соглашений об иностранных инвестициях на общую сумму в 2 млрд марок ФРГ. Это в пять раз больше, чем в 1989 г., и не идет ни в какое сравнение с предшествующими годами. Правда, в подавляющем большинстве случаев иностранные предприниматели вкладывают средства не в собственные, а в смешанные предприятия, опасаясь, видимо, дестабилизации в стране. Предпочтение отдается передовым фирмам. Надежды правительства на то, что будут скупаться, хотя бы «по дешевке», убыточные предприятия с последующим их переоснащением, обучением персонала, организацией экспорта продукции, пока не оправдались.

Учреждены финансовые и валютные биржи. Проводится реформа банковской и всей кредитно-финансовой системы. Хозяйственные банки будут превращены в акционерные общества с правом участия как предприятий, так и частных лиц. Если раньше объекты, объемы и сроки кредитования, процентные ставки определялись «сверху» и банки не разделяли риск с предприятиями за использование инвестиционных кредитов, то теперь они будут самостоятельными коммерческими организациями, живущими на прибыль от финансового капитала, с процентными ставками, формирующимися в соответствии со спросом и предложением денег и ценных бумаг.

Народному банку Югославии возвращен статус «банка банков», подчиненного только парламенту — Скупщине СФРЮ. Он формирует финансовую и кредитную политику, обеспечивающую стабильность национальной валюты, и заботится о внешней и внутренней платежеспособности. Банк освобожден от функций кредитования общественных расходов, покрытия бюджетного дефицита, санации убыточных предприятий и т. п., которые переданы государственному бюджету.

Поскольку неудачи реформ прошлых лет были вызваны и обострениями в социальной сфере, правительство разработало обширный план помощи тем, кто в ходе реформы окажется без работы или в тяжелом материальном положении. Принципиально меняется и механизм общественного планирования: на уровне федерации, республик и автономных краев сохранено лишь долгосрочное и пятилетнее планирование.

Задача налоговой реформы — приблизиться к системе стран Общего рынка, что требуется для вступления в это сообщество. Планируется отменить некоторые виды налогов или уменьшить их размер (в частности, налог с оборота, деформирующий цены), унифицировать налоги на территории страны.

Новое законодательство в области внешнеэкономической деятельности практически не отличается от стран с открытой рыночной экономикой: широкая свобода движения товаров, услуг и капиталов. Впервые законодательно установлено равное право выхода на внешний рынок всем предприятиям независимо от формы собственности и частным лицам. Отменены все запреты на ввоз и вывоз товаров югославскими и иностранными гражданами при условии уплаты таможенной пошлины.

С самого начала реформа натолкнулась на препятствия, главным из которых оказалась инфляция. Эта болезнь еще с середины 60-х годов стала спутницей югославской экономики (до этого цены повышались в среднем на 4% в год). С середины 80-х годов инфляция приняла галопирующий характер, перешагнув в 1987 г. трехзначный (118%), а в 1989 г. — и четырехзначный (1256%) рубеж.

Такой гиперинфляции не знало, за исключением периодов войн и революций, ни одно европейское государство. Наряду с общими причинами (несоответствие между спросом и предложением, диспропорции в отраслевой структуре производства, высокая внешняя задолженность и т. п.) она обусловлена и специфическими для СФРЮ факторами.

Оказалось, что модель экономики с самоуправлением порождает инфляцию. Желанию рабочих самоуправляющихся предприятий, наделенных большой самостоятельностью в установлении и размеров оплаты труда, и цен на продукцию, иметь высокие заработки не противостояли никакие другие интересы.

Система распределения дохода позволяла формировать при расчетах фиктивный доход, увеличивать потребление в ущерб накоплению, объем средств, идущих на содержание общественной надстройки, в ущерб народнохозяйственным фондам.

Второй очаг инфляции представляла собой финансовая сфера с ее многочисленными дисбалансами: узаконенной убыточностью общественных предприятий и банков, различными видами теневой эмиссии (взаимные задолженности предприятий, практика выпуска ценных бумаг, гарантами которых выступали банки, основанные внутри предприятий, и т. п.), так называемыми «курсовыми разницами», осевшими в банковских балансах вследствие постоянной девальвации динара.

Неспособность экономической и политической систем страны обеспечить интеграцию в народном хозяйстве и целостность внутреннего рынка привела к замыканию хозяйственных комплексов в региональных рамках. Затруднена циркуляция товаров, рабочей силы и особенно инвестиций: границы республик и автономных краев пересекает лишь около 1% капиталовложений.

Борьба с инфляцией в течение многих лет считалась главной задачей. Сменявшие друг друга правительства принимали различные антиинфляционные программы (в зависимости от того, какое понимание инфляции брало верх). Но ни одна из них не принесла успеха, как и неоднократные попытки «заморозить» цены административным путем. Каждый раз эффект быстро растворялся и происходил новый, еще более крутой виток инфляции.

Правительство с начала 1990 г. попыталось ликвидировать инфляцию с помощью «шоковой терапии», суть которой — в оздоровлении динара через установление его внутренней конвертируемости и поддержании стабильности мерами рестриктивной кредитно-денежной и фискальной политики.

С 1 января 1990 г. в стране одновременно:

* осуществлена деноминация национальной денежной единицы в 10000 раз, установлен жесткий обменный курс нового динара к марке ФРГ 7 : 1;

* введена полная внутренняя обратимость динара, что дало возможность вести в динарах все текущие денежные операции, а предприятиям и населению — покупать в банках без ограничений иностранную валюту за динары по официальному курсу;

* заморожены сроком на полгода цены на основную продукцию базовых и инфраструктурных отраслей (топливо и энергия, металлы, железнодорожные перевозки, услуги связи, коммунальные услуги); в основном же (на 80% товаров и услуг) цены оставлены свободными;

* на полгода заморожена заработная плата рабочих и служащих;

* разделены бюджетные и банковские средства и управление ими, проведена жесткая финансовая политика, ограничивающая обьем денежной массы в обращении.

Были обеспечены необходимые для поддержания внутренней конвертируемости динара валютные резервы в размере 6 млрд дол.; выявлены все скрытые убытки и дефициты бюджетов, банков, производства с целью изыскания реальных источников их покрытия. Наконец, была обеспечена поддержка реформы западными государствами и международными финансовыми организациями.

Взятый курс на начальном этапе принес несомненные положительные результаты. Полная внутренняя конвертируемость укрепила динар, его стали принимать многие ев-

ропейские банки; буквально за день исчез черный рынок валюты. Рост валютных резервов заметно ускорился, и за полгода с небольшим они достигли 10 млрд дол. Несколько сокращен размер внешнего долга, составляющего около 17 млрд дол.

Всего за несколько месяцев инфляцию удалось полностью обуздать, и цены даже начали снижаться. Прекратился «массовый психоз потребления», внутренний рынок полностью насытился товарами, в том числе высококачественными импортными. В обществе появилось чувство стабильности, надежды на выход из кризиса.

Однако уже через полгода положение вновь стало дестабилизироваться. Частично это было вызвано непредвиденными обстоятельствами — сильной засухой, которая обошлась в 1,7 млрд дол., кризисом в Персидском заливе, в результате которого Югославия понесла финансовые убытки в 1,3 млрд дол. (не считая косвенных).

Хотя основная часть населения вначале поддержала правительственный курс на стабилизацию экономики, однако, столкнувшись с необходимостью еще туже «затянуть пояса», трудящиеся стали всеми средствами, включая забастовки, добиваться повышения зарплаты. И оно проводилось главным образом за счет оборотных средств и фондов развития производства. Увеличение денежной массы в обращении привело к обесцениванию динара и новому ускорению роста цен. В результате годовой темп инфляции значительно превысил намеченный уровень в 13% и составил 75%.

Завышенный курс динара сохранялся, и это поставило под удар экономическую политику правительства. Наиболее негативными были последствия для внешней торговли и состояния валютных резервов. Несмотря на льготы налоговой и таможенной политики, экспорт стал невыгодным, и при неконтролируемом увеличении импорта год завершился с большим пассивом во внешнеторговом и платежном балансах (4,7 и 2,6 млрд дол.). Потеряв доверие к динарам, люди начали лихорадочно снимать со счетов и скупать иностранную валюту в банках. Уже к концу года растаял почти весь полученный прирост валютных резервов. Тенденция их снижения существует до сих пор, подрывая главную материальную опору программы правительства. В такой ситуации оно было вынуждено прекратить с конца истекшего года продажу иностранной валюты за динары и ввести ограничения на ее выдачу со счетов. В первый день нынеш-

него года была проведена девальвация динара и установлен его новый курс к марке ФРГ 9 :1.

Несмотря на принятые в стране «рыночные» законы, основные очаги зарождения инфляции сохраняются, хотя и в более «приглушенном» виде, чем раньше. Общественные предприятия по-прежнему стремятся увеличивать расходы сверх реально имеющихся средств, эта же возможность остается пока и у государства.

* * *

В целом цена реформ оказывается выше самых пессимистических ожиданий. Уже в 1990 г., когда начался ее первый этап, ужесточение финансовой дисциплины, снижение спроса и закрытие предприятий-банкротов повлекли за собой сокращение производства более чем на 10% с выраженной тенденцией к продолжению спада. Быстро пополняется армия безработных, сегодня их в стране уже около 1,5 млн. Ожидается, что в ходе структурной перестройки к ним присоединятся в течение нескольких лет еще по 200 тыс. человек. Значительная часть населения отброшена за черту бедности.

Многое из происходящего сегодня в экономике Югославии не вызывает оптимизма. Правительство подвергается ожесточенной критике, раздаются призывы к его отставке и смене приоритетов экономической политики. Выжидательную позицию заняли по вопросу предоставления новых кредитов международные финансовые организации, временно снято с рассмотрения включение СФРЮ в ЕЭС. Однако А. Маркович твердо держится взятого курса. Пожалуй, единственной непреодолимой преградой на пути его реформы может стать политическая нестабильность югославского общества, национальные конфликты.

В республиках принимаются акты, противоречащие Конституции СФРЮ. Республиканскими решениями прекращается финансирование общегосударственных программ и фондов. Обычным явлением стали экономические блокады, разрывающие и без того непрочное югославское экономическое пространство. В то же время республики твердо отклонили попытки правительства в конституционном порядке усилить функции и полномочия центральных исполнительных органов государственной власти, которых им сегодня недостает для обеспечения правового порядка в экономике.

... во Вьетнаме

Е. Р. БОГАТОВА,
кандидат экономических наук,
Научно-исследовательский центр экономической теории и политики
Академии народного хозяйства, Москва

Еще в 1986—1988 гг. уровень инфляции во Вьетнаме превышал 400—500% в год, а уже в 1989 г. среднемесячный темп роста цен упал с 14 до 2—3%, стабилизировался продовольственный рынок, существенно расширились связи с внешним миром. Вот уже и «жадный» до мирового опыта Н. Назарбаев включил Вьетнам в маршрут своих поездок.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

«Политический отчет ЦК КПВ VI съезду КПВ», опубликованный в СССР в декабре 1986 г., произвел впечатление решительными формулировками. Провозглашалась многоукладность экономики, рамки переходного периода не ограничивались, как прежде, ближайшей круглой датой, а отодвигались на конец текущего тысячелетия — начало следующего. Говорилось о необходимости открыть двери во внешний мир, резко критиковалось положение в партии. Все это было сказано до того, как Советский Союз — «старший брат» — заговорил о действительно радикальной экономической реформе.

И уже в конце 1987, а особенно в 1988 г., появилась целая серия решений, подтвердивших, что выводы съезда не остались декларациями. В значительной мере был легализован частный сектор, причем без ограничений в найме рабочей силы и масштабах деловой активности. Закон об иностранных инвестициях разрешал желающим образовывать со вьетнамской стороной совместные предприятия, развивать деловое сотрудничество (без образования нового юридического лица) или же открыть во Вьетнаме свое предприятие со 100-процентным владением капитала. Более чем трехлетняя практика применения этого закона оказалась успешной. Впервые отчетливо прозвучала мысль о крестьянской семье как основе

сельскохозяйственного производства и о том, что наиболее умелые, предприимчивые крестьяне могут разбогатеть быстрее других и — что особенно важно — получить большие земельные участки и свободу реализации продукции.

К последним реформам -- «обновлению» — привела дорога, на которую Вьетнам встал еще в конце 70-х годов. Правда, вплоть до второй половины 80-х изменения хозяйственной системы не выходили за рамки традиционного «совершенствования управления» и представляли собой попытки внедрить стимулы для самостоятельности и инициативы, не изменяя основные принципы отношений между государственными органами управления и предприятиями (всех отраслей и укладов) — директивность и фондируемое распределение ресурсов.

Политика «совершенствования» шла волнообразно: то полосы либерализации (1981—1982 гг., конец 1985 г.), то ужесточение правил деятельности (1984 — начало 1985 г., первая половина 1986 г.). Все сильнее проявлялись диспропорции развития. Ускорялась инфляция, намечался застой в ключевых секторах экономики, падал жизненный уровень людей с относительно фиксированными доходами.

Радикальная политика второй половины 80-х годов, собственно, и стала попыткой всколыхнуть стагнирующую экономику. Летом 1986 г. умер генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, и смена руководства развязала руки для более смелых, чем прежде, преобразований. Борьба с «врагом номер один» — инфляцией — повелась не через свертывание рыночных связей, ужесточение централизованного контроля над ценами, а, напротив, путем расширения свободы хозяйственных связей и сферы рыночных отношений. Но со второй половины прошлого года стали нарастать признаки новой дестабилизации: темпы инфляции, составлявшие в первом полугодии 1990 г. 2,6%, увеличились до 3,6% в июле и продолжали расти: с сентября по декабрь — с 4,3 до 8,8%. В январе и феврале 1991 г. впервые за последние два года месячный индекс инфляции составил двузначную цифру, а в среднегодовом исчислении — около 400%.

Основную долю товарного риса государство покупало у крестьян по линии госзакупок: по прямому товарообмену и за наличные. По товарообмену же крестьяне получали зачастую продукцию дорогостоящую, ненужную, не того ассортимента. Поэтому часть урожая и кооперативы, и сами крестьяне стремились продать за наличные, чтобы купить на рынке нужное, обменять с частником или с государством, но выступающим в качестве купца, а не пассивного исполнителя предписаний Госплана и Госкомцен о товарообменных коэффициентах при плановых закупках. Постоянная задолженность закупочных организаций крестьянам, принудительные методы закупок толкали крестьян на сокращение плановых поставок и продажу риса по рыночным условиям.

Угроза же невыполнения планов госзакупок и отсутствие нужных товаров принуждали государство закупать у крестьян рис по высоким, приближенным к рыночным ценам за наличные.

В госсекторе рост цен на промышленную продукцию практически не ограничивался. Порядок оплаты фактических издержек производства, образование прибыли в зависимости от себестоимости продукции, отсутствие свободы в выборе поставщика приводили к тому, что предприятия принимали любую цену на производственные ресурсы. Множились промежуточные звенья в материально-техническом снабжении, увеличивая издержки обращения и стимулируя рост цен. Одновременно значительная часть ресурсов (так же, как в госторговле) реализовывалась свободно по ценам, превышающим таковые в «организованной» системе.

По импортируемым ресурсам (около 80% общего объема используемых в производстве) внутренние цены устанавливались исходя из коэффициента пересчета рубля и доллара в донги, который был в несколько раз меньшим, чем рыночный курс. Несмотря на официальный запрет использовать доллар во внутренних расчетах (помимо системы государственных магазинов типа «Интершоп»), часть расчетов на свободном рынке осуществлялась в свободно конвертируемой валюте. Чем выше темпы инфляции, тем больше спрос на доллары, золото, т. е. на относительно стабильные платежные средства. Для сопоставления товарных цен также широко использовались валютные изме-

рители. Шла «долларизация» экономики. В результате курс донга на свободном рынке систематически падал, а это стимулировало рост товарных цен на внутреннем рынке. Официальный же валютный курс донга поддерживался на завышенном уровне, что вызвало рост спроса на импорт, способствуя снижению рыночного курса донга к доллару, спекуляциям на основе разницы цен.

При пересчете цен на материалы во внутренние цены, плановое их распределение вне связи с эффективностью и действительной потребностью создавало искусственный дефицит, завышенный спрос на производственные ресурсы в государственном материально-техническом снабжении. Не обеспечивая всех потребностей предприятий в ресурсах, государство выплачивало дотации предприятиям, компенсируя разницу в ценах на сырье и материалы на свободном и «организованном» рынках (как правило, наличными, так как на наличные же делались закупки).

Розничная торговля рисом велась по низким стабильным ценам — не торговля, а нормированное снабжение. Отсюда — дефицит, низкое качество, спекуляция. Деньги, использованные на закупки, не возвращались по каналам торговой выручки, систематически росли дотации из госбюджета отрасли, ведающей продовольствием, и, следовательно, эмиссия.

Коммерческая торговля в государственной сети всеми товарами, заготовленными магазинами самостоятельно, не получила широкого развития.

ЭКОНОМИСТ НА ПРЕДПРИЯТИИ: ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ

Начиная обсуждение вопросов, поднятых П. Г. Ефремовым (ЭКО 7. 91), мы даем читателям возможность ознакомиться как с точкой зрения на свой труд самих экономистов, так и с результатами обследования, где дан обобщенный портрет руководителей производства, в том числе представляющих и экономические службы цехового уровня. Думается, сочетание взглядов «изнутри» и «снаружи» поможет лучше понять проблему.

«ТРАВЛЯ»? НЕТ. ПЛАНОВАЯ КАМПАНИЯ

Э. Д. КОЛЕСНИКОВА,
бюро экономического анализа акционерного предприятия «ЭЛСИБ», Новосибирск

ЛИШНИЕ СОГЛАСНО РАЗНАРЯДКЕ

Трудно не согласиться с мыслями и предложениями П. Г. Ефремова . По отдельным вопросам можно и поспорить, но в главном он прав. Мне представляется, что деятельность экономических служб следует рассматривать не только с точки зрения их организационной структуры, профессиональной подготовки, качества работы. Мы очень редко задумываемся об отношении к экономистам, об обстановке, в которой они работают, о том, как на них смотрят руководители высшего звена, службы и подразделения, с коими приходится «контачить» по работе. Встречают ли экономисты взаимопонимание, уважение, поддержку, прислушиваются ли к их мнению, советам, рекомендациям?

На каждом заводе свои проблемы, и, к сожалению, нередко они приводят к конфликтным ситуациям. Технические, производственные, коммерческие отделы обрушивают на экономистов поток обвинений и видят главную причину собственных бед в том, что у тех нет механизма, способного все беды враз ликвидировать. Действительно, та-

кого механизма не существует. А чтобы проблемы решались, необходимо объединить или «увязать» все производственные направления, сделать стабильными экономические законы в государстве. И еще — дать предприятиям полную, не на словах, а на деле, самостоятельность.

Непосвященным в профессиональные тонкости людям непросто оценить значение экономистов на промышленном предприятии. Наше и без того неспокойное бытие буквально захлестнула лавина противоречащих друг другу документов, указов, постановлений, умножая утомительную и никому не нужную работу. Но дело даже не в этом, разговор надо вести не о сегодняшнем дне. «Травля», как пишет П. Г. Ефремов, началась еще в те времена, когда «сверху» ежегодно спускали разнарядки по сокращению так называемого аппарата управления производством. Под этот дамоклов меч попадали в основном экономические службы: плановые, коммерческие, бухгалтерские, финансовые и др. Грамотные, знающие специалисты стали уходить с предприятия, не дожидаясь очередной кампании по урезанию кадров.

ПО ВСЕМ ЗАКОНАМ ДАРВИНИЗМА

И так продолжалось не годы — десятилетия. К чести заводских экономистов, они смогли сохранить свои деловые качества и в таких условиях научились быстро ориентироваться в череде бесконечных «экспериментов», «новых методов хозяйствования», первых, вторых... десятых моделей хозрасчета. Не знаю, в какой еще стране и какие экономисты способны это выдержать. Но наши выдержали, выжили и даже не потеряли надежды на то, что когда-нибудь этот «шабаш» кончится.

Однако ничто не проходит бесследно. В результате «естественного отбора» стоящие экономисты на предприятии на вес золота. Остаются не самые лучшие, те же, кто приходит на смену асам прошлых лет, не имеют достаточного «запаса прочности» и вряд ли способны стать, как пишет П. Г. Ефремов, штурманами экономики, прокладывать хозяйственным руководителям путь в неизведанное. И так получается, что весь шквал нововведений сейчас валится на плечи далеко не самых опытных и компетентных работников. Очень нелегко им дается овладение навыками работы в рыночной экономике, да и не так просто отказаться от старых методов, начать мыслить иначе, перестроиться. От-

бросить все, чем тебя «кормили» долгие годы. Это трудно вдвойне и втройне, так как система существующих хозяйственных связей полностью разрушена, а то, что должно прийти ей на смену, пока больше похоже на анархию. Нынешнее поколение экономистов совершенно не подготовлено к предстоящим преобразованиям. Процесс деквалификации нарастает в геометрической прогрессии. Значит, нужно учить, — скажете вы. Да, конечно. Но тогда возникает вопрос: кому, когда и как это делать? Ведь все нововведения сваливались на нас как снег на голову и, не успев осуществиться, тут же заменялись новыми. Как в подобной ситуации можно было организовать обучение и переобучение?

А ПЕРЕУЧИВАТЬСЯ И ТРУДНО, И НЕКОГДА

Шараханья в экономической политике, свидетелями и жертвами которых мы были последние 30 лет, снизили доверие и к маститым ученым, и к цеховым специалистам. Я помню несколько выступлений нашего ведущего академика. В разные годы он пропагандировал и убедительно обосновывал совершенно противоположные концепции. Сегодня им всем грош цена. Но ведь на этом он заработал все свои высокие звания, и ничего. А нам, экономистам предприятий, приходилось эти теории опробовать на практике, собирать рабочих, специалистов всех уровней, каждый раз на полном серьезе убеждая, что именно этот вариант экономической реформы, наконец-то, окажется тем самым единственным и эффективным. Сегодня нас учат не «по академику», пошла полоса иных устремлений: аренда, малые и акционерные предприятия, биржа, рынок, конкуренция, предпринимательство... Увы, печальный опыт прошлого не позволяет принимать все «всерьез и надолго». Поэтому очень сложно на предприятиях приобщать народ к экономике. Умудренные опытом кадры не хотят зря тратить время. Надоело. А молодые работники еще не овладели заводскими проблемами в комплексе. Переучиваются они легко, но у них очень слабая вузовская подготовка. На производстве они теряются в потоке отчетности, должностных требований, разношерстной информации и бросают предприятие при первом же удобном случае.

Рыночные отношения только начинаются, но уже очевидно, что сегодня прежний опыт только тормоз на их пу-

ти. Привычка ждать указаний, инструкций, разъяснений настолько живуча, что какие-то реформистские начинания внедрять на предприятиях неимоверно трудно. Да к тому же в текучке отчетов и учетов ни на что серьезное времени не остается. Так постепенно все попытки преодолеть рутину были заброшены, особенно на местах. Кроме того, заводские экономисты просто не в состоянии заниматься оценкой и критическим обобщением успехов и недостатков предприятия вручную. Нужны персональные компьютеры, а их нет даже в бывшей экономической лаборатории, не говоря уже о ценах. Конечно, вопрос этот «решается», но разве можно что-то сделать оперативно в общей неразберихе? По компьютеризации мы настолько отстали от цивилизованных стран, что долго еще придется экономистам обходиться счетными машинками.

Нужны экономисты совершенно иного толка, свободные от стереотипов прошлого, с достаточно высоким профессиональным уровнем, умением анализировать результаты производственной деятельности, находить именно экономические решения возникающих проблем, не идти на поводу у обстоятельств. Ведь для заводских экономистов главное — это не счетная работа, а глубокий критический разбор всех направлений производственно-технической и финансово-экономической деятельности предприятия. Только опираясь на полученные данные, можно искать способы повышения эффективности, достигнуть действительно высоких результатов.

Но раскошелиться, чтобы заполучить таких, никто не собирается. Оплата труда экономистов промышленных предприятий далеко не компенсирует их работу и не стимулирует ее качество. Так, экономист на заводе получает раза в 2,5 меньше, чем, например, работник сберкассы, громко называемой ныне «сбербанком».

В общем, неоткуда у нас появиться предприимчивым и деловым людям. Привлечь на заводы их нечем, а свои кадры еще долго придется растить. тем более, пока не заметно, чтобы вузы всерьез что-то делали, стремились хоть както изменить существующее положение.

И ВСЕ-ТАКИ...

Наш завод прошел через несколько реорганизаций. Были удачные, были и неудачные. На мой взгляд, та, что действует

сегодня, одна из самых лучших. Она не стереотипна, не повторяет устоявшиеся формы. Серьезная перестройка была проведена в связи с превращением производственного объединения «Сибэлектротяжмаш» в арендное предприятие «Элсиб». На «Элсибе» создано шесть управлений или фирм. Во главе каждой фирмы стоит директор (вместо бывших заместителей генерального директора). Экономические службы объединились в финансово-экономическое управление во главе с финансовым директором. Комплектовалось оно не по стандартной схеме, а так, чтобы вошедшие в него подразделения могли комплексно решать любые вопросы. Под одной крышей собрались отделы: финансово-экономический, производственно-оперативного планирования, труда и зарплаты, финансовый, главная бухгалтерия, бюро экономического анализа (со статусом экономической лаборатории) и отдел автоматизированных систем управления. Таким образом, директор нашей фирмы держит в своих руках все нити контроля за финансами, договорами, маркетингом, анализом, планированием, учетом и оплатой труда. Не охвачены лишь цеховые экономические службы. Арендный подряд цехов делает пока невозможной централизацию, но с повестки дня вопрос не снимается. Во всяком случае — не должен. Слишком уж слабым звеном будут они в условиях рыночной экономики.

Трудные времена только начинаются, все главные проблемы еще впереди. Думаю, что очень скоро многие инженеры и техники окажутся за воротами родных предприятий. Попадут в их число и экономисты, тем более что они сегодня — не самая дефицитная профессия. Жаль, если в рядах безработных окажутся знающие, перспективные специалисты. Никто пока не ответит, чем закончатся наши отечественные эксперименты, но при любой хозяйственной системе предприятиям нужна сильная экономическая служба. Если, конечно, думать о будущем.

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Г. И. ИВАНИЩЕНКО,
Новосибирск

Заступничество П. Г. Ефремова за экономические службы предприятия другой реакции, кроме снисходительных кивков в знак одобрения, вызвать не в состоянии, потому что автор не заглядывает в глубь проблемы.

В ПЛЕНУ ПОЛУМЕР

Вот уже пять лет газеты и журналы активно обсуждают коренную экономическую реформу, якобы происходящую у нас в стране. Читателям внушается мысль, что по спускаемым сверху командам и инструкциям возможен переход к самостоятельным действиям на местах. Мы легко поддаемся мистификации и самообману, убеждаем себя и других в возможности централизованного руководства в дальнейшем, в способности выполнять свои старые функции, пользуясь уже экономическими методами, на основе, например, поэтапного снижения государственного заказа, совершенствования налогообложения, развития «действительной» заинтересованности и ответственности предприятий. Опыт работы на одном из крупнейших заводов нашего города позволяет мне утверждать обратное. Ничего подобного не было раньше, нет и сейчас. Мой путь от мастера до руководителя цеха, а затем более десяти лет пребывание в должности начальника отдела труда и зарплаты и заместителя директора по экономике — это не только одоление ступеней административной лестницы и знания не из учебников, но и постоянные, ежедневные наблюдения за содержанием и ходом так называемой экономической реформы на машиностроительном предприятии союзного подчинения. Для управления по-новому мало изучить теорию рыночных отношений и поверить в необходимость радикальных преобразований, нужны еще и условия, позволяющие осуществить все замыслы на практике, реальные перемены в повседневной жизни.

До сих пор ни одна из реформ не сработала. И здесь крайне важен ответ на вопрос: почему это произошло? Так, в 1948 г. было принято решение о пересмотре опто-

вых цен и ликвидации государственных дотаций, в сентябре 1965 г. — о внедрении полного хозрасчета. По замыслу создателей, последний должен был обеспечить гармоничное сочетание интересов общества, отдельного предприятия и каждого работника. В этом же ряду — решения о совершенствовании хозяйственного механизма, повышении эффективности работы и др. Менялось их содержание, перетасовывался порядок распределения и использования денежных накоплений. Вместо одного фонда материального стимулирования стали выкраивать целых три: фонд материального поощрения (ФМП), фонд оплаты труда (ФОТ), фонд социально-культурных мероприятий (ФСКМ). Изъятие прибыли по одному каналу заменили трехканальными платежами в бюджет: за фонды, фиксированные платежи и свободный остаток. Из прибыли предусматриваются также платежи банкам за кредиты, содержатся объекты соцкультбыта.

Однако ожидаемых результатов от всех преобразований мы так и не получили. Возможно, сыграла свою роль их половинчатость и некомплексность. Оглядываясь с сегодняшних позиций на реорганизационные шаги 1965 года и многочисленные последующие «эксперименты», с отчетливостью начинаешь понимать, что частичное внедрение экономических рычагов, в том числе и нормативов, в действующий хозяйственный механизм абсолютно ничего не дает. Экономические методы провозглашались, но все оставалось по-старому. Окончательно же задушили реформу «посредники» из министерств и ведомств. Они быстренько сделали свое черное дело. В огромном количестве начали плодить разъясняющие и уточняющие инструкции. Посыпавшиеся сверху бумаги срабатывали, как правило, с обратным знаком и били по рукам за любое проявление инициативы.

К «БОССАМ» ПОД КРЫЛО?

Мое личное мнение — то, что происходит в 1989—1991 гг., только повторяет наши прежние неудачи. Уже почти тридцать лет перед нами образец того, как не надо делать. Но история, видно, ничему не учит. Да, говорят нам, переход от формального хозрасчета к реальному немыслим без активного развития рыночных отношений. Внешне на предприятиях мы действительно наблюдаем какое-то движение: меняет-

ся методика формирования структуры затрат себестоимости, налогообложения прибыли, вводится фонд потребления, пережиты первая и вторая модели хозрасчета, развивается аренда, осваивается акционирование. Открыты все заслонки, подняты шлагбаумы для негосударственной экономики.

С другой стороны, ранее провозглашенные принципы самоуправления, самоокупаемости и самофинансирования уже потеряли свою актульность и значимость для союзных предприятий. Новым законом «О предприятиях СССР» практически ликвидированы СТК (советы трудового коллектива). Им на смену пришли СП (советы предприятий). Что это означает?

Министерство здесь выступает уже в лице собственника и утверждает на 50% состав нового общественного формирования. Таким образом права и само участие коллектива в программном управлении своим заводом или фабрикой серьезно ущемляются. Министерства заключают контракты с директорами келейно, мнение работников при этом игнорируется. Их попросту лишили возможности определять свою судьбу. Они как бы больше не являются равными партнерами администрации. Директора теперь, без преувеличения, можно назвать наместником министерства, и ясно, чьи интересы будут удовлетворяться его стараниями.

Для наглядности неплохо сравнить с арендными предприятиями. Там директор назначается или нанимается коллективом и руководствуется в своей хозяйственной деятельности только его потребностями. В нашем городе есть подобные образования, они хорошо известны, но это пока больше исключение, чем правило. В массе своей мы встречаем обратные примеры. Вышестоящие звенья, даже меняя названия главков и министерств на ассоциации и концерны, в действительности сохраняют все свои командные позиции и крепко держат вожжи, под которыми бежит предприятие.

Безусловно, в отдельных случаях такое положение устраивает, особенно тех, кто подвергся конверсии. Ведь министерства гарантируют сохранить уровень заработной платы. Но и это далеко не всегда. На ряде крупных оборонных заводов Новосибирска конверсия проводится не лучшим образом, и коллективы не по своей вине становятся несостоятельными должниками. Банкроты смотрят в бу-

дущее без оптимизма и никакой радости от подчинения своему союзному покровителю не испытывают. Они вынуждены собственными силами выпутываться из создавшегося финансового положения, искать пути к нормальному хозяйствованию, зарабатывать необходимые средства. Добиться этого нелегко, потому что некоторые предприятия обладают исключительным правом на выпуск той или иной продукции и, воспользовавшись отсутствием антимонопольного законодательства, резко поднимают на нее цены. Об эффективности производства, снижении себестоимости, качестве, производительности труда и т. д. никто не думает. В итоге практика неправедного выколачивания доходов из своих не очень привилегированных соседей приводит к уменьшению объемов выпуска.

Мы как бы сами загоняем себя в угол, а выход только один — совершенствование управления, применение новых методов хозяйствования. Не все предприятия решаются на это. Сказывается привычка к рутине и местничеству. И тем не менее жизнь заставляет двигаться вперед, преодолевать многочисленные противоречия и стереотипный подход к формированию отношений между структурами предприятия.

Примерно через год после вступления в должность заместителя директора по экономике я убедился, что в работе служб завода нет координации, они не нацелены на конечный результат. Система связей с вышестоящими организациями позволяла, несмотря на неудовлетворительное финансовое состояние и постоянную неплатежеспособность предприятия, регулярно получать премии за утверждаемые показатели. Финансовый контроль потерял былое значение. Осуществляли его банки, но, преобразовавшись в коммерческие, они самоустранились от своих прежних обязанностей. О них можно было бы и не говорить, да уж очень сильно у нас желание жить одним днем: «все равно не наше, государственное»...

ВПЕРЕД И ВВЕРХ, А ТАМ — «НЕЗЯ»!

Реорганизацию мне пришлось начать с вертикальных и горизонтальных структур управления — с тех, кто отдает команды и кто их исполняет. Соединить интересы «верхов и низов» можно было, четко определив конечные результаты труда и передав подразделениям право на оплату и стимулирование

работников всех категорий. Для этого использовались нормативные методы, распространялась практика договоров администрации и служб предприятия, перешедших на коллективный и арендный подряд, вводилась система экономических санкций. Ответственность и взаимозависимость распространились по всем этажам, охватили все сферы производства.

Постепенно стало заметно, как меняются настроения в коллективе. Появилась потребность в овладении экономическими знаниями не из-под палки. Затем возникла необходимость поставить все подразделения в одинаковые условия. На экономическом совете, а впоследствии и на различных уровнях управления, был отработан переход отделов и служб к самостоятельности. Напомню, что наше переустройство предусматривало равное для всех положение на старте: нет лучших и худших, никто не может спрятаться где-то сбоку, сзади или вообще отойти в сторону. Новые отношения не давали возможности искать крайнего, чтобы переложить на него вину за срыв задания, а втягивали в процесс управленцев и исполнителей и личной выгодой, и неотвратимостью взыскания. Мы создали «команду директора» из думающих, энергичных людей, установили им фиксированную контрактную оплату и в качесте стимула — проценты от прибыли. Наш девиз, если так можно назвать нехитрую житейскую истину, — не отдавать чужому дяде то, что можешь сделать сам, и заработать на этом. Используй отходы, занимайся ремонтом, услугами, чем хочешь — главное, не выпустить доход за ворота предприятия. Вот к чему мы стремились.

Мы стали поощрять бизнес и предпринимательство на территории завода, начали создавать совместные предприятия не только в городе, но и образовали их сеть в республиках. Обширная география и хорошая репутация продукции давно уже создали известность нашей фирме. Мы использовали налаженные связи для новых контрактов: по сбыту товаров, материалов и расширения рынка. Таким образом, наряду с прибылью от основной деятельности мы открыли окошко для прибыли дополнительной за счет коммерческой деятельности, использования внутренних резервов и т. д. На заводе возросла заработная плата, сократилась текучесть. Коллектив стал более сплоченным, стабильным. Каждый при желании мог найти себе занятие

по душе на производстве, в бытовой или социальной сфере и прибавить к своим доходам честно заработанный рубль.

Однако хозрасчетная деятельность подразделений предприятия в один прекрасный день стала пробуксовывать. И причина тому — пассивное сопротивление первого руководителя. Участие-то ведь провозглашалось взаимное — как со стороны рядовых работников, так и администрации. Но для директора «правила игры» продолжали носить скорее декларативный характер. Он не захотел, да и не смог принять принцип «равных стартовых возможностей», допустить сближение оплаты своего труда и начальника цеха и по-прежнему предпочитал командно-приказные методы экономическим. Уход от ответственности, перекладывание ее на производственные подразделения — все это ничего, кроме антагонизма и бесконечных препирательств, вызвать не может. Постепенно управление вновь замкнулось на директоре. Правда, до заключения контракта с министерством он и не решался полностью сползти к абсолютному единоначалию. Но дальнейшие события показали, что реверансы в сторону новаций были временными, неискренними и согласованными с вышестоящим ведомством. Подобные спектакли у нас очень распространены.

Продолжая начатый П. Г. Ефремовым разговор о роли заводских экономистов, я подчеркиваю, что они обязаны работать с опережением, многое предвидеть и не допускать снижения уровня доходов. Но до тех пор пока предприятия не получат полной самостоятельности, каких-либо изменений в нашей жизни, в том числе и повышения благосостояния, ждать не приходится. За редким исключением движение к самостоятельности на предприятиях союзного подчинения еще и не начиналось. Очень не хочется, чтобы это стало делом лишь следующего поколения. Вновь мы видим, как отраслевые инструкции выхолащивают реформы, как сформированный фонд потребления понуждает к затратным принципам. Да и вообще, мой опыт говорит лишь о том, что всякое совершенствование возможно до известной черты. А дальше — стоп. Всегда найдутся чиновники вышестоящей инстанции, которые скажут «нужное слово».

И все-таки я обращаюсь к ним: если не получается по различным объективным и субъективным причинам плановое развитие, так дайте нам волю!

КОМАНДИРЫ ПРОИЗВОДСТВА:

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС*

Л. КОПИТЯНСКИЙ,
заместитель генерального директора ПО «Белоцерковшина»,
В. БЕЛЕНЬКИЙ, социолог,
Т. БЕЛЕНЬКАЯ, психолог,
Днепропетровск

Метод тестирования дал нам возможность составить собирательный психологический портрет линейного руководителя цехового уровня. Портрет оказался неожиданным как для ученых-специалистов, так и для хозяйственников...

ЧТО ТРЕВОЖИТ

42,9% руководителей подвержены эмоциональной неустойчивости и тревоге. Они физически истощены и утомлены, слишком чувствительны и впечатлительны, склонны к злости и повышенной раздражительности, их преследуют вегетативные расстройства. Социологи столкнулись с описанным в отечественной психологической науке «эффектом неадекватности», в основе которого — внутренний конфликт, порождаемый либо противоречиями между стремлениями и возможностями, либо между предъявляемыми требованиями и их осуществимостью. «Аффект» развивается при неспособности руководителя найти выход из опасных и чаще всего неожиданных ситуаций. Шинное же производство страны, как и ПО «Белоцерковшина», в условиях дефицита сырья, энергоресурсов, кадров, финансов, существенного морального и физического износа оборудования функционирует в режиме переутомленной пожарной команды.

Наиболее красноречиво соотношение таких личностных черт руководителей, как властность и подчиненность: 72,5% ориентированы на подчиненность, покорность, они несамостоятельны, не уверены в себе. Напрашивается вывод, что административную систему вполне устраивают «сержанты индустрии» с боязнью самовыражения, поэтому на всех ступенях управленческой лестницы господствует безропотное послушание.

Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживают результаты тестирования, выявляющие типичное поведение управленцев в условиях кол-

* Результаты комплексного социально-психологического исследования по оценке качеств 301 руководителя цехового ранга ПО «Белоцерковшина».

лизий (по тесту Розенцвейга). В затруднительных ситуациях 60,6% командиров производства начинают обвинять внешние обстоятельства: порицать и упрекать, негодовать и злиться, осуждать других людей, то есть перекладывают вину за случившееся на кого или что угодно. Лишь 29,5% руководителей склонны к самообвинению, угрызениям совести, их агрессивность направлена на самих себя. Небольшая группа хозяйственников (9,9%) не склонна обвинять ни себя, ни окружающих людей, рассматривая происходящее как фатальную неизбежность.

Не менее показательно и поведение руководителей при разрешении конфликтов. Почти половина (47,3%) в этих ситуациях не полагаются на себя, требуя помощи со стороны. Тех, кто самостоятельно отыскивает ключ к разрешению коллизии, чуть меньше — 45%. «Выжидатели», рассчитывающие, что время или нормальный ход событий сами разрешат ситуацию, составляют 7,3%.

В реакциях на фрустрацию у мужчин и женщин есть заметные различия. Женщины чаще подчеркивают препятствие или помеху, мужчины же обычно пытаются найти способ самозащиты или выход из трудного положения. Направление реакций у женщин — самообвинительное, а у мужчин — «внешнеобвинительное».

Делегирование безответственности сверху вниз и снизу вверх преподносит целый букет уродливых явлений: псевдокачество труда и продукции, деморализацию трудовых коллективов, эрзацноваторство в области организации труда, распад управленческих связей, падение престижа управленческого труда, дисгармонию интересов руководителей и подчиненных и т. п.

РЕЙТИНГ РУКОВОДИТЕЛЯ

Культура общения и психологическая совместимость в коллективе получили самую высокую оценку — 4,2 балла. Идейно-политические качества и трудовую дисциплинированность оценили в 4,1 балла. Организаторские способности, а также профессиональная компетентность и качество выполнения должностных обязанностей — 4; общественная активность — 3,9, творческая — 3,6 балла.

Знание методов руководства коллективом и личной жизни подчиненных, способность вникать в психологию другого человека и психологически воздействовать на людей, манера общения и соблюдение делового этикета, умение владеть собой и эмоциональная уравновешенность, самоуважение и здоровое честолюбие получили наиболее низкие экспертные оценки.

БОЛЕЗНЬ — КОНФОРМИЗМ

В «табели о рангах» склонность к самостоятельным суждениям, оценкам и выводам получила лишь седьмое место. Способность публично осудить негативные социальные явления в жизни коллектива выражена еще слабее (девятый ранг). Принципиальность оказалась на десятом месте, а твердость во взаимоотношениях с исполнителями и руководителями,

смелость в противопоставлении своего мнения мнению коллектива и вовсе на 11-м.

Большинство участников опроса считают конформизм закономерным следствием административной системы. Участники опроса затронули и тему товарищества, которое многие рассматривают как возможность отступить от общественных требований и приспособиться к реалиям жизни, деформированным под воздействием семейно-групповых и приятельских интересов. Очень многих руководителей рабочие, ИТР и младшие командиры производства считают конформистами.

В ТРЯСИНЕ ТЕКУЧКИ

Руководители цехового уровня почти все свое внимание концентрируют на работах сиюминутных и авральных. В результате из их поля зрения выпадают исключительно важные обязанности: планирование, сочетание текущих планов и перспективы, внедрение передовых методов, повышение квалификации и т. д. Качества, которые свидетельствуют о горизонтах «перспективного видения» управленцев, получали иногда абсолютные значения.

Текучка затягивает практически всех руководителей предприятия. Самофотографии рабочей недели директоров девяти из 17 шинных предприятий страны показали, что повышению своего профессионального и мировоззренческого уровня, а также разработке стратегии директор уделяет менее 10% рабочего времени. О «перспективном видении и стратегическом мышлении» представителей самого младшего управленческого звена — бригадиров вообще говорить не приходится.

БОЯЗНЬ САМОВЫРАЖЕНИЯ

Общий итог самооценки оказался неожиданным, поскольку в ней приняли участие только 184 руководителя. Остальные же отказались измерять свой управленческий потенциал; названные ими причины свидетельствуют о страхе самовыражения. Каковы его симптомы? Корпоративная ориентация на указания и инициативу «сверху». Деформированная мораль, когда приходится думать одно, говорить другое, писать третье, а делать четвертое. «Стадность» мышления, нивелирующая оригинальность и самобытность деятельности. Завуалированное негативное отношение к административно-командной системе управления. Неверие в заинтересованность высшей администрации в правдивой социальной информации. Осознание неустойчивости социально-должностного положения и правовой незащищенности: управленец, подвергший критике ведомственные или местные органы власти, может быть уволен, переаттестован, материально и морально ущемлен. Боязнь обнародования или публичного осмеяния социологических результатов своего возвеличения или самобичевания. Ожидание негативного воздействия самооценки на дальнейшую карьеру и т. п.

Отказ цеховых руководителей участвовать в самооценке во многом объясняется обидой и горечью за от-

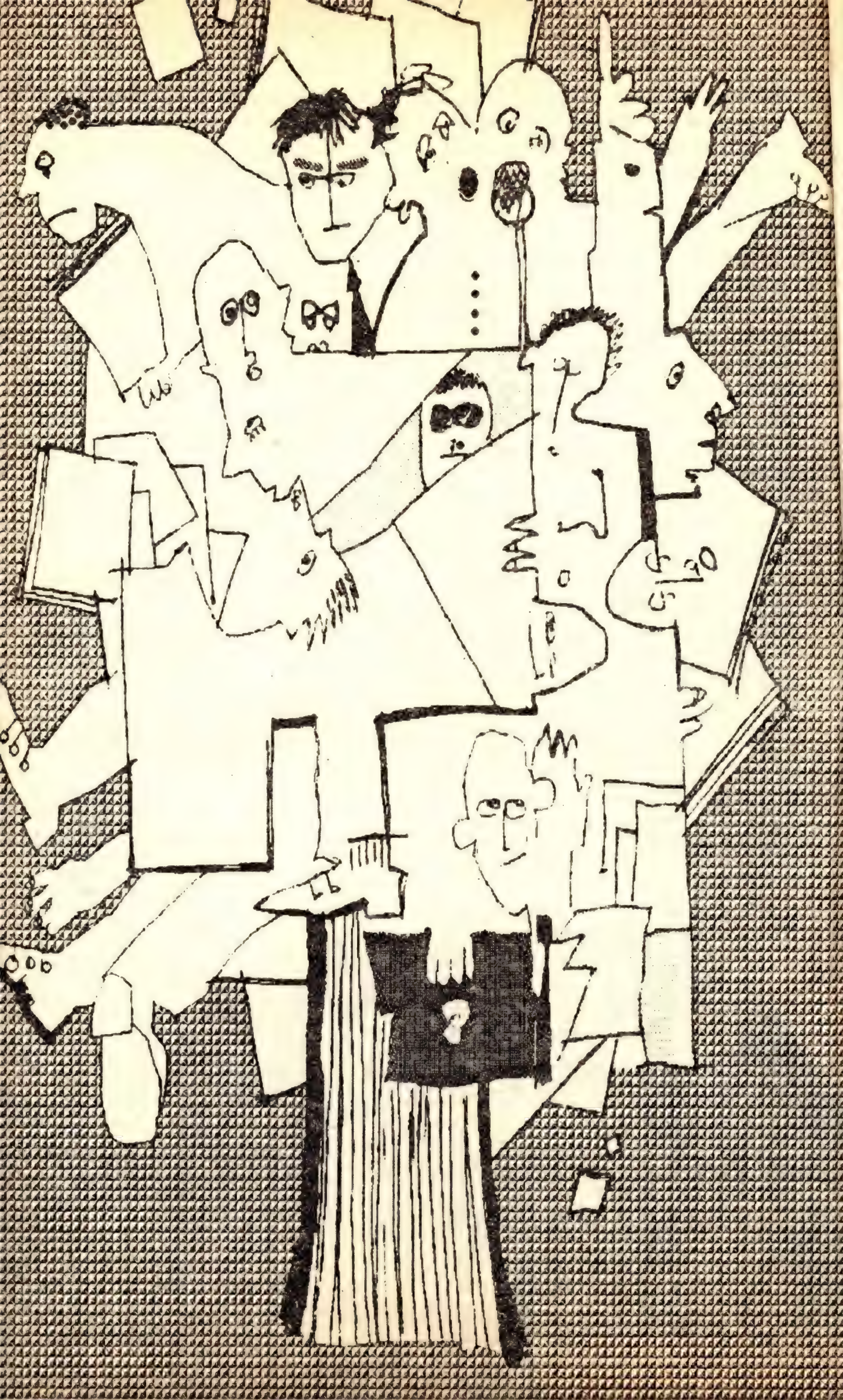
сутствие реальных положительных результатов хозяйствования. Это чувство усугубляется тем, что декларированное «чувство хозяина» деформируется в устойчивый комплекс «служебной неполноценности».

Руководители не привыкли осмысливать собственные недостатки, упущения, пороки, бесконтрольность их деятельности привела к лакировке негативных качеств. Так, обращение к руководителям с предложением описать свои положительные и отрицательные качества натолкнулось на «эффект самовосхваления». Наше исследование показывает, что абсолютное большинство цеховых руководителей не стремится достигнуть нового должностного статуса. Только восемь из них рискнули предложить себя на более высокую должность.

Причины, по мнению самих же руководителей, многообразны: усложнение управленческого труда, противоречивый характер происходящих социальных процессов, расширение требований к труду и личности руководителя, информационные перегрузки, стрессы, нервно-эмоциональные срывы, несоразмерность эмоционально-трудовых затрат и практических результатов деятельности, частые конфликты, дискомфорт и общее снижение адаптационных возможностей организма. Комплекс этих причин утверждает в сознании руководителей неудовлетворенность работой и нежелание сталкиваться с новой должностной неопределенностью.

Сомнению подвергаются такие ценности управленческого труда, как расширение масштабов деятельности, концентрация прав и ответственности, преодоление барьеров собственной профессиональной компетентности, продвижение к новым вершинам служебной лестницы, стремление к самореализации.

В результате идет разрушение системы мотивации управленческого труда. Падение престижа управленческого труда и отсутствие ориентации на должностной рост было выпестовано и ложной борьбой с карьеризмом, когда тормозилось продвижение тех, кто не санкционирован «верхами».



КАК ПИШУТСЯ ЗАКОНЫ

Ни для кого не секрет, что заседания парламентов, которые радио и телевидение сделали «домашними», не исчерпывают законодательной деятельности. Не менее интересное действо, хотя, возможно, не столь зрелищное, как на «главной сцене» политической жизни, происходит за кулисами и пока, в основном, «за кадром».

Так какова же процедура подготовки законопроекта? Кто пишет первоначальный проект, кого привлекают для его обсуждения, как улаживаются расхождения? Участвует наука или нет? Учитываются ли мнения людей, которые будут исполнять принятый Закон? Обсуждается ли, как его воспримут на местах, выполним ли он? Или это составляет тайну? Насколько эффективна технология подготовки законов?

На эти и подобные им вопросы отвечает

Ф. М. БОРОДКИН,
зав. отделом социальных проблем
Института экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
эксперт комиссии Верховного Совета РСФСР
по вопросам работы Советов и развитию самоуправления.

— *Как создавались комитеты?*

— Сразу оговорюсь, что рассказываю о своих личных впечатлениях о работе над проектом закона о самоуправлении. Может быть, в других комитетах и комиссиях она идет иначе.

Постоянная работа парламента — это работа в комитетах и комиссиях. Наш парламент еще очень молодой, ни у кого нет опыта, всем всему приходится учиться, идет живой и активный процесс становления процедур, институтов. Какими они будут — сейчас еще никто не знает, да и знать не может.

В дополнение к законотворчеству комитет проводит консультирование, экспертизу всего и вся по профилю своей деятельности, выступает арбитром, экспертом, разрешающей организацией. Например, на месте городской Совет

принял решение, областной Совет считает эти действия неправомерными. Как преодолеть конфликт? При нашей непроработанности всяких процедур, а уж тем более процедур разрешения конфликтов между различными органами власти арбитром зачастую становится комитет.

— По какому принципу он формировался?

— Какие там принципы! Кто поднял руку — тот и оказался в нем. Это не могло не сказаться на нашей работе: комитет огромный, в нем 50 человек, кто-то и на заседания не ходит, а только числится. Со временем те, кто не хотел работать, отсеялись, сформировался костяк.

— Предусмотрены ли какие-то меры дисциплинарного воздействия по отношению к «прогульщикам»?

— Никаких — для тех, кто не работает в Верховном Совете. Да и по отношению к тем, кто работает, тоже фактически их нет.

— А вдруг придет еще кто-то и скажет: хочу работать?

— Смотря что это за человек. Если он придет работать над законом, когда пройдено 3/4 пути, его не примут. А когда появляются депутаты из другого комитета с намерением работать — это нормально.

Что касается экспертов, нужно, чтобы они имели научный авторитет, чтобы их знали, им доверяли. У экспертов в процессе работы складывается коллектив независимо от того, откуда они пришли, потому что они не представляют какие-то группы. У них обычно одна цель, одни интересы, этические нормы взаимодействия, процедуры научного анализа. А те, кто в этот коллектив не смогли вписаться, отсеялись. Так, как это бывает и в обычной научной работе.

— Как вы включились в работу по составлению закона о самоуправлении?

— Я и многие мои коллеги-эксперты работали в таком же качестве над аналогичным всесоюзным Законом: о местном самоуправлении и местном хозяйстве в СССР. То есть имела место преемственность — значительная часть ученых перешла в российский парламент из союзного. Научно-организационный сектор комитета в Российском парламенте возглавлял Г. С. Гуревич — один из нашей союзной команды. Он и предложил тех, с кем считал возможным работать.

В «старой» команде были люди из разных институтов. В частности, сотрудники академических Института права,

московского и новосибирского институтов экономики, а также Института государственного строительства при Верховном Совете СССР, заочного финансово-экономического, всего 10 человек. В целом над законом работали 25 человек, включая депутатов, но не считая штатных сотрудников научно-организационного сектора комитета — их было пятеро вместе с заведующим. Постановление, формирующее группу, подписал Хасбулатов. Из 15 экспертов не меньше 10 имели научные степени и звания.

— Как начиналась работа над законом?

— В самом начале, еще когда Н. И. Травкин был председателем этого комитета, состоялось организационное собрание, на котором обсуждали концепцию закона. Но задача поставлена была расплывчато. Мы считали, что уже обладаем каким-то опытом. Теперь-то видим, что переоценивали свои силы и возможности, да и Н. И. Травкин, конечно, тоже. Когда осенью прошлого года был подготовлен текст, стало сразу ясно, что он никуда не годен, даже как заготовка. Его и провалили на Верховном Совете при первом чтении. Но не столько из-за собственных недостатков законопроекта, сколько из-за некоторых известных особенностей характера и поведения Травкина. Травкин — неординарный политик и трибун, его выступления всегда рассчитаны на то, чтобы разбудить людей. Естественно, он выступает всегда в резкой форме. И тут он раззадорил публику, и это привело к тому, что в итоге законопроект был провален. В данном случае это было только к лучшему. А ведь не будь Травкин председателем комитета, законопроект мог бы и пройти, и это было бы ужасно.

После ухода Травкина на освобожденную партийную работу комитет возглавил Г. С. Жуков — он из Колпашево, сибиряк, был на партийной работе, имеет, к счастью, опыт делового общения с людьми, независимые взгляды и стремление к независимости.

— Кто же вошел в конечном итоге в состав комитета?

— В нем есть работники-аппаратчики. Депутаты, члены Верховного Совета, там тоже на постоянной работе, получают зарплату, ездят в командировки. Все, как на «обычной» работе. У депутатов большие возможности, через свой мандат они обладают властью. Но коллектива как

такового они не образуют, и это нормально. Иначе они не могли бы представлять интересы своих избирателей.

СОТВОРЕНИЕ ЗАКОНА

— Каким же образом людям с разными взглядами удается сообща создать законопроект?

— Все, наверное, хорошо помнят, сколь примитивна до апрельской революции была технология создания закона. Аппаратчики Верховного Совета привлекали одних и тех же исследователей. Из Москвы — так удобнее. Те писали тексты, аппаратчики смотрели их, с чем-то, одним им известным, сравнивали, принимали решение — и все. Тексты могли быть грамотными и неграмотными, передовыми, как Конституция СССР, и менее передовыми. Но все шло по одной простой схеме. Взаимодействия с депутатами не предусматривалось. Законы писались в районе Старой площади. Сегодня ситуация не просто другая: нет ничего похожего.

Как все происходило у нас? Это загадка, тайна. Процесс законотворчества, который я наблюдал, похож на коллективное создание стихотворения, но вслепую. Есть такая игра: сообща написать стих, например, про деревню. Участвуют все — и те, кто жил в деревне, и кто там не бывал. Кто-то пишет первое четверостишье, вслух произнося лишь последние две строки. Затем остальные пишут свои четверостишия, показывая каждому следующему (и лишь ему) тоже только последние две строки. «Продукт» такого творчества вызывает дикий хохот. Закон же, написанный подобным образом, приводит в уныние.

Тогда принимается решение действовать другим способом — как бы сообща вырубать из гранита скульптуру. Алгоритм такой. Объявим, что создаем собаку. Все вместе набросали «концептуальный эскиз». Не очень отчетливо, но видно, что это — собака. Эксперты вырубили основные контуры. Зачем эксперты и депутаты стали вместе изображать то, что, как им кажется, они лучше знают, — кто глаз, кто ухо, кто лапу или хвост. Получается чудо-юдо, потому что забыли договориться о массе деталей: породе собаки, ее позе и т. п. Хотя то, что получилось, — все же собака.

Еще раз изменили алгоритм. Депутаты сказали: «Всю тяжесть ответственности несем мы. Вы, ученые, попрыгали тут и исчезли. Поэтому должно получиться то, что мы хо-

тим. Тем более что мы — лучшая часть народа, им избранная и уполномоченная». Теперь эксперты сделали скульптуру, а депутаты ее доводили до нужных им кондиций. И опять нехорошо, поскольку и среди депутатов мира нет. Тогда...

Итак, была сформулирована концепция. Она долго обсуждалась, а потом приступили к сотворению закона. Сначала обсудили, из каких разделов он должен состоять — общие положения, экономическая основа, финансовая, правовая, организационная и т. д. Сформировались — по желанию — группы для создания проектов таких разделов, и каждая села писать свой кусок независимо. Для меня, например, наибольший интерес представили вопросы компетенции Советов разных уровней, социальной защиты населения в условиях формирующихся рыночных отношений, угрозы безработицы, повышения цен. И действия по этому поводу Советов разных уровней.

Было много разных попыток организовать работу над текстом законопроекта. Так, группы по 2—3 эксперта, 2—3 депутата, сидели и писали текст «от руки». Ужасно медленный процесс, очень конфликтный, у каждого своя концепция, все друг друга стремятся перекричать.

— Очень непохоже на работу парламентов развитых стран...

— Наш парламент только учится. Добавлю, что материальное обеспечение в Верховном Совете РСФСР — отвратительнее некуда. Комитет имеет всего три пишущих электрических машинки, два компьютера. Принтер плохой, чтобы вывести 70 страниц текста, нужно 6 часов. Я из Новосибирска привез свою портативную пишущую машинку.

Поэтому технология простая: сидишь пишешь или печатаешь текст на обыкновенной машинке. Прямо из-под рук депутат уносит отпечатанный текст на компьютер, на ходу что-то меняя. В результате, бывало, на этом этапе работы первоначальный текст пропадал начисто, из ПЭВМ потом выползало нечто вовсе не похожее ни на то, что вы предложили, как и на то, что намеревался туда записать тот или иной депутат, а что-то третье.

Дело доходило до скандалов: куда делось мое предложение? В результате на ходу отрабатывалась технология, когда в первоначальном тексте ничего не разрешалось менять, можно было только писать на полях. На промежуточных этапах отказались иметь дело с ПЭВМ: то там стер-

лось что-то, то еще накладки... Печатали на машинке, работали клеем, ножницами. Потом опять вернулись к ЭВМ.

ТАКИЕ НУЖНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

— Как же удавалось согласовывать разные мнения?

— Попробуйте представить ситуацию: с одной стороны опытные, очень грамотные юристы. Но у них в голове старые нормы. С другой — депутаты, которые просто горят желанием все преобразовать. Но они предлагают не просто концепцию, а тексты, которые на законы-то вовсе не похожи. Ведь закон должен удовлетворять каким-то формальным требованиям, быть написанным особым языком. Все положения, части, параграфы должны состыковываться, не противоречить друг другу. Депутатам не всегда было легко понять, зачем нужно писать длинные витиеватые фразы, напоминающие математическую формулу, зачем заботиться о том, чтобы не было «дырок», смысловых пробелов, когда закон вроде бы можно сделать «ясным» и лаконичным, так как многое «очевидно».

Крупный недостаток нашего гражданского законодательства заключается в том, что в нем почти нет процессуальных норм, определяющих санкции, но зато много запретительно-разрешительных, т. е. почти нет механизмов, приводящих в действие закон. Тебе говорят, что делать разрешено, не опускаясь до «мелочей»: как — можно, а как — нельзя. В законодательстве же развитых стран такие процедуры описаны очень точно.

— То есть право решать наши вечные вопросы — «что делать» — там предоставляется каждому?

— Да. Общество интересует не то, что ты делаешь в тех рамках, которые разрешены, а то, как ты это делаешь. Тут уж будь добр — соблюдай четко определенные ограничения. А если не нарушаешь — никто в твой бизнес не лезет.

Такая особенность нашего законодательства настолько стала частью нашего сознания, что даже юристы, члены комитета, процедурные нормы воспринимают с трудом: «Во, накрутили! А зачем?»

— Может, это и впрямь лишнее?

— Приведу простой пример. Когда в закон записывается положение, что протест по какому-то поводу может быть заявлен в течение 10 дней, обычно никому и в голову не

приходит, что обязательно нужно оговорить — из них исключены выходные и праздничные, а может, и предпраздничные дни. Вроде, зачем это? Но, скажем, в первой декаде мая 1991 г. было всего 2—3 рабочих дня, остальное — праздники. Как бы вы успели с протестом? Но такие важные вещи не присутствуют в наших законах явно.

Или еще. Предложенная формулировка процессуальных норм — «Вновь избираемый Совет собирается на первую сессию в первый вторник через месяц после того, как.., не считая выходных и праздничных дней» вообще не прошла, хотя она ничуть не переусложнена. Скорее наоборот — надо было бы исключить и первый вторник, если он после понедельника, который оказался праздничным днем. Иначе трудно собрать народ на сессию. Но даже записать такую «сложную» норму рука не поднималась. В общем, нет у нас процессуальной культуры, и это отражается не только в законодательстве, но и в законотворчестве.

Первый вариант закона писался по-старому — что надо делать, а процедуры были только в процедурных разделах (построение сессии), чтобы иметь возможность провести хотя бы первую.

Так случилось, что мне пришлось редактировать часть закона о компетенции Советов разных уровней. Тут я встретился с такой трудностью — как правильно разграничить компетенции Советов разных уровней, чтобы не было противоречий и в то же время они охватывали все проблемы населения и территории. Это касается в первую очередь разделения сфер компетенции городов, районов.

Например, допустим, что сфера социальной защиты признается лишь компетенцией поселкового Совета, Советы других уровней освобождаются от такой ответственности. Но ведь у поселковых Советов нет средств на это. Значит, надо обращаться к району. А каково должно быть соотношение полномочий административного района и города? Есть города областные, есть и районные. Балансирование разных частей закона оказалось чрезвычайно трудоемким, потому что приходится в голове удерживать сразу все части, чтобы иметь картину в целом, осознать, как должен закон работать во всех ситуациях, представить механизм его осуществления.

Это вызывает крайнее напряжение. А тут еще приходится слышать со всех сторон советы, дополнения, комментарии... Когда я впервые на этой стадии подготовки законо-

проекта столкнулся с желанием депутатов «поучаствовать» в работе, вынужден был крайне резко реагировать на такие предложения. Что тогда началось! Просто взрыв негодования. Потом-то все друг друга поняли. Но с самого начала были и высказывания, что «вы — ученые, призваны помогать, обслуживать нас, а не диктовать». Это не злило, но мешало, порой вызывало смех. Время от времени, особенно поначалу, отношения между депутатами и экспертами были очень напряженными.

— Вам удалось договориться между собой, другим может и не повезти. А нельзя ли подобные процедуры отражать в законах, определив права и обязанности сторон, их взаимоотношения? Чтобы все это не зависело от той или иной личности...

— Законы пишут для людей и пишут их люди. Наиболее эффективен тот закон, который берет нормы из жизни, фиксирует уже сложившиеся процедуры, действия или вводит необходимое ограничение на действие, которое уже осуществляется, — а не тот, который выдуман из головы исходя из какой-то нормативной модели. Невозможно раз и навсегда придумать совершенный механизм, который работал бы как часы. Никакой другой процедуры взаимодействия, кроме самого взаимодействия, нет. Смешны рассуждения о плавании человека, никогда не видевшего воды. Так и тут. Как могли бы помочь работе рассуждения людей, которые никогда ей не занимались? Со временем, надо надеяться, мы достигнем желаемого прогресса. Пока же все зависит от уровня культуры. А она у нас известно какая. И пока таковой остается, столь же несовершенной будет и процедура.

— А вдруг опять возьмут верх те, кто, как говорится, при слове «культура» хватаются за пистолет? Или с трудом представляют, что такое культура?

— Думаю, не возьмут. Брали уже, осуществляли так называемую «законодательную деятельность» примерно 70 лет. Шанс свой они использовали, результаты известны. Зачем же возвращаться к гарантированно бесперспективным вариантам?

Конечно, голосовали в то время дружно, единогласно. Никаких ссор и стычек. Да и никаких проблем. Не надо было даже объяснять, сколько где кнопок и какая зачем. Кстати, эти стычки — верный признак того, что

наконец-то началась настоящая законодательная работа. В этом смысле я положительно оцениваю напряжение при работе.

ЧЕРЕЗ ТРЕНИЯ — К КОНСЕНСУСУ

— Итак, сначала вы пробовали писать все вместе, потом пришел момент и вы поняли... Что всем вместе работать просто нельзя.

— Более того: на втором этапе, когда собрали текст и я рассмотрел его целиком, то обнаружил в нем пробелы и просчеты.

Заниматься их ликвидацией нам пришлось вместе с известным специалистом по гражданскому праву К. Ф. Шереметом. От начала до конца. Потом эту работу еще раз проделали вдвоем с Г. В. Барабанцевым (тоже один из крупных «законников»). А вслед за нами депутаты уловили еще много неточностей, противоречий, несуразностей.

— Получается, что координаторы как бы сами себя назначили...

— Пожалуй. Задумывались комиссии и комитеты для регулярной работы. Получилось же, как и в любом коллективе: кто везет, на том и едут. Да и еще московских экспертов постоянно отвлекали — у них масса своих дел. Мне же приходилось без конца спрашивать: где работа, сколько можно тут болтаться? Ведь я-то приехал за тысячи километров только для того, чтобы работать над законом.

В общем, так и работали, не имея ни технологии, ни дисциплины, ни сработавшегося коллектива, ни ядра экспертов, которые бы знали друг друга. Добавьте наше правовое сознание и отсутствие научных заделов. Но зато штурмовщина — и в праздники и в выходные. Это — в советском стиле.

— Обсуждался ли в комитете законопроект постатейно?

— Это было позже. Сначала с некоторыми депутатскими группами обсуждали те или иные части закона, вели по ним дискуссии, напряжение которых трудно себе представить.

Потом уже, на заседаниях комитета, пытались смотреть постатейно. Но когда имеешь дело со 114 статьями и у половины есть варианты, это вовсе не просто сделать. Даже при обсуждении среди экспертов, когда взаимопонима-

ние достигнуто, в день «проходили» не более 10—12 статей. Обсуждение в полном объеме только среди экспертов заняло бы месяц, если же присоединить сюда и депутатов, — несколько месяцев. А комитет заседает всего три дня. Никакой возможности обсудить всем коллективом каждую статью нет. Поэтому большая часть работы строится на доверии к какой-то группе. На конечном этапе депутаты говорят: «Мы доверяем таким-то экспертам и депутатам».

В общем, обсудить можно лишь ключевые моменты. Как это делается? Хорошо помню одно заседание, где обсуждали процедуру роспуска Советов, досрочное прекращение их полномочий. До этого такой нормы не было.

Накануне собрались депутаты, я сделал обзор закона, указал на узловые места, те статьи, которые, как считал, следует обязательно обсудить всем вместе. На следующий день на заседании комитета я напомнил об этом депутатам: «Статья такая-то говорит о том и о том-то. Ваше мнение?» Обсуждаем, голосуем. Таким образом «прошли» десятка полтора статей. Остальные, не имевшие принципиального значения, доверили группе экспертов. В целом заседание шло гладко, хотя были и вопли, и битье себя в грудь, дикое напряжение.

— Что вызвало горячие споры?

— Доходы, новые взаимоотношения Советов и администрации, гораздо более высокий уровень исполнительно-распорядительной власти, резкий раздел функций депутатов и исполнительной власти, с принципом единоначалия, вместо исполнительного комитета, который отвечать вообще ни за что не может.

— А были моменты, когда вам не удалось убедить других, хотя вы чувствовали, что правы, что нужно сделать именно так, а не иначе?

— Иногда выяснялось, что я был не прав, сразу на обсуждении. А бывало — когда уже проголосовали и предложение прошло.

Бывало, я оставался при своем мнении, не найдя убедительных аргументов для других. Так было относительно некоторых процессуальных тонкостей. Так получилось с предложенными мною санкциями по отношению к депутатам — депутаты их «зарубили».

— Изменились ли в процессе совместной деятельности отношения среди депутатов? Их отношение к экспертам?

— Да. Заметно и резко. Депутаты стали задавать вопросы, вести себя менее агрессивно при совместной работе. Но я увидел, что их отношения между собой не меняются. И это прискорбно. Тон скандальный, ситуации какие-то взрывные, напряжение выплескивается на коллег. Отсюда — малопродуктивная работа, все время приходится улаживать конфликты.

— Интересно, в своих коллективах они такие же?

— Нет, все это идет не от личностных черт. Большая часть депутатов — это, к сожалению, «лобби». А если ты защищаешь чьи-то интересы и договорился, что, например, то-то и то-то должно непременно пройти в законе, ты будешь идти напролом. Например, поначалу скандальную обстановку создали лоббисты ленинградских и московских районов с антипоповской и антисобчаковской программой. К примеру, им обязательно нужно было, чтобы в законе многочисленные полномочия относились к компетенции района, а городской или областной Совет в дела городского района лезть не мог. Другими словами, чтобы район был чуть ли не суверенным.

Другая часть лоббистов — от крупных городов. Они настаивали на законодательном обеспечении их особого статуса, защите от любых претензий областей. Наоборот, лоббисты-областники боролись за то, чтобы закон обеспечивал областным органам власти чрезвычайно широкую сферу компетенции. И эти политические силы на всех этапах создания законопроекта постоянно боролись между собой.

Ну какой коллектив может сложиться при такой борьбе?

— А как вы представляете себе задачи экспертов?

— Уравновесить все эти политические требования, чтобы получился закон, ставящий на первое место интересы людей, ради которых он пишется, а не интересы тех или иных органов власти.

— Получается так: эксперты отстаивают интересы тех, кто не способен их отстоять самостоятельно...

— Действительно, поначалу этого никто не делал. У меня, например, такое «самоопределение» началось с конфликта с экспертами, которые писали закон по инерции, как они его привыкли писать. И вовсе не были склонны думать об интересах населения. Приходилось доказывать, что от-

сутствие чего-то в практике прошлой законотворческой работы вовсе не означает, что этого не должно быть и сейчас. Да и жизнь меняется на глазах. Постепенно эксперты перестали быть нейтральными, стали занимать определенную позицию по каждому вопросу.

Приведу пример. По моей инициативе в закон была введена статья об ограничениях этического характера на различные виды деятельности депутатов, работников Советов и администрации. Так, они не должны вести предпринимательскую деятельность, получать гонорары, личные подарки, главы администрации не могут быть депутатами и т. д. Эта статья встретила возражение некоторых экспертов. А депутаты ее поддержали. Правда, изъяли запрет на прием подарков.

— Какая в основном специальность у депутатов, членов комитета? Есть среди них лица с экономическим образованием?

— Экономистов почти нет. Работников Советов также мало, как и юристов. Чаще всего это бывшие инженеры, программисты, химики, физики, математики.

— Как проходила апробация закона?

— Всенародного обсуждения не было, проекты обсуждались с работниками исполкомов, с профессионалами. Кроме того, члены комиссии побывали на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Я, например, присутствовал при обсуждении законопроекта в Омске, затем в Хабаровске. Более 200 человек со всей Сибири и Дальнего Востока высказали свои замечания по проекту. А потом обсудили итоги встреч, учли замечания. Кроме того, огромное количество замечаний поступило с мест. Но учесть все очень сложно: их было несколько пачек. Работа начиналась в 9 утра и кончалась в 9—10 вечера, рабочий день — 12—14 часов.

Полезных замечаний было много. В Хабаровске указали на слабость процедуры в части санкций, сделали конкретные замечания следующего типа: в законопроекте указано, что Совет налагает штраф через суд. А мы, говорят, пробовали, ничего не вышло. Суд требовал, чтобы была описана точная процедура: например, указывалось, что исковое заявление подписывает председатель Совета. Так что пришлось пересматривать все и с этой точки зрения.

— Наверное, в итоге такой большой работы у вас сформировалось мнение о том, каким должно быть «разделение труда»

между политиками и учеными, выступающими в роли экспертов, их взаимодействие?

— Я не знаю, как в других комитетах, но здесь опора на науку чрезвычайно сильная, доверие настолько велико, что ощущаешь его давление физически.

Разделение же труда между учеными и политиками, полагаю, сильно зависит от конкретного состава комитета.

— В рождении закона есть еще этап «чтения». Что было с вашим законопроектом?

— Процедура чтения — это оценка качества и выработка коллективных требований. Законопроект о местном самоуправлении, как я уже говорил, на самом первом чтении был провален напрочь. Следовательно, отвергли сам замысел, суть и структуру. Получился брак в работе комитета. Более чем через полгода был представлен новый вариант. Он прошел первое чтение. Но чтение — не только контроль концепции, качества текста, но и политическая борьба. Было получено много замечаний, в том числе и взаимоисключающих. В режиме очень плотной работы вновь повторился внутри комитета весь процесс работы и борьбы — его смотрели группы депутатов, эксперты, прошло коллективное обсуждение и, наконец, второе чтение. Закон все очень ждут. Его рассмотрение намечено на 3 июля. Сейчас, когда мы с вами работаем над текстом интервью, — 19 июня. Будет ли закон принят? Как к нему отнесутся в Верховном Совете после избрания первого Президента РСФСР? Трудно предугадать.

— Можно ли назвать авторов вашего законопроекта?

— В практике законодательства многих стран некоторым законам даже присваиваются имена тех членов представительных органов власти, которые их «двигали». Возможно, у некоторых простых законов, проходящих через ВС РСФСР, существуют небольшие группы авторов-родителей. У закона о местном самоуправлении авторов нет. Точнее, их очень много, и вклад каждого оценить невозможно. Этот закон — действительно результат коллективного творчества, очень сложного взаимодействия разнообразных групп специалистов, депутатов, практиков. Не было даже дирижера или вдохновителя. Только основное ядро более или менее постоянно работавших непосредственно с текстом составляло, кажется, более 25 человек. Правда, отдельные депутаты в телеинтервью объявили себя

главными разработчиками. Но, думаю, это скорее говорит о высокой оценке ими качества закона, чем отражает действительную ситуацию. Главных в подготовке закона не было. Есть авторы первоначального текста — «болванки». Но она мало похоже на конечный продукт.

— *Как вы считаете, дорого ли обошелся такой законопроект?*

— Смотря с чем сравнивать. Если с текстом книги или статьи, оплачиваемой гонораром, — очень дорого. Если с текстами законов, принимавшихся, например, в древнем Риме или в царстве Хаммурапи, — дорого. Если с текстами законов, принимаемых в цивилизованных современных государствах — почти бесплатно. Судите сами. В США, как мне сказали, закон объемом примерно в 30 стр. обходится в 250 тыс. дол., т. е. по современному рыночному курсу рубля — в 10 млн руб. На наш сложнейший закон объемом в 90 стр. было затрачено всего едва ли больше 300 тыс. руб. (включая заработную плату и расходы на командировки всех, кто участвовал в зональных обсуждениях). Много это или мало?

— *Каково техническое обеспечение работы комитета?*

— Я уже говорил, с этим очень тяжело. Например, в библиотеке Верховного Совета работает несколько человек, и то думают, как бы их сократить. Даже сборники законов, изданные Верховным Советом, не просто получить. А постановления Совмина РСФСР найти почти невозможно.

— *А остальное?*

— Эксперты не имели даже комнаты, работать приходилось то в коридоре, то в зале заседаний, то в кабинете, хозяин которого в отпуске. У депутатов есть рабочие места, зарплата, а для экспертов ничего нет. Более того, они и экспертами даже не значатся. Система пропускная, «на работу» проходим либо по спискам, либо выдают временные пропуска, и их время от времени меняют. Сегодня, например, прямоугольный, через некоторое время — квадратный, то розовый, то белый. Бдительность. О том, что пропуск поменяли, никому не сообщают.

И никакой дисциплины. Если сказали, что собираются в 10, то это вовсе не значит, что в это время начнется работа. Я приходил и начинал работать независимо ни от кого. Через год, думаю, уже выработаются какие-то общие и приемлемые для нормальной работы экспертов нормы.

— Можно не совсем скромный вопрос. Зачем вам лично все это нужно?

— Ученый-обществовед крайне редко имеет возможность участвовать в «изменении мира» непосредственно, показать, какую практическую пользу может принести его наука, выдать готовый продукт, о качестве которого могут «профессионально» судить буквально все, так как он касается всех. Так что это — один из редких шансов показать, на что мы способны. Если законопроект пойдет хорошо — то это кредит доверия. Пока что результаты не разочаровывают.

В социальной инженерии, как, впрочем, в любой коллективной работе, например сооружении станции метро, результат виден многим: либо обвалится сразу, либо через некоторое время, либо будет работать долго. Думаю, что этого многие боятся и не особенно спешат «активно участвовать». Так спокойнее, а пока, кажется, и выгоднее.

Беседу подготовили

В. БУСЫГИН и Т. БОЛДЫРЕВА,

кор. ЭКО

* *

ДИАГНОЗ — КОМАНДИРОВКА

По характеру работы часто приходится ездить в командировки самому или посылать подчиненных, чаще всего в Москву. Вопросы разные, сейчас это в основном снабжение, кроме того — различные семинары, учеба, балансовые отчеты, согласование и так до бесконечности. КПД этих командировок на уровне паровоза.

По своей инициативе провел опрос пассажиров в одном ряду самолета ИЛ-96 (9 кресел). Шесть из них оказались командированными. Теперь немного арифметики.

Наше министерство оплачивает пребывание в Москве в течение 5 суток.

1. Стоимость билета Свердловск—Москва и обратно — 140 руб.
2. Гостиница (наиболее дешевый вариант) — 20 руб.
3. Суточные за 7 суток (день приезда и отъезда) — 20 руб.

Итого — 180 руб.

В самолете 350 пассажиров x 2 рейса = 700 человек. Даже при заполнении командированными на 50% это удовольствие составляет:

700 x 0,5 x 180 = 63000 руб.

А сколько можно наскрести в «бедный» бюджет по всем аэропортам страны? Когда мы, наконец, излечимся от этой нашей болезни...

Л. П. ЛЬВОВ,

Свердловск

ДЛЯ КОГО ЗОЛОТО, А ДЛЯ КОГО МЕТАЛЛ

Представляем участников беседы:

ГОРБУНОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ, директор Ягодинского ГОКа ПО «Северовостокзолото»;

МАКАРОВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ, заместитель начальника производственно-технического управления ПО;

МЕНЬШОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, главный инженер ПО;

МИХАЙЛОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, главный инженер Ягодинского ГОКа;

ПЕТРИЩЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, директор прииска «Экспериментальный» ПО, народный депутат РСФСР;

РУДАКОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, начальник Главного управления драгоценных металлов и алмазов при Кабинете министров СССР.

*

— Золотодобыча сродни таланту: ее продукцией охотно пользуются все, а как образуются валютные дары, мало кто знает. Долгие годы в прессе велись и все еще не утихают споры по поводу того, добывать золото в Магаданской области старательскими артелями или развивать государственные горно-обогатительные комбинаты. Достоинства отрасли приписывались первым, а недостатки — вторым.

Основной добытчик золота в Магаданской области — ПО «Северовостокзолото». Это 90 тыс. работников, а с учетом членов их семей и облуживающего персонала — 250 тыс. Еще несколько лет назад объединение не могло принять участие в полемике. Перестройка сняла обет молчания. С чего начиналось и как развивалось старательство?

А. А. МЕНЬШОВ: — Старательская добыча золота стала активно развиваться с 60-х годов. Приличных результатов добивались в основном за счет высокой интенсивности труда. А оплачивался он плохо: цена грамма золота, добытого старателями, была чрезвычайно низкой. Ее на все явно не хватало. Чтобы достойно вознаградить напряженный труд и привлечь людей, старательские артели весь доход обращали в заработок. А материально-техническая база, социальная сфера, жилье оставались «в загоне». Старатели ютились в хибарках и бараках, ремонтировали технику в

полевых условиях, на морозе. Категорически не согласен с теми, кто считал их хапугами или миллионерами.

На государственных горных предприятиях преобладали иждивенческие настроения: «Мне должны привезти, подать, буду хорошо получать — стану хорошо работать...» А действующий КЗОТ не позволял внедрять на них оплату за конечный продукт, которую разрешал использовать Типовой устав старателей. Кооператив и государственный сектор были законодательно разделены. Внутренние проблемы госдобычи и внешние ограничения старательства усложняли жизнь золотодобытчиков.

Убеждение, что принятая на госдобыче форма оплаты труда не соответствует требованиям жизни, окончательно вызрело к началу 80-х годов. Стали усиленно искать выход. Попробовали бригадный подряд. Бригада В. А. Хмары, первой перешедшая на него, показала отличные результаты. Постепенно распространили новшество на несколько бригад, потом — на один карьер, в дальнейшем — на прииск и т. д.

В поисках выхода из тупика стали внедрять вторую модель хозяйствования, аренду. Но и в условиях аренды собственность по-прежнему не становится «своей», работник лично к ней не привязан. Типичная ситуация: год-два поработали, технику износили и разбежались.

Старательская добыча тоже не стояла на месте. Увеличилось количество артелей, сезонность приобрела черты стабильности. Повысили цену на старательский грамм, что позволило старателям часть средств направлять на развитие социальной сферы и в технику.

С. П. ГОРБУНОВ: — За свою более чем 25-летнюю работу на золоте я был свидетелем нескольких крутых поворотов: то поднимали на щит старательскую добычу, то изничтожали напрочь. По-моему, она должна существовать — и не в ущемленном виде, а на равных с государственными горными предприятиями — и по ответственности, и по обязанностям.

— Сергей Павлович, не могли бы вы охарактеризовать взаимоотношения старательских артелей с приисками и ГОКом?

С. П. ГОРБУНОВ: — В ноябре 1985 г., когда меня назначили директором Ягодинского ГОКа, в нем работали девять старательских артелей. Две были подчинены прииску

«Штурмовой», три — «Имени Горького», четыре — прииску «Бурхала». Артели закреплялись за прииском, финансовый баланс сводился в целом по нему. Поэтому прииск планировал старательский результат под свой интерес, мало считаясь с чаяниями артелей. В итоге на комбинате многое не сходилось, так как далеко не все переделы и работы прииск учитывал.

Фонды потребления — старательский и госдобычи — смешивались. Хотя этого нельзя было делать, поскольку формировались они по-разному (первый в основном из своего дохода, второй — по традиционным нормативам). Артели во многом за свой счет содержали весомую прослойку управленцев. Так, на прииске «Бурхала» на четыре артели приходилось 36 ИТР, половина которых оплачивалась старателями.

С осени 1986 г. мы укрупнили старательские артели и переподчинили их основному держателю всех средств — ГОКу. Одновременно им было разрешено строительство производственно-технических баз, общежитий, столовых, ремонт боксов и котельных с привлечением подрядчиков или своими силами, с безусловной оплатой произведенных работ ГОКом.

М. М. МИХАЙЛОВ: — Раньше прииски, имеющие больше старательских артелей, получали выше прибыль и лучше жили. И наоборот. Причем на приисках, где активно трудились артели, госдобыча не приживалась. Известны и противоположные примеры, когда прииск выполнял план по золоту, а плохо работающая артель своими низкими показателями снижала экономический эффект. Изменив схему подчиненности, мы поставили всех в более или менее равные условия.

Теперь видим, что получается в целом по комбинату, а не только на уровне прииска. И участки для отработки выделяем, исходя из общих интересов ГОКа и артелей. А у приисков появилась возможность тщательнее заниматься своими горными работами, им не нужно контролировать артели. Исключили одну управленческую ступень, напрямую стали работать со старателями. В ГОКе аппарат старательского отдела небольшой: один заместитель, геолог, маркшейдер и инспектор по кадрам. Фактически со старателями работает весь управленческий аппарат комбината, который имеет обширные возможности квалифицированно

проанализировать работу каждой артели. Старатели содержат одного инспектора кадров и одного водителя.

Планируем производительность артели не с учетом передового старательского опыта, а по средним показателям. Дальше члены артели, правление должны подумать, как взять больше металла, сократив издержки. Поощряем творческое отношение: зарабатывайте столько, сколько позволяет умение. Это главный стимул в работе старательской артели. Исчезли разногласия между руководителями разных уровней, стало меньше конфликтов.

— Бытует мнение, что именно старательские артели в основном формируют прибыль ГОКа. Что вы на это скажете?

С. П. ГОРБУНОВ: — Не согласен, факты этого не подтверждают. Действительно, если старательские артели не выполняют план, комбинат в целом несет весомые убытки, более того — не сводит концы с концами. В этом смысле у нас «общий котел». Финансовый план сверстан так, что все бюджетные платежи, проценты за кредиты, расходы на содержание поселков и т.д. берет на себя комбинат. А старатели освобождены почти от всех налогов. Комбинат, покупая золото у старателей по внутренним договорным ценам, выплачивает за них налоги государству из общей прибыли. Семь месяцев в году мы пользуемся кредитами, беря их под проценты.

Эти деньги даем старательским артелям, чтобы они вели хозяйственные работы, готовились к промывочному сезону.

Не погашают старатели и расходы на содержание социальной сферы в поселках, услугами которой они пользуются. А они тянут на 9,5 млн руб. Если учесть и затраты на содержание детсадов и школ, которые посещают дети старателей, сумма удваивается.

Как директор ГОКа до 70% своего времени я занимаюсь материально-техническим снабжением, заключением договоров, арбитражными спорами и т.п., от чего старательские артели, как правило, стоят в стороне. Хотя мы, конечно, приветствуем их прямые связи с поставщиками. Желательно, чтобы каждая артель самостоятельно занималась оперативным снабжением.

В коллективный договор между ГОКом и артелями мы включили пункт о восстановлении старателей, которые раньше работали на госдобыче, в списках очередников на квартиры.

В районном Совете нам твердо обещали, что со старателей не будут брать местные налоги. Тем не менее в июне 1990 г. с них удержали 350 тыс. руб. Не только мне, но и всему управленческому аппарату ГОКа пришлось основательно потрудиться, чтобы защитить их.

В такой «сцепке» обязательна взаимная ответственность. А разговоры, будто госпредприятие для старателей является вампиром, несостоятельны. Если артели поставить в условия полностью самостоятельного предприятия, ее положение будет ничуть не лучше государственного.

В. И. МАКАРОВ: — Сегодня в ПО «Северовостокзолото» 90 старательских коллективов, в которых трудятся 16 тыс. человек. Добыча металла старательским способом за год выросла на 20%.

С. П. ГОРБУНОВ: — В нашем Ягодинском ГОКе доля старательской добычи за пятилетку выросла с 20 до 36%. Однако дальнейший рост прогнозировать трудно: откуда ждать желающих работать в артелях?

— А ведь прежде в старательские артели был чуть ли не конкурсный отбор. Сейчас вашему ГОКу не хватает 540 человек. Недостает людей и в артелях. Они пополняются далеко не лучшими специалистами. Что же произошло?

В. И. МАКАРОВ: — В старательстве чрезвычайно важны не столько форма, сколько отношение к делу. Многие в госдобыче работают на прямой сдельщине: машинист бульдозера вытолкнул за борт полигона куб вскрыши — заплати ему за это. Что будет потом на шлюзах золотоизвлекающего промприбора, его не заботит. Так же работника ЦРГО не интересует, сколько времени простоит бульдозер на ремонте, дежурного электрика не волнует простой при аварийном отключении энергии. А в артели все эти «не» должны превратиться в «да». Иначе не будет сильной артели и приличных заработков. С девизом «начальству виднее. пусть решает» в артели работать сложно. Там единоначалие, но оно обрастает инициативой каждого члена коллектива — непосредственного исполнителя. Такого отношения к делу многим как раз и не хватает. И это общая беда в нашей стране.

С. П. ГОРБУНОВ: — Как, впрочем, хромает и дисциплина. А она — производственная, трудовая, технологическая, договорная — обязательна в золотодобыче. В 97% случаев у старателей заработок увеличивается благодаря четкой организации производственного цикла. Недисциплиниро-

ванность особенно отрицательно сказывается там, где нет резерва работников и невыход на работу одного влечет срыв целого суточного цикла.

К сожалению, многие старатели, да и не только они, ныне живут одним днем, потому что не уверены в будущем. А северянину больше, чем кому-либо другому, нужна стабильность. Старатели нередко не верят председателю артели и руководителю предприятия. Если бы они не находились под влиянием этой захлестнувшей всех нас временщины, то по-иному относились бы к своей технике, артели, коллективу.

Мешают и законодательные выкрутасы. Разрабатывают и принимают законы нередко дилетанты. Порой просто жутко становится: директивы идут вразрез с тем, чего мы желаем и ради чего здесь находимся. Вертим законы и постановления так и этак, разыскиваем разъяснения, а их нет.

— Но что-то все же привлекает людей в старательство...

С. П. ГОРБУНОВ: — Заработок, который в артелях, успешно справляющихся с плановым заданием, выше, чем на госпредприятии и в объединении в целом. А также длительный отдых после сезонного тяжелого физического труда. Со старательством связывают не только экономическую эффективность, это и формирование специалиста на производстве. Оно позволяет человеку самовыразиться.

— За старательский сезон, который длится 240 суток, люди зарабатывают в среднем до 16 тыс. руб. С учетом четырех месяцев отдыха это будет 1,3 тыс. руб. в месяц, в госдобыче — в среднем 800 руб. в месяц...

В. И. МАКАРОВ: — Пример лучших старательских артелей вдохновляет. «Чукотка» — крупнейшая не только в нашем объединении, но и в системе «Главалмаззолото». Это 1000 человек, 32 млн руб. валового дохода. 25 лет назад она была типичной артелью тех лет: несколько стареньких бульдозеров, ни нормальной производственной базы, ни соцкультбыта, много ручного труда. Коллектив собирался в апреле и разъезжался в октябре.

Ключ ее успеха — в кадрах. Костяк коллектива составляют специалисты, пришедшие с госдобычи. Одного не устраивала зарплата, другой не мог больше терпеть иждивенчество, расхлябанность, ему ближе четкая организация труда и дисциплина. В артелях поощряются творческий поиск, новшества.

В «Чукотке» прекрасные ремонтные мастерские. За каждым узлом, агрегатом закреплена группа работников. Когда что-то сломается, можно установить, кто ремонтировал, кто сломал, кого поощрять, кого наказывать.

Кроме основного производства, артель строит промышленные и гражданские объекты, содержит дороги во всем Чаунском районе. Если в Чаунском дорожно-строительном управлении насчитывалось 160 работников, то ныне тот же объем работ выполняют 30 человек, зарабатывая 65 руб. на трудодень. Раньше дорожный участок обслуживали моторист, истопник, грейдерист, бульдозерист и водитель роторного снегоочистителя, теперь же — муж и жена. Коллектив намерен взять в аренду завод безалкогольных напитков.

Пять лет назад старатели Магаданской области не занимались строительством, а сейчас выполняют объемы СМР на 120 млн руб. и на 15 млн прочих работ. От золота пришли к дорогам, техническим и ремонтным базам, соцкультбыту, подсобному хозяйству и строительству. Я назвал бы нынешнюю крупную артель корпорацией.

— На взаимоотношениях старательских артелей и госдобычи значительно отражается цена добытого металла. Как определяются внутренние хозрасчетные цены в ГОКе?

С. П. ГОРБУНОВ: — Сегодня много говорят о договорных ценах, нередко как бы забывая, что в основе любой договорной лежит расчетная цена. Мы в ГОКе тщательно просчитываем трудоемкость золота и приглашаем старателей для согласования внутренних договорных цен. Сопоставляем, поясняем, убеждаем, перепроверяем, пересчитываем и приходим к взаимоприемлемому решению. Полученная в результате цена обязательно не ниже расчетной. Более того — она учитывает факторы, которые не улавливает ни одна методика, ни одна директива.

Например, мы за то, чтобы старатели жили в комфортабельных условиях. Но за все надо платить. Поэтому к расчетной цене грамма золота добавляется «довесок» — с учетом расходов на квартиры, телевизоры, простыни и т. п. Причем эта «договорная разница» различается по артелям. Она зависит от численности занятых, социальных, технических и горно-геологических условий. В каждой артели масса нюансов.

Одной мы даем импортный бульдозер, другой — отечественный, который если и стоит столько же, сколько зарубежный собрат, то существенно отличается по нормативам обслуживания.

Один рубль доплаты за грамм золота при плане, скажем, в 250 кг добычи, приносит артели дополнительный доход 250 тыс. руб. А это хороший шестиквартирный дом. Вот и выбирайте: вложить этот доход в простыни, проесть или построить благоустроенное жилье... За каждый грамм сверх плана добытого золота комбинат доплачивает 5 руб. к внутренней договорной цене. Это при перевыполнении плана до 20 кг, а свыше 20 кг — по 10 руб.

Раньше цена старательского золота составляла 35—40% от той цены, которая определялась (спускалась) ГОКу, сегодня — 50%. Учитываем рост старательства, дороговизну жизни, даем артелям возможность развиваться. Средняя старательская цена грамма золота равна 23 руб.

По сравнению с прошлым годом в госдобыче себестоимость золота выросла на 178,8%, цена грамма — на 222%, а по старательским артелям — соответственно на 222—224,4 и 224,4%. Причем в цене ГОКа сидит прибыль, из которой идут отчисления в бюджет, проценты за кредиты и т.п. О какой же дискриминационной экономической и ценовой политике комбината по отношению к старателям может идти речь?

— В ПО «Северовостокзолото» создан своеобразный полигон для отработки новых форм хозяйствования, поиска и внедрения научно-технических разработок. Это нетрадиционный прииск «Экспериментальный». Сергей Сергеевич, расскажите о нем.

С. С. ПЕТРИЩЕВ: — Долго прииск был последним в объединении. План не выполнялся, текучесть кадров превышала 30%, зарплата оказалась самой низкой. В 1987 г. генеральный директор нашего ПО В. Н. Брайко заключил со мной контракт на перевод прииска на новые формы труда. А с объединением на проведение эксперимента заключил контракт начальник «Главалмаззолото» В. В. Рудаков. Нам позволили работать на аренде. Но в результате получился какой-то гибрид: на базе государственного предприятия и централизованных фондов аренда сочетается со старательским способом.

Пару лет назад я думал, что организационно мы перестроим прииск, и он будет типа ГОКа: два-три карьера открытой добычи, драги, остальное — старательские артели. Впридачу один кооператив. Но жизнь идет, мысль тоже не стоит на месте. Что мы сегодня имеем?

Научно-производственная артель занимается изысканиями и внедрением новой техники и технологий. Наши наработки затем распространяются по всему объединению. Пять других артелей добывают золото. Кроме того, созданы три кооператива. Автотранспортный обеспечивает технологические перевозки внутри прииска, имея большегрузные «БЕЛАЗы». Приобрел рефрижератор, на котором будет завозить грузы с материка. Руководит этим кооперативом предприимчивый В. М. Гарченко, работавший ранее простым водителем.

Строительный кооператив возводит промышленные и социальные объекты; выполняет солидные объемы ремонтных работ. На его долю приходится 2/3 (около 3 млн руб.) плана строительного управления. Третий кооператив содержит в порядке поселок, канализацию, жилищный фонд и т. п.

Создали малые предприятия на базе служб главного механика, снабжения и складского хозяйства. Эта «тройка», получив фонды, которые ранее распределялись централизованно, на договорной основе оказывает услуги подразделениям прииска. Кроме того, энергоучасток как малое предприятие обслуживает шесть ЛЭП, четыре подстанции, отключение, оперативное включение и ремонт электродвигателей и электроаппаратуры, ищет и другие формы заработка, оказывает услуги не только в поселке, но и сторонним организациям. А коллектив участка взрывных работ, занятый и в зимнее время, объединился со шлихообогатительной фабрикой, где люди задействованы только летом, — так решили проблему занятости в мертвый сезон.

Профком, осознав свою малую значимость (его можно было бы совсем упразднить, но мы не спешим ломать прежнюю структуру, пусть она отомрет естественным путем), вместе с бытовым комбинатом организовал малое предприятие по оказанию бытовых услуг. В доме, который будет сдан в эксплуатацию в сентябре—октябре, первый этаж отведем под швейную и радиоремонтную мастерские и парикмахерскую. В Белоруссии или Брянске приобретем две коптильные установки.

Прииск заключил договор с фермером, поддержали его деньгами и материалами. Тот обязуется сдавать в год 10 т мяса по 10 руб. за килограмм. Это сырье пойдет на коптильную установку, будут колбаса, копчености. Этот фермер организовал рыболовецкую бригаду, еще одну создало

снабженческое малое предприятие. Они обеспечат работников прииска рыбой.

Четыре года назад мы построили в сопке штольню-холодильник на 300 т и передали ее УРСу. Теперь арендуем в ней «карман» для хранения рыбы и других продуктов. Главный инженер прииска В. Ф. Бойко предложил при аппарате управления (вместе со мной 15 человек) создать малое предприятие, которое в промывочный сезон на недоработках и прирезках старых и брошенных полигонов станет добывать 20 кг золота. Это даст 100—150 тыс. руб. прибыли и обеспечит приличный заработок работникам. Часть дохода пустим на приисковые нужды. Совместно с торговой конторой думаем купить машину, которая будет печь длинные батоны, пользующиеся повышенным спросом. В теплицах выращиваем помидоры, огурцы, лук, цветы.

— От одного, как я понимаю, отнюдь не полного перечисления всех ваших начинаний и замыслов зарябило в глазах и слегка закружилась голова. Мыслимо ли наладить и содержать в работоспособном состоянии столь многоплановое натуральное хозяйство...

С. С. ПЕТРИЩЕВ: — Нас вынуждают к этому жизнь и отсутствие рынка. Раньше ставилась цель любой ценой добыть больше золота. Теперь мы сделали ставку на человека. Стремимся создавать людям нормальные условия жизни и работы, хорошо платить за тяжелую работу в северных условиях, повысить интерес.

Мы не останавливаемся на достигнутом. Купили, сверх поставок ПО «Северовостокзолото», четырнадцать бульдозеров, буровой станок, десять тяжелых автомобилей, два «БЕЛАЗа» и др. В течение года намерены поднять зарплату вдвое, чтобы она составляла не ниже 2000 руб. в месяц. Будем компенсировать рост цен доплатой каждому работнику 200 руб. из средств прииска плюс обед в столовой. Районный соцстрах на основании решения профсоюзной конференции будет страховать людей не только от несчастного случая и стихийного бедствия, но и за «преданность фирме»: каждый работник обязуется отработать на прииске три года, по истечении которых получит из фонда социального развития 9 тыс. руб., а если хотя бы месяц не дотянул — ничего не получит.

А. А. МЕНЬШОВ: — На прииске «Экспериментальный» удачно сочетаются личность директора и сплоченность коллектива. Это своеобразный эволюционный переход на

новые формы труда. Нередко приходится слышать: дескать, объединение опекает «Экспериментальный», создало ему тепличные условия, в его песках выше содержание золота и т.п. На прииске побывали руководители всех горных комбинатов, приезжали учиться, перенимать опыт. И когда своими ногами потопали по всем объектам и полигонам, убедились, что особых льгот там нет.

В. В. РУДАКОВ: — Мы довольно много говорили об экономической стороне золотодобычи. Но эта отрасль достаточно сложна во всех отношениях. Учитывая географию, суровые северные условия, руководитель выполняет роль отца и матери. Скажем, генеральный директор ПО «Северовостокзолото» В. Н. Брайко отвечает за жизнь 250 тыс. человек. Что они едят, как живут, сколько зарабатывают. Может ли такая ответственность не давить на его плечи? Не отражаться на характере, на поведении? Спрашивается, что директоров, трижды клятых, мятых, задавленных снизу и сверху, держит на этой «золотой» работе десятилетиями? Преданность делу, которую познают с молодости, особое мироощущение. Среди них мало случайных людей. Северяне проходят «естественный отбор».

С. П. ГОРБУНОВ: — М. М. Михайлов когда-то приехал в эти края на три года, да так и остался. Я сюда вообще пацаном попал. Мы относимся к той части работников нашей отрасли и Севера, которая нутром приросла к нему и хочет, чтобы здесь было лучше, стабильнее и люди верили, что и завтра здесь будет хорошо. Мы заболели этим делом.

В. В. РУДАКОВ: — Нельзя исключать и трагическую историю Магаданской области. Она придает особую «окраску» людям. Я бы сказал, что золотодобытчик — это образ жизни.

— Подводя итог, попробуем заглянуть в перспективу. Разрабатывается ли государственная программа перехода госдобычи на старательную форму труда?

В. В. РУДАКОВ: — Такой программы нет. Единого подхода на все случаи северной жизни вообще не может быть. Следует учитывать конкретные экономические, социальные и экологические условия. Множество приисков с исчерпанными месторождениями запрашивают все больше и больше вложений, не выдерживая конкуренции с общесоюзными ценами. Там мы вынуждены переходить на старательский способ, чтобы облегчить давление социальной инфраструктуры на стоимость добытого металла.

Однако это не означает, что разработка россыпных месторождений в обозримом будущем лишена перспективы. Конечно, лет через 5—10 россыпная золотодобыча должна быть заменена рудной. Это объективные требования, а не воля директоров предприятий. Госдобыча будет переходить на рудные месторождения, а удельный вес старательской добычи на россыпных месторождениях будет расти.

Но и здесь нельзя говорить о полном единении. Есть рудные месторождения, которые мы и сегодня предполагаем отрабатывать старательским способом. С другой стороны, на Камчатке сложилась сложная экологическая обстановка, необходимо резко ограничить рекреационную и демографическую нагрузку. Рудные месторождения, которые мы будем отрабатывать 10—15 лет, потребуют строительства поселка с гигантским шлейфом жилья, объектов соцкультбыта. Экосистема этого уже не выдержит. Предпочтительнее привезти сюда 150—200 старателей, которые не будут гробить реки и в целом окружающую среду. В другом месте, где крупные месторождения будут разрабатываться десятилетиями (скажем, в Дукате), такой подход не оправдан. Там люди не могут жить по-походному, нужно создавать полноценную инфраструктуру.

Беседу провел и подготовил к печати
Э. С. ЦИРУЛЬНИКОВ (совместно с Т. М. БОЙКО)

* *

ПСИХОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ

Пружиной экономики является душа народа. Что происходит с нею сейчас? Взяв курс на западную экономику, мы, находясь в плену у догматизма, почему-то решили: стоит только создать материальные условия для частной инициативы, «наштамповать» специалистов (ведь «кадры решают все») — и экономический механизм сам собой заработает. Ничуть!

Во-первых, сама «операция» по изменению внутренней сущности человека весьма болезненна. Академик Шаталин предлагал вообще безнаркозную «шоковую терапию». Другие (например, А. Янов) — за операцию под «наркозом товарного щита». «Медикамент», естественно, импортный.

Во-вторых, как выяснилось после пробных операций, вместо ожидаемых деловых людей западного образца из «клиники» почему-то выходят обыкновенные спекулянты. Это и понятно — нельзя же из тоталитарной души нашего народа сделать душу радикала. Ведь мы долгие годы на буржуев смотрели свысока.

Казахская пословица гласит: «Когда ошибается мудрец, спотыкается весь мир». Чувствуя это, наше руководство топчется в нерешительности. Ситуация гораздо трагичнее, чем в 1917 году: не видно ваятеля, который принялся бы за дело, когда все будет разрушено.

Пока не поздно, нужно волюнтаристский эксперимент по ломке «рабской психологии» направить в русло осознания самобытности русской души. Надо понять, что идеология идет впереди экономики не только у нас. Наша же во все века была тоталитарной: частный интерес сочетался с осознанным общим. В отличие от восточных людей, которые знают, что нужно так делать и делают так, и западных, делающих то, что им хочется, мы всегда хотели делать то, что нужно делать. Произвольная деятельность никогда не увлекала русских. Игнорирование этого может привести к чудовищному произволу респектабельных «пришельцев».

В. АЛЕКСЕЕВ,
Новосибирск

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ МЕНЕДЖЕР

Считаю, что экономика, которая преподается на 4—5-м курсах технических вузов, доступна и для школьников. Уже в школе надо иметь понятие о рентабельности производства и налоговой системе в стране, различать основные и оборотные фонды.

Приведу пример из собственного опыта. В тамбовской средней школе № 6 есть специализация «Молодой менеджер». Два года ребята 10-х и 11-х классов занимались по программе курса «Экономика современного предприятия», в которую были включены разделы таких вузовских дисциплин, как «Экономика производства», «Организация и управление производством». Занятия вели преподаватели кафедры экономики Тамбовского института химического машиностроения. Обучение предусматривало деловые игры, тренинги, а в 11-м классе ребята написали самостоятельную работу по обоснованию целесообразности учреждения малого предприятия в виде гостиницы, детского сада, воскресной школы. Подводя итог двухлетнего обучения, можно сказать, что школьники без особых усилий освоили вузовскую экономическую программу. Замечу, что специального отбора в класс не было. Что же касается вузовской экономики, то она действительно должна быть «высшей», студентам следует в деталях изучать механизм рынка. В противном случае мы так и будем выпускать инженеров с высшим техническим образованием и начальным экономическим.

Г. Г. СЕРЕБРЕННИКОВ,
старший преподаватель кафедры экономики ТИХМ,
Тамбов

ПАД
ВОСТ

Все чаще можно слышать обвинения отечественным интеллектуалам в прямом, наивном, некритическом, порой даже бездумном заимствовании того, что является зрелым плодом совсем другого дерева: развитых институтов обществ совсем иной культурной традиции, исторической судьбы. Институтов, прошедших довольно длительную естественную эволюцию в специфических исторических условиях. А также в том, что мы не осмысливаем уроки истории, не делаем из них должных выводов, рутинно повторяем не раз уже сделанные ошибки.

Но осмыслить можно только то, что знаешь. А что знаем мы, учившие диалектику не по Гегелю, марксизм «осваивавшие» по Плеханову или Сталину, в лучшем случае — по переводам, имеющим явные резервы для улучшения, и уж всегда под неусыпным руководством Института марксизма-ленинизма. Да что там марксизм, когда и Дюринга-то — по «Анти-Дюрингу»!

Перестройка, разбудив аппетиты всех, почти никого не накормила. Но в чем ей уж никак не откажешь — с хороших книг она сняла гриф «Для служебного пользования», закрыв кормушку «особо приближенным». Сделав возможным продуктивное обсуждение многих, в том числе и упомянутых проблем. Перефразируя до боли обрыдлое, но, слава Богу, ставшее немодным, скажем:

И НА ТОМ СПАСИБО!

Вслед за журналом «Знамя», опубликовавшем в декабрьском номере за 1989 г. другую работу Г. П. Федотова «Россия и свобода», предлагаем читателю отрывки из написанной еще в 1926 г. работы — размышления о нашей трагической истории (написанной, как и всякая порядочная трагедия, в пяти действиях, да еще с двумя прологами). Мы надеемся помочь осмыслить историю, помочь увидеть истинную природу многих наших проблем и тем самым — решить их. Ведь, не поняв проблему, решить ее можно только случайно. Да и то только крайне простую.

ТРАГЕДИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Г. ФЕДОТОВ

Пролог в Киеве

Киевская культура аристократична. Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы из княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее в народной среде протекает страшно медленно, но органично и непрерывно. Конечно, это только прививка на грубом славянском дичке, но он весь перерождается под действием прививки. И эта органичность вполне понятна. Новое не ложится поверхностным слоем, «культурным лоском», поверх старого быта. Оно завоевывает прежде всего сердцевину народной жизни — его веру. И вера освящает всю культуру, всю книжную мудрость, которая идет за ней.

Массы, быть может, лишь к XVII веку органически, в своем быту растворили и претворили идеалы жизни, приличий, нравственных понятий, которыми жили в Киеве боярские и княжеские терема, вдохновляясь, в свою очередь, пышной «лепотой» Цареградского дворца. Так, отголоски церемониала Константина Багрянородного докатились до черных курных изб Заочья и Заволжья, и сейчас еще, после коммунистической революции, поражают нас на русском Севере строгостью быта, аристократической утонченностью форм, стильной условностью, «вежеватостью» обхождения.

И все же именно в Киеве заложено зерно будущего трагического раскола в русской культуре. Смысл этого факта до сих пор, кажется, ускользал от внимания ее историков. Более того, в нем всегда видели наше великое национальное преимущество, залог как раз органичности нашей культуры. Я имею в виду славянскую Библию и славянский литургический язык. В этом наше коренное отличие, в самом исходном пункте, от латинского Запада. На первый взгляд, как будто славянский язык церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции. Великолепный Киев XI—XII веков, восхищавший иноземцев своим блеском и нас изумляющий останками былой красоты, — Киев создавался на византийской почве. Это, в конце концов,

греческая окраина. Но за расцветом религиозной и материальной культуры нельзя проглядеть основного ущерба: научная, философская, литературная традиция Греции отсутствует. Переводы, наводнившие древне-русскую письменность, конечно, произвели отбор самонужнейшего, практически ценного: проповеди, жития святых, аскетика. Даже богословская мысль древней церкви осталась почти чуждой Руси. Что же говорить о Греции языческой? На Западе, в самые темные века его (VI—VIII), монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь овладеть этим чудесным ключом — латынью — чтобы им отворились все двери. В брожении языческих и христианских элементов складывалась могучая средневековая культура — задолго до Возрождения...

Мы получили в дар одну книгу, величайшую из книг, без труда и заслуги, открытую всем. Но эта книга должна была остаться единственной. В грязном и бедном Париже XII века гремели битвы схоластиков, рождался университет — в «золотом» Киеве, сиявшем мозаиками своих храмов, — ничего, кроме подвига печерских иноков, слагавших летописи и патерики. Правда, такой летописи не знал Запад, да, может быть, и таких патериков тоже.

Когда думаешь о необозримых последствиях этого первого факта нашей истории, поражаешься, как много он уясняет в ней. Если правда, что русский народ глубже принял в себя и вернее сохранил образ Христа, чем всякий другой народ (а от этой веры трудно отрешиться и в наши дни), то, конечно, этим он прежде всего обязан славянскому евангелию. И если правда, что русский язык — гениальный язык, обладающий неисчерпаемыми художественными возможностями, то это ведь потому, что на нем, и только на нем говорил и молился русский народ, не сбиваясь на чужую речь, и в нем самом, в языке этом, находя огромные лексические богатства для выражения всех оттенков стиля (высокого, среднего и «подлого»).

Все это так. Но этот великолепный язык до XVIII века не был орудием научной мысли. Понятно, что он должен был рано или поздно оказаться затопленным варваризмами. И по сию пору наш научный, особенно философский язык, несмотря на обилие иностранных терминов, лишен некоторых основных слов, без которых невозможно отвлеченное мышление. Разными «значимостями» и «воззрениями» мы расплачиваемся за Пушкина и Толстого. А за ограниченность древней Руси — глубоким расколом Петербургской России. И это возвращает нас к теме об интеллигенции.

Монах и книжник древней Руси был очень близок к народу — но, пожалуй, чересчур близок. Между ними не образовалось того напряжения, которое дается расстоянием и которое одно только способно вызывать движение культуры.

Снисхождению учителя должна отвечать энергия восхождения — ученика. Идеал культуры должен быть высок, труден, чтобы разбудить и напрячь все духовные силы...

Русская интеллигенция конца XIX века столь же мало понимала это, как книжники и просветители древней Руси. И как в начале русской письменности, так и в наши дни русская научная мысль питается преимущественно переводами, упрощенными компиляциями, популярной брошюрой. Тысячелетний умственный сон не прошел даром. Отрекшись от классической традиции, мы не могли выработать своей, и на исходе веков — в крайней нужде и по старой лености — должны были хватать, красть (compilare), где и что попало, обкрадывать уже нищающую Европу, отрекаясь от всего заветного, в отчаянии перед собственной бедностью. Не хотели читать по-гречески, выучились по-немецки, вместо Платона и Эсхила набросились на Каутских и Липпертов. От киевских предков мы сохранили ненависть к древним языкам, и, лишив себя плодов гуманизма, питаемся теперь его «вершками», засыхающей ботвой.

Пролог в Москве

Главное творческое дело было совершено Новгородом. Здесь, на севере, Русь перестает быть робкой ученицей Византии, и, не прерывая религиозно-культурной связи с ней, творит свое — уже не греческое, а славянское, или, вернее, именно русское — дело. Только здесь Русь откликнулась христианству своим особым голосом, который отныне неизгладим в хоре народов-ангелов. Мы знаем с недавних пор, где нужно слушать этот голос. В церковном зодчестве, деревянном и каменном, в ослепительной новгородской иконе, в особом тоне святости северных подвижников. Без ложной гордости мы говорим теперь о гениальности древнего русского искусства и не колеблясь отдаем ему предпочтение перед искусством западного средневековья и Возрожденья. Не столь явен для всех голос святости. И это отчасти потому, что расслышать его отчетливо удается лишь в XIX веке. Святые, современные нам или почти современные нам, конечно, восходят в самом типе своей праведности к древне-русской традиции духовной жизни, как архангельские деревянные церкви, строенные десятилетия тому назад, уходят в новгородскую древность. Иначе и быть не может. Иначе — откуда? Откуда цветение православной культуры в уже чужеродной, враждебной ей среде, если не на старой почве, на крепких корнях?

Но самая постановка этого вопроса возможна лишь благодаря страшной немоте древней Руси. Она так скупа на слова и так косноязычна.

Даже образы своих святых она не умеет выразить в их неповторимом своеобразии, в подлинном, русском их лике, и заглушает дивный колос плевелами переводного

византийского красноречия, пустого и многословного. Не в житиях находим ключ к ним, а в живой, современной, часто народной (даже апокрифической) традиции.

...Только в красках умела она поведать о некогда живом, именно русском культе святой Софии. Но ведь «умозрение» открывается в слове. В этом его природа — природа Логоса. Отчего же софийная Русь так чужда Логоса? Она похожа на немую девочку, которая так много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками. А ее долго считали дурочкой только потому, что она бессловесная!

И замечательно — этот паралич языка еще усилился со времени ее бегства с просторов Приднепровья. Уже не сказать ей Слова о полку Игореве, не составить Повести временных лет. От новгородско-московских столетий нам осталась почти одна публицистика, отрывочный младенческий лепет, который говорит лишь об усилиях осознать новый смысл или, чаще всего, недуги государственного и церковного бытия. Не умножился скудный запас книг, спасенных в киевском разореньи. И еще дальше отодвинулся культурный мир, священная земля Греции и Рима с погребенными в ней кладами. А удачливый и талантливый Запад, овладевший их наследством, повернулся к Руси железной угрозой меченосцев да ливонцев, заставив ее обратиться лицом к Востоку. На Ближнем Востоке не было культур и не было еретических соблазнов. Но на Востоке были пространства, подобные пустыням, зовущие и коварные, шаг за шагом увлекающие в даль, не дающие остановиться, обустроиться, возделать родную землю. Начинается еще не законченная история бродячей Руси, сдержанной от расползания тяжелой рукой Москвы. Прощайте, северные, святые безмолвия! Начинается:

«Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма»...

Тяжек был для России ее первый «счастливый» дар, дар первоучителей словенских; еще тяжелее оказался дар второй: пространство...

Культура северной Руси в зените к началу XVI века. Дальше уже начинается склон. XVI век — это декаданс, хотя и утонченный, ее живописного мастерства; XVII — уже чрезвычайное огрубение. Города, цветущие в XV — XVI веках, хиреют в XVII, вместе с богатством и предприимчивостью былых Садко и Афанасиев Никитиных. Закрепощается народ к земле, все население к службе и тяглу. Гибнут остатки мирского самоуправления. Грубеет и тяжелеет быт, оплотневает, словно действительно пропитавшись татарской, степной стихией. Само православие начинает ощущаться как стояние на уставе, как быт, как «обрядовое исповедничество».

Конечно, рисовать два столетия Москвы как сплошной упадок несправедливо. Нельзя закрывать глаза на подвиг создания великой державы, нельзя не видеть и огромных сил народных, которые

живы в узах сыромятных ремней. Но страшно, что эти силы громче всего говорят о себе — в бунте: Ермак, смута, Разин, раскол! Как не поразиться, что единственный великий писатель московской Руси — мятежный Аввакум! Москва полнокровна, кряжиста, если говорить о ее этнических силах. Но уже развивается старческий склероз в ее социальном теле. Такая юная годами, она, видимо, дряхлеет в XVII веке, и дряхлость ее сказывается во все растущем общественном недомогании, в потребности общих перемен и вместе с тем неспособности осуществить их. Государственное бытие становится невозможным в примитивно варварских формах, но силы инерции огромны, быт свят, предание и православие одно. Со времени Грозного оборона государства во все растущей мере зависит от иностранцев. Немецкая слобода, выросшая в Москве, стоит перед ней живым соблазном. Как разрешить эту повелительно поставленную судьбой задачу: усвоить немецкие хитрости, художества, науку, не отрекаясь от своих святынь? Возможна ли простая прививка немецкой техники к православному быту? Есть люди, которые еще в наши дни отвечают на этот вопрос утвердительно. Но техника не падает с неба. Она вырастает, как побочный плод, на дереве разума; а разум не может не быть связан с Логосом. Пустое место, зиявшее в русской душе именно здесь, в «словесной», разумной ее части, должно быть заполнено чем-то. В десятилетие и даже в столетие не выращивается национальный разум. Значит, разум тоже будет импортироваться вместе с немецкими пушками и глобусами. Иначе быть не может. Но это страшно. Это означает глубокую деформацию народной души, вроде пересадки чужого мозга, если бы эта операция была возможна. Жестоко пробуждение от векового сна. Тяжела расплата — люди нашего поколения ощущают это как никогда. Но другого пути нет. Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в истории России и русской интеллигенции.

Интеллигенция? Знаете ли, кто первые русские интеллигенты? При царе Борисе были отправлены за границу — в Германию, во Францию, в Англию — 18 молодых людей. Ни один из них не вернулся. Кто сбежал неведомо куда, спился, должно быть, — кто вошел в чужую жизнь. Не будем торопиться осуждать их. Несомненно, возвращение в Москву означало для них мученичество. Подышав воздухом духовной свободы, трудно добровольно возвращаться в тюрьму, хотя бы родную, теплую тюрьму... Этот факт сам по себе обличает породившую его культуру и грозно предупреждает о будущем.

За ним идут другие. Не привлекательны первые «интеллигенты», первые идейные отщепенцы русской земли. Что характеризует их всех, так это поверхностность и нестойкость, подчас моральная дряблость. Чужая культура, неиз-

бежно воспринимаемая внешне и отрицательно, разлагала личность, да и оказывалась всего соблазнительнее для людей слабых, хотя и одаренных, на их несчастье, острым умом. От царя Димитрия (Лжедимитрия) к кн. Ивану Андреевичу Хворостинину, отступившему от православия в Польше и уверявшему, что «в Москве народ глуп», «в Москве не с кем жить», — к Котошихину, из Швеции поносившему ненавистный ему московский быт, — через весь XVII век тянется тонкая цепь еретиков и отступников, наряду с осторожными поклонниками Запада Матвеевыми, Голицыными, Ордиными-Нащокиными. Чья линия возьмет верх? Мы уже — задним числом, конечно, — пытались показать неизбежность революционного срыва. Раскол был серьезным доказательством неспособности московского общества к мирному перерождению. В атмосфере поднятой им гражданско-религиозной войны («стрелецких бунтов») воспитывался великий Отступник, сорвавший Россию с ее круговой орбиты, чтобы кометой швырнуть в пространство.

Действие первое. ЦАРСКОЕ СЕЛО

По-настоящему, как широкое общественное течение, интеллигенция рождается с Петром. Петр оставил после себя три линии преемников: проходимцев, выплеснутых революцией и на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни, государственных людей — строителей империи и просветителей-западников, от Ломоносова до Пушкина, поклонявшихся ему как полубогу. Восемнадцатый век раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России. Это импорт западной культуры в стране, лишенной культуры мысли, но изголодавшейся по ней. Беспочвенность рождается из пересечения двух несовместимых культурных миров, идейность — из повелительной необходимости просвещения, ассимиляции готовых, чужим трудом созданных благ — ради спасения, сохранения жизни своей страны. Понятно, почему ничего подобного русской интеллигенции не могло явиться на Западе — ни в одной из стран органической культуры. Ее условие — отрыв.

Некоторое подобие русской интеллигенции мы встречаем в наши дни в странах пробуждающегося Востока: в Индии, в Турции, в Китае. Однако, там нет ничего и отдаленно напоминающего по остроте наше собственное отступничество: нет презрения к своему быту, нет национального самоуничижения — «мизопатрии». И это потому, что древние страны Востока были не только родиной великих религий и художественных культур, но и глубокой мысли. Они не «бессловесны», как древняя Русь. Им есть что противопоставить европейскому разуму, и они сами готовы начать его завоевание.

Сейчас мы с ужасом и отвращением думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская

реформа. Церковь ограблена, поругана, лишена своего главы и независимости. Епископские кафедры раздаются протестантствующим царедворцам, веселым эпикурейцам и блюдолизам. К надругательству над церковью и бытом прибавьте надругательство над русским языком, который на полстолетия превращается в безобразный жаргон. Опозорена святая Москва, ее церкви и дворцы могут разрушаться, пока чухонская деревушка обстраивается немецкими палатами и церквами никому неизвестных календарных угодников, политическими аллегориями новой Империи. Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. Далеко щенкам до льва. И провалившаяся у них «живая» церковь блестяще удалась у их предшественника, который сумел на два столетия обезвредить и обезличить национальные силы православия.

Не знаю, было ли все это неизбежно. Неизбежны ли самоубийственные формы опричнины Грозного, коммунизм большевистской революции? Откуда эта разрушительная ярость всех исторически обоснованных процессов русской истории? Они протекают с таким «запросом», что под конец не знаешь — и через столетия не знаешь — что это, к жизни или к смерти?

Петру удалось на века расколоть Россию на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества) — та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция XIX века. Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой, — национальной. Школа и книга делаются орудием обезличения, опустошения народной души. Я здесь не касаюсь социальной опасности раскола: над крестьянством, по безграмотности своей оставшимся верным христианству и национальной культуре, стоит класс господ, получивших над ним право жизни и смерти, презиравших его веру, его быт, одежду и язык и, в свою очередь, презираемых им. Результат получился приблизительно тот же, как если бы Россия подверглась польскому или немецкому завоеванию, которое, обратив в рабство туземное население, поставило бы над ним класс иноземцев-феодалов, лишь постепенно, с каждым поколением поддающихся неизбежному обрусению.

Значит ли это, что мы отвергаем дело Петра? Империю, созданную им: этот огромный дом народов, на четыре моря, на шестую часть земного шара, где в суровой школе зрели для творческого пробуждения многомиллионные пласты европейско-азиатской целины? Где русский гений впервые вышел на пространства всемирной истории и с какой силой и правом утвердил свое место в мире! Петербург с кольцом своих резиденций — единственный в мире город траги-

ческой красоты, где в граните воплотилась воля к сверхчеловеческому величию, и тяжесть материков плывет, как призрачная флотилия, в туманах с легкостью окрыленной мысли. Отречемся ли мы от развенчанного Петербурга перед вновь торжествующей Москвой?

Людям, которые готовы проклясть империю и с легкостью выбросить традиции русского классицизма, венчаемого Пушкиным, следует напомнить одно. Только Петербург расколол пленное русское слово, только он снял печать с уст православия. Для всякого ясно, что не только Пушкин, но и Толстой и Достоевский немыслимы без школы европейского гуманизма, как немыслим он сам без классического предания Греции. Ясно и то, что в Толстом и Достоевском впервые на весь мир прозвучал голос допетровской Руси, христианской и даже, может быть, языческой, как в Хомякове и в новой русской богословской школе впервые, пройдя искус немецкой философии и католической теологии, осознает себя дух русского православия.

Как примирить это с нашей схемой сосуществования двух культур? Для всех ясно, что эта схема откровенно «схематична». Действительность много сложнее, и даже XVIII век и русское барство, особенно в нижних слоях его, много народнее, чем выглядит на старинных портретах и в биографиях вельмож. Не все получали свой последний лоск в Версале. В саратовских и пензенских деревушках — я говорю о дворянстве — XVII век затянулся чуть не до дней Екатерины. Обе культуры живут в состоянии интра-молекулярного взаимодействия. Начавшись революционным отрывом от Руси, двухвековая история Петербурга есть история медленного возвращения. Перемежаясь реакциями, но все с большей ясностью и чистотой звучит русская тема в новой культуре, получая водительство к концу XIX века. И это параллельно с неуклонным распадом социально-бытовых устоев древне-русской жизни и выветриванием православно-народного сознания. Органическое единство не достигнуто до конца, что предопределяет культурную разрушительность нашей революции. Ленин, в самом деле, через века откликается Петру, отрывая или формулируя отрыв от русской культуры впервые к культуре приобщающихся масс.

Вглядимся в интеллигенцию первого столетия. Для нас она воплощается в сонме теперь уже безымянных публицистов, переводчиков, сатириков, драматургов и поэтов, которые, сплотившись вокруг трона, ведут священную борьбу с «тьмой» народной жизни. Они перекликаются с Вольтерами и Дидеротами, как их венценосная повелительница, или ловят мистические голоса с Запада, прекраснодушествуют, ужасаются рабству, которое их кормит, тирании, которой не видят в позолоченном абсолютизме Екатерины. Над этой толпой возвышаются головы истинных подвижников просвещения, писателей, уже рвущихся к народности,

Фонвизиных, Новиковых, масонов, — Ломоносов и Державин вообще перерастают «интеллигенцию». — Но что единит их всех, так это культ империи, неподдельный восторг перед самодержавием. Нельзя забыть, в оценке русской интеллигенции, что она целое столетие делала общее дело с монархией. Выражаясь упрощенно, она целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825—1881) и, наконец, с народом против царя (1905—1917). В пышных дворцах Екатерины, в Царском Селе поэты встречаются с орлами-завоевателями; две линии наследников Петровых еще не разошлись... Гармония между властью и культурой, как во дни Августа и Короля-Солнца, ничем не нарушается. Интеллигенция, оторванная от народа и его прошлого, не порвала связей со своим классом и с царем (царицей).

Действие второе. АРБАТ

Между Царским Селом и Арбатскими переулками, новой резиденцией русской интеллигентской мысли, маленькая интермедия на Сенатской площади. 14 декабря 1825 г., почти незаметное в политической истории государства Российского, неизгладимая веха в истории русской интеллигенции. Здесь совершается ее отрыв от самодержавия, отныне и навсегда она покидает царские дворцы.

В оценке этого тяжелого для обеих сторон разрыва нельзя забывать, что интеллигенция начала XIX века осталась верной себе и традиции Петра.

Не она первая изменяет монархии, монархия изменяет своей просветительской миссии. Перепуг Екатерины, Шешковский, гибель Радищева и Новикова — в этом русская интеллигенция неповинна. Она с ужасом встретила восстание крестьянства при Пугачеве и безропотно смотрела на его подавление. Отвечать ей пришлось за французских якобинцев да за дурную совесть Екатерины. Интеллигенция простила ей все и в светлые дни Александра боготворила ее имя. С Александром интеллигенция всходит на трон, уже подлинная, чистая интеллигенция, без доспехов Марса, в оливковом венке. Этот кумир, обожаемый, как ни один из венценосцев после другого Великого Александра, — заключит, над трупом своего отца, безмолвный договор с молодой Россией: смысл его был в хартии вольностей, обеспечивавших дворянство, только что перенесшее режим Павла. Этому договору Александр изменил и всю жизнь сохранял сознание своей измены. Потому и не мог карать декабристов, что видел в них сообщников своей молодости. Не личный страх определил измену Александра — за корону, за власть, — но все же страх: страх перед свободой, неверие в человека, неверие в свой народ. В реакции он остался таким же оторванным от национальной и религиозной жизни народа, каким был во дни свободолюбивых иллю-

зий. Отметим: русская монархия изменяет Западу не потому, что возвращается к Руси, а потому, что не верит больше в свое призвание. Отныне и до конца, на целое столетие, ее история есть сплошная реакция, прерываемая несколькими годами половинчатых, неискренних реформ. Смысл этой реакции — не плодотворный возврат к забытым стихиям народной жизни, а топтание на месте, торможение, «замораживание» России, по слову Победоносцева. Целое столетие безверия, уныния, страха: предчувствие гибели.

Декабристы были людьми XVIII века по всем своим политическим идеям, по своему социальному оптимизму, как и по форме военного заговора, в который вылилась их революция. Целая пропасть отделяет их от будущих революционеров: они завершители старого века, не зачинатели нового...

И вот зарождается русская интеллигенция новой формации, предельно беспочвенная, отрешенная от действительности и зажигающая в катакомбах «кружков» свою неугасимую лампаду. Она просто не заметила св. Серафима, она не принимает православия постных щей и «квасного» патриотизма. Ее историческая память, как и память царя, подавлена кровью мучеников: Радищевых, Рылеевых. Характерен самый уход из бюрократического Петербурга в опальную Москву, где в барских особняках Поварской и Арбата, вслед за фрондирующими вельможами XVIII века, появляются новые добровольные изгнанники: юные, даровитые, полные духовного горения — но почти все обескровленные. С пламенностью религиозной веры, какой мы не видим у просветителей старого времени и в которой улавливаются отражения религиозной реакции Запада, юные философы утверждаются на Шеллинге, на Гегеле, как на камне вселенской церкви; диалектически выводят из «идеи» весь мир данного и должного, «рефлектируют», созерцают, разлагают — и все для того, чтобы в конечном счете связать себя новым моральным постулатом: найти внутренний подвиг, дать обеты, навсегда преодолевающие мир пошлой действительности. С этим миром интеллигенцию 30-х и 40-х годов связывает еще одна непорванная нить: культура класса, дворянский быт, в котором она живет... Идейность этих десятилетий не могла уже быть превзойдена: это эссенция абстрактной веры. Но на пути беспочвенности предстоял еще один тягчайший подвиг.

Каковы смысл и ценность этого идейного отшельничества? Когда власть отрекается от своей культурной миссии, интеллигенция возжигает очаг чистой мысли. Именно в эти годы она осваивает самые глубокие и сложные явления европейской культуры; место поверхностного «просвещения» прошлого века занимает немецкая философия и гуманистическая наука. Этим заканчивается европеизация России, начавшаяся с париков и бритых бород и завоевывающая теперь последние твердыни разума.

Здесь, в 30-е и 40-е годы, рождается русская наука — прежде всего историческая и филологическая, — которая к концу века импонирует и Западу. Только здесь дано культурное завершение дела Петра, и вместе с тем достигнут предел законной европеизации. Дальнейшее западничество русской интеллигентской мысли будет бесплодным и косным твержением задов.

Монархия, поглощенная идеей самосохранения, становится тормозом, и политически активные силы, которые некогда окружали Петра, теперь готовятся к борьбе с династией.

Действие третье.
ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

...Но дворянство социально разлагается — оно не в силах пережить «эмансипацию» и теряет культурную гегемонию. Разночинцы вытесняют его с командных высот, но принимают часть его духовного наследства. По самой природе своей они должны были поддержать интеллигентскую, а не почвенную мысль, традицию западничества, а не славянофильства. Сами они были воплощенным отрывом от почвы, отщепенцами той народной (духовной, купеческой, крестьянской) Руси, которая живет еще в допетровском сознании. Тяжело и круто порвав со «страной отцов», они, в качестве плебеев, презирают и дворянскую культуру, оставшись вне всякой классовой и национальной почвы, уносимые течением европейского «прогресса». Идее западников они сообщили грубость мужицкого слова, донельзя упростили все, и одним фактом этого упрощения снизили уровень русской культуры совершенно так, как снизила его революция 1917 г. В рабоче-крестьянской молодежи наших дней мы вправе видеть тот же психологический тип, что в разночинцах 60-х годов, с соответствующей поправкой на уровень. Недаром старые большевики воспитывались на Писареве...

Старая традиция и старый уровень русской культуры не гибнут с этим нашествием варваров. Пережив тяжелые для них 60-е годы, они продолжают расти и крепнуть преимущественно в почвенных, «реакционных» направлениях русской мысли. Вместе с тем линии русской интеллигенции и русской культуры все более расходятся. К XX в. это уже две породы людей, которые перестают понимать друг друга...

По-видимому, нигилизм 60-х годов жизненно в достаточной мере отвратителен. В беспорядочной жизни коммун, в цинизме личных отношений, в утверждении голого эгоизма и антисоциальности (ибо нигилизм антисоциален), как и в необычайно жалком, оголенном мышлении — чудится какая-то бесовская гримаса: предел падения русской души...

Но, конечно, демоны шестидесятников не одни «мелкие бесы» разврата. Базаров не выдумка и Рахметов тоже. Презрение к лю-

дям — и готовность отдать за них жизнь; маска цинизма — и целомудренная холодность; холод в сердце, вызов к Богу, гордость непомерная — сродни Ивану Карамазову; упоение своим разумом и волей — разумом без взлета, волей без любви; мрачность, замораживающая истоки жизни — таково это новое воплощение Печорина, новая демонофания, в которую нам не мешает вглядываться пристальнее: в ней ключ к бескорыстному героическому большевизму «старой гвардии».

В анархизме 60-х годов еще нет политической концентрации воли. Поскольку он отрицает царизм, он становится родоначальником русской революции. И в историю ее он вписывает самую страшную страницу. «Бесы» Достоевского родились именно из опыта 60-х годов; по отношению к 70-м они являются несправедливой ложью.

60-е годы: это интернационал Бакунина, гимны топору, прокламации, требующие 3.000.000 голов, идеализация Разиновщины и Пугачевщины, ужасное, дегенеративное лицо Каракозова, зловещий Нечаев, у которого Ленин — бессознательно, быть может, — учится организационному и тактическому имморализму.

Религиозный ключ к народникам и народовольцам дает не только имя Христа, но и особое отношение к мученикам раскола... Через 200 лет мученикам двуперстия откликаются мученики социализма. Это дает право понять природу нового движения, как христианской секты, сродной тем, что возникли на почве раскола, бегунам, беспоповцам, взыскующим града, с эсхатологической устремленностью, с жаждой огненной смерти.

Движение, в идее утверждающее крайнее западничество, разоблачает себя, как русская религиозная секта. Да, это уже не борьба за дело Петрово... Аввакум — против Петра, воскреснув, расшатывает его империю. Каким тонким оказался покров европейской культуры на русском теле! Ведь это уже не вековая дворянская школа. Разночинство берет немецкое «последнее слово», на медный пятак. Его хватает ровно настолько, чтобы опустошить русские мозги, но оно бессильно перевоспитать «натуру». Запад дает, как некогда «жидовство», новые символы и догматы. Но идолам молятся, как иконам, по-православному.

И вдруг — с 1879 г. — бродячие апостолы становятся политическими убийцами. Они объясняют это сами своим политическим опытом, поумнением. Историку новое безумие может показаться горше первого. Но объяснение правильно: это срыв эсхатологизма. Царствие Божие, или царство социализма, не наступило, хотя прошло уже 9 лет. Надо вступить в единоборство с самим князем тьмы и одолеть его. Помните у Гаршина, красный цветок, в котором для безумного сосредоточилось всё мировое зло? Как нынешние апокалиптики видят в большевизме воплощенного антихриста, так народовольцы увиде-

ли его в царе. Эти страшные годы борьбы не прошли для них бесследно, не могли не запятнать их голубиной чистоты. Партия террористов уже со всячинкой. Среди нее уже работают провокаторы. Один из предателей после 1 марта всходит вместе с героями на эшафот. Не гнушаются ложью и принимают сотрудников из III отделения. Дисциплина, моральные требования очень высоки: но ищут доблести солдата, а не христианских добродетелей. Вероятно, многие сорвались и погибли в этом бесчеловечном деле. Но другие донесли до эшафота или сохранили на четверть века в каменных мешках Шлиссельбурга сердце, полное веры и любви.

Но кровь не прощает. Мученики, становясь палачами, обречены на гибель. Поколение, вынесшее как свой цвет, как чистейшую жертву, — цареубийц, должно погибнуть и без преследований правительства. Отметим для многих, оставшихся в живых, религиозный исход.

Действие четвертое.
ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ

Люди 40-х годов и народники 70-х представляют крайние вершины русского интеллигентского сознания. Дальше начинается распад этого социологического типа, идущий по двум линиям: понижения идейности, возрастания почвенности. Русская интеллигенция агонизирует долго и бурно: она истекает кровью и настоящей, не умозрительной уже народной революции. Интеллигенция принадлежит к тем социальным образованиям, для которых успех губителен; они до конца и без остатка растворяются в совершенном деле. Дело интеллигенции - европеизация России заостренная, со второй половины XIX века, в революции. Победы революции наносят поэтому интеллигенции тяжкие раны. Вот даты их: 1 марта 1881 г., 17 октября 1905 г., 25 октября 1907 г. Из них уже первая смертельна. На 1 марта, если не по времени, то по существу, русская мысль (не интеллигентская, а русская), ответила явлением Толстого и Достоевского. По-разному, но с одинаковой силой они отрицают западнический идеал интеллигенции и делают возможной строительство русской культуры на древней, допетровской почве. Интеллигенция была смущена, но не смогла ответить отлучением. Она приняла в себя сильно действующий, хотя и медленный яд, который через четверть века начал, видимо, разлагать ее сознание. Но количественно, в культурной работе России интеллигенция преобладает — по крайней мере, до первой русской революции.

Она не может умереть, потому что дело, которое она себе поставила, сначала как апокалиптический идеал, чем дальше, тем больше становится русским государственным делом. Дворянская Россия с 1861 г. безостановочно разлагается. Самодержавие не в силах оторваться от дворянской по-

чвы и гибнет вместе с ней. Замороженная на 20 лет Победоносцевым Россия явно гниет под снегом (Чехов). Интеллигенция права в своем ощущении гнилости 80—90 годов, хотя духовно, в глубине национального сознания, эти годы, как часто годы реакции, были, быть может, самыми плодоносными в новой русской истории. Но общественное тело явно требует хирурга. Революция, убитая Достоевским в идее, оправдывается уже политической необходимостью. Отсюда воскресение революционного идеала и движения в конце 90-х годов.

Жизнь интеллигенции этих десятилетий, расплющенной между молотом монархии и наковальней народа, ужасна. Она смыкает свои бездейственные ряды в подобие церкви, построенной на крови мучеников. Целое поколение живет в тени, отбрасываемой Шлиссельбургской крепостью. Оно подавлено идеей мученической смерти: не борьбы, не победы, а именно смерти.

В сущности, настоящим гимном русской революции была не бездарная Лавровская марсельеза, а похоронный марш:

«Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу...»

И даже в новом революционном приливе 1900-х годов демонстрации студенческой молодежи чаще всего связаны с похоронами. И как настоящие политические демонстрации, первомайские и другие, они всегда безоружны, их смысл всегда в избиении — нагайками, шашками — беззащитных, несопротивляющихся людей. Это всегда жертва, и не бескровная; единственная, но глубокая политическая идея ее: из крови мучеников восстанут новые борцы.

Новых идей до появления на сцену марксизма не поступает; их боятся, как ереси. Весь смысл этой секты в хранении чистоты и «заветов». Кодекс общественной этики вырабатывает мелочную систему запретительных норм, необходимых, чтобы сохранить дистанцию перед врагом, с которым нет сил бороться. Враг этот откровенно — русское государство и его власть. Умственный консерватизм навсегда остается главным признаком идейно-чистой, пассивно-стойкой русской интеллигенции в ее основном, либерально-народническом русле.

Для России и эта формация людей не бесплодна. Вытесненные из политической борьбы, они уходят в будничную культурную работу. Это прекрасные статистики, строители шоссейных дорог, школ и больниц. Вся земская Россия создана ими. Ими, главным образом, держится общественная организация, запускаемая обленившейся, упадочной бюрократией. В гуще жизненной работы они понемногу выигрывают в почвенности, теряя в «идейности»...

Революционная лава, остывая в земском, трудовом народничестве, принимает облик демократиче-

ского либерализма. Социализм, если не линяет до утопии, то отодвигается в туманное будущее. Семидесятники ненавидели либерализм, который, ответвившись от идейного ствола 40-х годов и окрыленный, было, коротким десятилетием реформ, питается всего больше модной англоманией. Остывшие народники конца века могли уже подать руку конституционалистам английской школы. Такова формула будущей партии «Народной Свободы».

Но либерализм не создает ни одной новой идеи; он несет вместе с народничеством вахту у знамени «хранимых заветов».

Появление марксизма в 90-х годах было настоящей бурей в стоячих водах. Оно имело освежающее, озонирующее значение. В марксизме недаром получают крещение все новые направления — даже консервативные — русской политической мысли. Это тоже импорт, разумеется, — в большей мере, чем русское народничество, имеющее старую русскую традицию. Но в научных основах (все-таки научных!) русского марксизма были моменты здорового реализма, помогшие связать интеллигентскую мысль с реальными силами страны.

Россия, под победоносцевскими льдами, социально переродилась. Новые классы — рабочие, промышленники — приобщаясь к «просвещению», начинают реальную, а не утопическую классовую борьбу. Плеханов оказался пророком: рабочий был той точкой опоры, куда должен быть приложен революционный рычаг. Пролетарий, оторванный от народной (т. е. крестьянской) почвы, сам сделался почвой, на которую мог осесть революционный скиталец. Русская социалдемократия, несомненно, самое почвенное из русских революционных движений. В нем, практически, профессионалы революции, путем радикального упрощения своего интеллигентского сознания, сливались с верхушкой «сознательных пролетариев», образуя не новую интеллигенцию, а кадры революционных деятелей. В этом свете понятен особый пафос классовой идеи России и особая ненависть к интеллигенции в марксистском лагере. Для него «классовый» означало «почвенный», «интеллигенция» — мир старой, отрешенной кружковщины XIX века.

Молодое народничество социалистов-революционеров идейно ничего не приносит в сокровищницу заветов, хотя оказывается более чутким к веяниям культуры. Оно воскрешает в политической борьбе опыт Народной Воли, более грозный и действенный на фоне растущего движения масс. Террор дал нескольких героев с чертами христианского мученичества, но морально разложился еще скорее народовольства. Революция была уже делом, а не жертвоприношением. И потому авантюризм и провокация необычайно быстро убили жертвенную природу террора. Но народничество уже нашло путь к деревне, возделанной за

несколько десятилетий земским плугом; к 1905 году «смычка» интеллигенции с народом была уже совершившимся фактом.

Нельзя обойти молчанием еще одной силы, которая в эту эпоху вливалась в русскую интеллигенцию, усиливая ее денационализированную природу и энергию революционного напора. Эта сила — еврейство. Освобожденное духовно с 80-х годов из черты оседлости силой европейского «просвещения», оказавшись на грани иудаистической и христианской культуры, еврейство, подобно русской интеллигенции Петровской эпохи, максимально беспочвенно, интернационально по сознанию и необычайно активно, под давлением тысячелетнего пресса. Для него русская революция есть дело всеобщего освобождения. Его ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу же занимает в русской революции руководящее место. Идейно оно не вносит в нее ничего, хотя естественно тяготеет к интернационально-еврейскому марксизму. При оценке русской революции его можно было бы сбросить со счетов, но на моральный облик русского революционера оно наложило резкий и темный отпечаток.

К 1905 году все угнетенные народности царской России шлют в революцию свою молодежь, сообщая ей «имперский» характер.

Революция 1905 г. была уже народным, хотя и не очень глубоким, взрывом. И в удаче и в неудаче своей она оказалась гибельной для интеллигенции. Разгром революционной армии Столыпиным вызвал в ее рядах глубокую деморализацию. Она была уже не та, что в восьмидесятые годы: не пройдя аскетической школы, новое поколение переживало революцию не жертвенно, а стихийно. Оно отдавалось священному безумию, в котором испепелило себя. Крушение революции утопило тысячи революционеров в разврате. Лучшие впитывались творящейся русской культурой, слабые опускались, чтобы всплыть вместе с накипью русского дна в октябре 1917 г.

Я сказал, что интеллигенцию разлагала ее удача. После 17 октября 1905 г. перед ней уже не стояло мрачной твердыни самодержавия. Старый режим треснул, но вместе с ним и интегральная идея освобождения. За что бороться: за ответственное министерство? за всеобщее избирательное право? За эти вещи не умирают. Государственная Дума пародировала парламентаризм и отбивала, морально и эстетически, вкус к политике. И царская и оппозиционная Россия тонула в грязи коррупции и пошлости. Это была смерть политического идеализма.

И в те же самые годы мощно росла буржуазная Россия, строилась, развивала хозяйственные силы и вовлекала интеллигенцию в рациональное и европейское, и в то же время национальное и почвенное дело строительства новой России. Буржуазия крепла и дава-

ла кров и приют мощной русской культуре.

За восемь лет, протекших между 1906 г. и 1914 г., интеллигенция растаяла почти бесследно. Ее кумиры, ее журналы были отодвинуты в самый задний угол литературы и отданы на всеобщее посмешище. Сама она, не имея сил на отлучение, на ритуальную чистоту, раскрывает свои двери для всякого, кто снисходительно соглашается сесть за один стол с ней временным гостем. В ее рядах уже преобладают старики. Молодежь схлынула, вербующая сила ее идей ничтожна.

И, однако, изжито ли старое противоположение: «интеллигенция и народ»? Изменяя революции, интеллигенция забыла о народе. Что там?

Из столыпинской деревни доносится голос хулигана, но она уже шлет в город своих поэтов. В ней совершаются какие-то сдвиги, с которыми былая интеллигенция уже утратила связь. Тогда-то раздался голос часового на башне: Блок поднял брошенную тему «интеллигенция и народ» и указал на пропасть, все еще зияющую.

Война заглушила все голоса. В ней остатки интеллигенции утонули, принеся себя в жертву России, и в этой жертве утопили остатки революционной совести.

Действие пятое. КРЕМЛЬ

Есть взгляд, который делает большевизм самым последовательным выражением русской интеллигенции. Нет ничего более ошибочного. В большевизме, правда, доживает множество отдельных элементов русского радикального сознания... Но самая природа большевизма максимально противоположна русской интеллигенции: большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции.

Преодоление интеллигенции может совершаться и совершается многими путями. Если не говорить об органической национальной идее, которая в корне меняет тип «идейности», то почвой для оседания кочевой интеллигенции может быть всякое подлинное «дело». Для многих такой почвой была наука. Наука несет с собой традицию, всечеловеческую связь, — пусть не национальную, но все же историческую почву. Личность включается в цепь поколений, в определенном звене ее дело определяется уже не ею самой, а коллективным разумом. Но и всякое профессиональное дело, взятое, как призвание, с чувством личной ответственности, выводит из кочевого быта. Врач, инженер, поскольку они преданы своему делу, уже не интеллигенты или остаются интеллигентами в каком-то верхнем, безответственном плане сознания: на чердаке, куда сваливают всякую рухлядь. Деловитость и интеллигентность несовместимы.

Большевики — профессионалы революции, которые всегда смотрели на нее как на «дело», как смотрят на свое дело капиталистический купец и дипломат, вне вся-

кого морального отношения к нему, все подчиняя успеху.

Их почвой была созданная Лениным железная партия. Почва не Бог весть какая широкая — было время, когда вся партия могла поместиться на одном диване, — но зато страшно вязкая. Она поглощала человека без остатка, превращала его в гайку, винт, выбивала из него глаза, мозги, заполняя череп мозгом учителя, непомерно разросшегося, тысячерукого, но одноглазого. Создание этой партии, из такого дряблого материала, было одним из чудес русской жизни, свидетельством о каких-то огромных — пожалуй, тоже допетровских — социальных возможностях. Вся страстная за столетие скопившаяся политическая ненависть была сконденсирована в один ударный механизм, бьющий часто слепо — вождь одноглазый,— но с нечеловеческой силой.

И все же эта машина была почти стерта в порошок столыпинской каторгой и ссылкой, где получили свою последнюю шлифовку многие из нынешних государственных деятелей России. Было разрушено все, кроме традиции, кроме плана, чертежа (ведь здесь единство механическое, а не органическое), материала злобы и несломленной воли вождя.

Остальное сделала народная стихия, питательный бульон, который с микробиологической быстротой размножил «палочки» большевизма в революционной России.

Но эта Россия, этот народ — как понять его? С одной стороны, революция, медленно, но верно просачивающаяся в самую толщу масс, привила ему (еще с 1905 г.) основы интеллигентской веры... С другой, едва почувствовав себя хозяином жизни, народ принялся яростно истреблять интеллигенцию, наплевал на свободу и демократию, которые были ему предложены, и успокоился только в новом, едва ли не тяжелейшем рабстве, которое в России и поныне слывет под презрительной кличкой «свободы». В чем источник этого трагического недоразумения?

Я не пишу историю революции и не стану останавливаться на социальных основах классовой ненависти (ясно, что они восходят к неизжитому в России крепостному строю). Здесь меня интересует только народное сознание. К 1917 г. народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои. Интеллигенция может считать его своим — по недоразумению. Ее «идеи», т. е. положительное содержание ее евангелия, для народа пустой звук. Более того, предмет ненависти, как книга, шляпа (бей шляпу!), иностранная речь, как все, что разделяет, подчеркивает классовое расстояние: все атрибуты барства. В 1917 г. народ максимально беспочвен, но и максимально безидеен. Отсюда разинский разгул его стихии, особенно жестокий там, где он не сдерживается революционной диктатурой, — в Сибирской партизанщине.

Революция понеслась: в крови утоплена классовая злоба, народ

вернулся к земле, в труде, в хозяйстве найдя свою почву. Но в его сознании, на месте тысячелетних основ жизни, образовалась пустота. У крестьянской молодежи, у активных слоев она быстро заполняется примитивным материалистическим «просвещением». Разумеется, эта старая интеллигентская идея (в сущности, идея 60-х годов, освеженная марксистским модерном) теперь лишена всякого нравственного пафоса. Но она прекрасно уживается с мощной жаждой жизни, наживы, наслаждений, которой проникнута современная Россия. Повсюду, в городе, в деревне, в высших слоях еврейского нэпа, в разлагающемся коммунизме и в предприимчивой крестьянской молодежи царит один и тот же дух: накопления, американизма, самодовольства. Гибель коммунизма, можно думать, не только не остановит, но еще более подвинет этот рост буржуазного сознания. Интеллигентские «идеи» находят свою настоящую (не псевдоморфную, религиозную) почву: в новом мещанстве.

Тем самым вековое противостояние интеллигенции и народа оканчивается: западничество становится народным, отрыв от национальной почвы — национальным фактом. Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться. Теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса.

* *

КАК ПЕРЕПУТАЛИ ВОЛКА С ЗАЙЦЕМ?

Не утихают теоретические, законодательные и практические споры вокруг кооперации. Есть мощное международное кооперативное движение. Его цель — удовлетворение потребностей людей и отдельных предприятий с наименьшими затратами. Люди кооперируются, чтобы с помощью своих паевых взносов покупать более дешевые, но качественные товары, иметь лучшие условия сбыта своей продукции, наладить снабжение своего производства по прямым связям.

Кооперация во всем мире помогает уйти из-под власти коммерсантов-лавочников, крупных торговых фирм и предприятий. Кооперация — социальное благо для тех, кто объединился. Экономит средства, силы, время.

Кооперация и коммерция во всем мире — противоположности. Несовместимые, независимые. У нас же есть название, и только. Наши кооператоры — мелкие и средние закамуфлированные коммерческие предприниматели. И вот спорим: какого цвета заяц? А он вообще-то не заяц, он — серый волк, коммерческий хищник ранней стадии капитализма. К нему в компанию мы зачисляем и строительные кооперативы. Их всюду в мире называют мелкими предпринимательскими фирмами. Только «там» не воруют материалы, ибо могут их купить. Не халтурят, ибо заказов никто не даст. А здесь...

Между «волками» и «зайцами» кудахчут «куры, несущие золотые яйца» – научно-производственные кооперативы. И опять-таки это не кооперативы, а фактически известные нам понаслышке венчурные фирмы, «фирмы риска». Во главе их — изобретатели или инициативные люди, желающие довести идею до металла или дерева, наладить выпуск невиданной еще продукции, выбросить старую технологию и запустить безлюдную, например. И зреющий «гнев народный» против тех, кто клепает свои первые миллионы, вытаскивая гроши из тысяч кошельков, может смести и эти «кооперативы», без которых технический прогресс немыслим.

Коммерция и кооперация — две противоположности. Но противоположности дополняют друг друга. И, конечно, ничего хорошего не выйдет, если коммерсанты, предприниматели будут бороться с кооператорами. Если наш выбор все же социалистический, то на первом месте не может быть стремление к голой прибыли. И кооперацию должна дополнять коммерция, что не чуждо, скажем, настоящим венчурным фирмам.

Наш Закон о кооперации давно устарел, нужен новый с ориентацией на ценности, исповедуемые Международным кооперативным альянсом, и с учетом реального положения в стране. Но, усваивая мировой опыт, и собственный нельзя забывать. Промышленные, строительные, промысловые «кооперативы» очень похожи на артели. Почему бы их и не назвать артелями? А научно-производственные «кооперативы» есть собственно товарищества, также известные в истории нашей экономики.

Смутно сейчас и с критериями оценки работы кооператоров. Не спрашивают органы власти — что вы полезного сделали для города, области, для предприятий и населения, для экологии, а лишь заглядывают в кооперативный кошелек. Перекачивают кооперативные деньги, насколько хватает сил, в бюджет. Какая-то бессмысленная операция, если деньги эти не идут на пользу региону.

Говорят, что Центросоюз тоже объединяет кооператоров, но другого, более высокого свойства. Эта организация мощная, производит, торгует, скупает. Но она чисто коммерческая, и всегда такой была, конкурируя успешно на селе с другой коммерческой корпорацией — Минторгом СССР.

Гремит пустая бочка споров и разговоров. Шума много. Может быть, он нужен, чтобы отвлечь нас от реальных проблем: нет заинтересованности в труде, нет стимулов для НТП, новая техника только стоит дороже, попрежнему никому не нужны изобретения, не повышается качество продукции, не снижаются цены, идут на конвейерах экологически грязные изделия... Никто не перенимает японский опыт — давать продукцию точно в срок. Во всем мире главное, за что бьются, — ежегодное обновление продукции. А мы упираемся в прибыль да деньги. И до того откровенно, что и «капиталистам» неудобно. А какие жаркие идут у нас разговоры о рынке! Товаров нет, но рынок будет...

Н. КИЗУБ,
кандидат экономических наук, Полтава

ЗАПИСКИ ИЗ ЛАГЕРЯ

человека, которому так и не довелось стать брокером

М. М. ШЕРМАН,
исправительно-трудовая колония,
станция Иковка Курганской области

Сижу в колонии вот уже 10 лет (с небольшим перерывом). Устал сидеть, очень устал. Держусь только на воле и характере. Каждый день занимаюсь спортом. Это помогает и психологически, и физически.

Я и раньше не молчал, а теперь сам Бог велел мне высказаться. С раннего детства на собственной шкуре испытал гримасы советского строя. Где и с кем живу, мне объяснили еще в 1938 г., когда пятилетним ребенком мы вместе с мамой оказались в Лефортово — как семья врага народа. Шерман — эта фамилия во многом определила мою биографию. В Лигу защиты евреев обратиться, что ли? Хотя и там, пожалуй, не примут — «русский я по паспорту».

Второй раз меня засадили в 1949 г. — только исполнилось 16 лет — записав в приговор Ялтинского горсуда, что уже привлекался по ст. 58. В 1970 г. привлекли меня за коммерцию и внесли в приговор ту, детскую, судимость. Мои дела, которые в 1981 г. расценили как преступление, ныне таковыми не считаются. Что же мешает меня освободить? Да то, что я неоднократно судим. Выходит, рецидивист?

Послушайте же вынужденного рецидивиста и брокера, так и не дождавшегося своего часа. Начну с деятельности, за которую отбываю непомерно долгий срок.

ПОСРЕДНИК

В результате стихийного бедствия на Ново-Енисейском лесодеревообрабатывающем комбинате (ЛДК) сгорели товарный склад экспортной продукции, большое подъемно-транспортное хозяйство, силовые подстанции. Погибло огромное рентабельное хозяйство. Поставки пиломатериалов с комбината и взаиморасчеты с потребителями прекратились. Поступление денег на счет — тоже. Нужны были

люди, способные в кратчайший срок наладить материально-техническое снабжение.

Со стороны кажется: снабженец сел да поехал— приехал — договорился... Вот и колесят они по стране. А толку? Приедут, договорятся, пообещают им многое, даже бумаги подпишут. Уедут — и все. Дел на местах и без визитеров предостаточно, нюансов тоже хватает.

Скажем, плановые вагоны зэки загрузят по графику, а сверх нормы их работать не заставишь. Выполнили ее — и «гуляй братва от рубля и выше». А тут приезжий призывает: «Давай, ребята, ждут великие дела». Глазом не поведут, за красный флажок и даже за деньги работать не станут. У обездоленного свое горе и интересы. Знать надо этот народ и подход к нему иметь, тогда он горы свернет. Если сумеешь вписаться в жизнь поселка и комбината, заслужишь уважение, тогда только сможешь стать полноценным поставщиком-посредником. Мне это удалось, со всеми я ладил.

Ново-Енисейский ЛДК снабженцев приглашал из Талды-Кургана, Новосибирска, Омска. Из Кургана пригласили меня. В отличие от других я был частным предпринимателем, поскольку, имея первую группу инвалидности (онкология) без права трудоустройства, официально нигде не работал. Довольно быстро я нашел заказчиков — совхозы и колхозы, способные сразу платить зарплату рабочим на ЛДК за ликвидацию аварии и выпуск продукции для них. И дело на комбинате сдвинулось с мертвой точки.

В чем заключалась деятельность, за которую я осужден? В посредничестве: искал товары, материалы, оборудование, комплектующие, изготовителей, покупателей. В те времена, при отсутствии информационных служб и преследовании органами правопорядка, это было настоящим искусством. Сегодня на товарной бирже я стал бы брокером. Заинтересованные стороны связывал прямыми хозяйственными договорами: заводы — с ЛДК, ЛДК — с сельхозпредприятиями, совхозами и колхозами. Фондовая дисциплина не нарушалась, потому что все обмены и сделки производились за счет некондиций, сверхнормативных, сверфондовых «залежей», огромных средств в отвалах, на свалках, складах. Некондиционные пиломатериалы я находил и поставлял по прямому обмену оптом.

Обо всем, что удалось сделать, не расскажешь, приведу лишь некоторые примеры.

В стране остро не хватает контейнеров для перевозки продукции, а те, что есть, нередко простаивают в ожидании ремонта. Для него нужны лесоматериалы. Где их взять? Леса в стране много, но поди его возьми...

Растет в Приангарье ценнейшая сосна — тонкослойная, смолистая, влагостойкая. Пиломатериалы из нее идут на экспорт. Каждая доска строго выдерживается по размерам, количеству и диаметру сучков. Остальное уходит в пониженную сортность или некондицию и сжигается на свалке. А ведь это замечательный лесоматериал, остро необходимый в народном хозяйстве (хотя бы как черновая бытовая заготовка, раньше она стоила 19 руб. за кубометр). Руководителям Ново-Енисейского ЛДК и ЛДК-2 Лесосибирска Красноярского края удалось добиться разрешения крайисполкома продавать эту некондицию на сторону. Эта заготовка была очень выгодна заводам и совхозам: ведь первый сорт обходился 90—120 руб. за кубометр.

Не хватало не только лесоматериалов, но и троса, катаной мягкой проволоки для увязки платформ и вагонов с лесопродукцией. В октябре 1980 г. этим специально занимался куратор ЦК КПСС А. П. Кириленко. Я организовал доставку с ЛДК на Магнитогорский металлургический комбинат 20 вагонов некондиционной доски для ремонта железнодорожных платформ — в октябре 1980 г. их там простаивало до 20 тыс. в сутки. Конечно, те 2—2,5 тыс. кубометров леса проблемы не решили, но я подсказал временный выход из положения, что в конечном счете помогло комбинату исправить положение с ремонтом вагонов и платформ для доставки руды, шихты, доменного сырья и топлива.

Что я имел от этого? Кредит делового доверия на комбинате, который по моей просьбе отгружал, куда я указывал в документах, катанку. Трос брал я и на Белорецком металлургическом комбинате (Башкирия), отгружая туда в счет взаиморасчетов черновую бытовую заготовку для барабанов под трос.

Кстати, А. П. Кириленко сказал, что моя инициатива заслуживает внимания и рекомендовал поддерживать прямые хозяйственные связи. Забегая вперед, скажу, что в приговоре указано на «преступные поставки» на ЛДК катанки, а о высоком покровительстве умалчивается.

Кроме катанки, я организовывал поставки труб и металла из Челябинска, полиэтилена и электромонтажных изде-

лий из Кургана, ЗИЛ-130, К-700 — из совхозов в аренду на ЛДК. На все заводы и в совхозы отправлялись с ЛДК низкосортные лесоматериалы. По неофициальному тарифу ЗИЛ-130 «стоил» 1500—2000 кубометров пиломатериалов 4—5-го сорта; 2000 кубометров — 40 железнодорожных крытых вагонов т. д. Все были довольны, всем было выгодно. Бартерный обмен. Без взяток.

ОТ РЕДАКТОРА

На ВСЕСОЮЗНОЙ ТОВАРНОЙ БИРЖЕ АПК (Рязань) в марте 1991 г. один вагон пиловочника оценивался в 3 т мяса; 20 т мяса — УАЗ, ВАЗ, «Нива» или пятитонный автокран; трактор Т-40 — 100 шин (220x580); цистерна бензина — 5 вагонов шифера; «Москвич-ИЖ» — 2—3 вагона слоеной фанеры; вагон рубероида — 3 вагона пиловочника. (*Коммерсант 9.91*).

•

ПО-ПРЕЖНЕМУ ВСЕ ЗЫБКО В НАШЕМ ГОСУДАРСТВЕ.

В 1990 г. взаимные поставки продукции по бартеру оценивались в 2,6 млрд инвалютных рублей, экспорт превысил импорт в 1,9 раза, при этом в уплату за импортируемые из капиталистических стран товары отечественные предприятия и организации экспортировали продукции и сырья в 4,2 раза больше. На 1991 г. правительство наложило запрет на бартерные сделки для всех, кроме предприятий Минторга, Центросоюза и Госснаба!

Премьер В. С. Павлов: «Бартерные сделки — это грабеж страны, жульничество, попытка обойти налоговое законодательство, положить в карман деньги, которые тебе не принадлежат». Главный специалист ГВК Ю. Чубаров: «Недостаток бартера, осуществляемого обычно в обход банков, в том, что вся выручка от него остается у предприятий и не достается бюджету» .

(Известия 1.06.91).

Я самостоятельно оформлял все юридически правомочные договоры на взаимообмены и котрагентские поставки между заводами и ЛДК. Проблем и здесь масса. Обычно готовят документы десятки служащих из разных учреждений. Если же поставки децентрализованные, никто просто так работать не будет. Тебе нужно — ты и трудись. Делал все сам (фирм посреднических не было), более того — нелегально, поскольку работы неплановые, бесфондовые, а действовал я как частное, неофициальное лицо. Из-за моей инвалидности без права трудоустройства кадровики не могли принять меня на работу ни на ЛДК, ни в совхоз. Таким образом, я был лишен возможности по закону за-

ключать трудовые соглашения на погрузку, использование и наем транспорта.

Ездил из Лесосибирска в Красноярск, в управление объединения «Красноярскэкспортлес», где сам выписывал целевые наряды на пиломатерилы 4—5-го сортов на конкретного получателя, с поквартальной отгрузкой. После чего возвращался с нарядами в Лесосибирск (это 400 км) на ЛДК. Вообще-то оформление таких нарядов — обязанность заместителя директора ЛДК, но делал он это один-два раза в месяц. Ждать его я не мог: терялось золотое время, да и накладно это. Мне на ЛДК полностью доверяли. Получив наряды, комбинаты сразу отправляли продукцию. Я опережал всех со своей оперативностью. Меня потом спрашивали с удивлением: как я умудрялся один работать за целое управление со штатом в 200 человек?

Опять же, поскольку поставки были неплановыми, подвижной состав и погрузо-разгрузочные работы тоже были неплановыми, не по графику. Это сильно осложняло мою работу, приходилось и железнодорожникам кое-что поставлять.

Известно, что своевременная поставка груза увеличивает оборачиваемость оборотных средств, давая ощутимую прибыль предприятию. Этим и ценен обеспечивший ее посредник — важно не только собрать многочисленные документы, но и своевременно дать им ход. Иначе отправленный груз будет долго «гулять» или простаивать на станции.

Чтобы вовремя обеспечить подачу вагонов со станции Абалаково в Лесосибирск на ЛДК под погрузку, я на своей «Ниве» накручивал в месяц по 20 тыс. км. Оформлю документы в грузовой службе станции — и на грузовую площадку (только в один конец 60 км, в день приходилось по 2—3 раза одолевать их). Вот где глаз да глаз нужен, чтобы груз строго соответствовал документам и вагон загружался полностью. А совхоз заказывает, к примеру, 15 кубометров шалевки, 10 — «двадцатипятки», 20— «тридцатки» и т.п. Грузят заключенные и сезонные рабочие, не доглядишь — набросают палок и гнилья. Однажды так и получилось, из 20 вагонов два загрузили барахлом. Пришлось, заглаживая вину, отгрузить «сверху» три вагона качественных пиломатериалов. Словом, везде нужен личный контроль, тогда дело идет нормально.

Когда груз отправлялся в путь, я спешил на телеграф, отбивал телеграммы с номерами вагонов получателям, ко-

торые от станции назначения нередко находились на расстоянии 700 км, и торопил их с оплатой на «инкассо». В городе станция, телеграф, комбинат — под рукой. А в тайге и казахстанской степи переезды от одного к другому занимают часы, а то и сутки. Учтите к тому же бездорожье с риском для жизни: пади, топи, болота, осыпи, зверье, мошкара, а зимой мороз до 50 градусов. Да и расходы немалые на ремонт, резину, бензин, масло, питание, проживание, подарки, водку... Так уж в нашей стране устроено.

Как относились к оплате таких расходов мои «заказчики»? Неоднозначно. В 1980 г. заехали как-то ко мне домой директор Боготольского леспромхоза и директор домостроительного комбината из Богучан Красноярского края — Рабинович, кажется. У каждого что-то свое, но упирающееся в снабжение. Просят меня помочь. «Оплатите все мои затраты на бензин, ремонт после прогона по вашим делам и т. п.? — спрашиваю. — Ведь лес в бензобак не зальешь». Первый директор согласился, мы с ним быстро договорились.

А Рабинович говорит: «Вот сижу я на столе (сел на журнальный столик), мне идет 300 рэ, сижу в кресле (пересел в кресло) — опять платят 300. Ничего в моей жизни не меняется и сплю спокойно». Я ему: «Вот и спи, и получай свои 300. Но дело-то стоит, а поставленное вне плана заграничное оборудование, которое обошлось в 7 млн руб., ржавеет. Тебе за «здорово живешь» Нижний Тагил не отгрузит котлы и обвязку, Курган — арматуру, Челябинск — трубы. А без дополнительной котельной новый цех ДВП ты не пустишь. Думай, какие затраты еще понесешь.., кроме того, что уже ушло за рубеж».

Дело в том, что «Техмашимпорт» закупил в Финляндии оборудование, которое на комбинат поступило с задержкой на два года. Выплатили штаф и... складировали его до лучших времен. А что делать, если строительства котельной в плане нет? Без фондирования все нужно доставать самим. Ткнулись туда-сюда — безрезультатно. Вот и обратился директор к «доставале», частному посреднику. А оплачивать затраты боялся. Ведь открытых возможностей для таких нужд у предприятия нет, зато есть ст.93-1 УК РСФСР — от 8 до 15 лет и выше. Сделка наша не состоялась. Как Рабинович извернулся, не знаю. А ведь «хозяйская инициатива — прибыль» — это уже рынок. В рыночных условиях «так 300 руб. и эдак 300» уже не пройдет, и руководители— «руками разводители» окажутся не ко двору.

Несколько слов о соотношении затрат и результатов. Прибыль сельхозпредприятий от моих посреднических услуг, по прикидкам, исчислялась десятками миллионов. Сколько всего построено, сколько продукции по сей день дают созданные или по крайней мере не загубленные тогда объекты! А истрачено на «это» 92 тыс. руб. Кстати, справки об экономическом эффекте моей деятельности выдал только один ЛДК (на сумму свыше 2 млн руб.), а колхозы и совхозы побоялись. Воистину из всех человеческих чувств страх у многих — важнейшее. Он надолго заменил ум и совесть, став чуть ли не основной «продукцией» в нашей стране. «Успешно» потрудились ягоды, ежовы, берии... Гражданское шельмование, унижение, беззащитность человека, его обреченность — все это страх.

К сожалению, бухгалтерско-экономические экспертиза по делу не проводилась. Как же в таком случае можно судить за хищение? Если провести ее как положено, то за проделанный объем работы, честное слово, мне должны были бы еще и доплатить государственные чиновники, которые норовят пользоваться чужим трудом бесплатно, да еще и наказать человека за инициативу, посадить в тюрьму. Это и есть психология рабовладельцев.

ПРЕСТУПНИК?

Итак, я связывал заинтересованные предприятия напрямую, организуя взаимовыгодный обмен. Об этом прекрасно знали партийные и советские организации, а некоторые секретари РКП сами принимали участие в моей деятельности. Многие одобряли, уполномочивали, получали, строили... Кого же и какая оса укусила потом? Как только сменилось руководство обкома в Кустанае, закрутилась «веревка» над моей головой. Прекрасно поставленная работа была погублена.

В марте 1981 г. был смещен первый секретарь Кустанайского обкома партии А. М. Бородин, в течение 26 лет заправлявший экономикой области. Он меня когда-то пригласил и благословил на материально-техническое снабжение в области. Его место занял карьерист и завистник из соседней, Петропавловской, области В. С. Демиденко, который немедленно начал наводить свои порядки — у Бородина, мол, все делалось преступно. С его подачи были арестованы и осуждены директор камвольно-суконного комбината Б. К. Запот-

ный, директор колхоза «Красный партизан» Л. И. Переверзев и др. Он сломал все теплицы в городе, запретил продавать выращенные овощи. Как же — спекуляция!

В то время прокатился вал уголовных процессов — не только в Кустанае, но и Новосибирске, Омске, Красноярске, Иркутске, Саранске. Что послужило причиной? На ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев призвал руководителей предприятий, совхозов и колхозов проявлять самостоятельность и инициативу. Вот и проявили... А спустя три года, на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС был поставлен вопрос «О восстановлении народного хозяйства». И пошли мужики по этапу, в зоны. Но о первопричине сейчас все помалкивают. Впрочем, «выгодное» умолчание и ложь были характерны для руководителей страны всегда, и сейчас тоже. Потому что не те они, за кого себя выдают...

23 апреля 1981 г. меня арестовали в Кургане после приезда из Лесосибирска, откуда я успел отправить в Кустанайскую и Тургайскую области около 30 вагонов пиломатериалов. После моего ареста поставки лесопродукции сразу прекратились, так как органы УВД изъяли у лесокомбинатов отгрузочные, сопроводительные и финансовые документы, хотя не имели на то права. Вместо заказанной продукции ЛДК были вынуждены высылать справки о том, что поставки возобновятся лишь после возвращения из УВД отгрузочных документов. Но документы так и не вернули, нанеся тем колхозам и совхозам значительные убытки. Зато в приговоре меня обвинили в недогрузе. А там, где продукция успела поступить на место согласно договорам, меня опять же обвинили, но уже в противозаконных поставках лесопродукции!

Арестовав меня по приказу Кустанайского обкома партии, следственные органы стали выявлять соучастников. Ими оказались ни много ни мало 16 сельхозпредприятий. Арестовали 16 директоров совхозов, 16 главбухов, 32 прораба, а также по 16 экономистов, кассиров, завскладами, главных инженеров, и многих поставщиков: директоров, главных инженеров, финансовых работников, начальников отделов сбыта и снабжения.

Следственные отделы УВД, ОБХСС Курганской, Кустанайской и Тургайской областей схватились за голову: заведенное в Кустанае дело явно выходило из-под их контроля, по масштабу его нужно было передавать для расследова-

ния в Москву. Такой размах мог выйти «боком» его инициатору — В. С. Демиденко. Потому от него последовало указание: директоров совхозов, председателей колхозов, главных бухгалтеров не трогать, ограничиться Шерманом. Но тут закавыка — в моей инвалидности. Как меня привлечь, не рискуя еще больше высветить причастность к моим действиям партийных, хозяйственных и советских властей? Значит, надо сделать из меня мошенника: дескать, обманывал, вводил в заблуждение директоров, вступал в преступный сговор. Но судить все же одного.

И пошло-поехало: крутили, лепили с законами и допросами, со свидетелями и протоколами — ничего не получается. Если судить Шермана как посредника, надо директоров и прочих привлекать. Ведь все эти липовые документы на оплату «мертвых душ» (вальщиков леса), на которые списывались расходы на разъезды, написаны не моей рукой.

На описание бесчисленных неувязок и безобразий следствия потребуется не один десяток страниц. Это предмет особого разговора. Скажу только, что 25 декабря 1981 г. меня выпустили из-под стражи, взяв подписку о невыезде, чтобы 29 мая 1983 г. после длительного лечения (38 операций) снова взять под стражу. И вот суд, приговор: вводил директоров в заблуждение, иногда вступал в сговор на предмет хищения, хищение в особо крупных размерах налицо, да и сам Шерман показывает, что присвоил 12 тыс. руб. Но приговор не разъяснил, что эти деньги я брал в качестве оплаты за посреднические услуги: за 22 месяца изнурительного труда без выходных, праздников, не выпуская «баранки» из рук, получил 12 тыс., или 545 руб. в месяц. За это и судят. Дикая страна. Много в ней тени и мало света.

ОТ РЕДАКТОРА

В апреле 1991 г. наши газеты сообщили об официальном признании — регистрации Октябрьским райисполкомом Москвы Клуба молодых миллионеров. Три его члена, которые сочли выгодным обнародовать свои имена, — состоявшиеся (в отличие от М. М. Шермана) биржевики: два совладельца биржи строительных материалов «Алиса» и руководитель одноименной брокерской конторы. Членство в клубе обусловлено возрастным и имущественным цензом: не старше 35 лет, не меньше миллиона (при этом только годовой взнос в клуб — 1 млн руб.). Воистину иные времена — иные нравы... А сколько отечественных миллионеров не желают играть в игры с официальными клубами и остаются за кадром?

ИЗ ТЕНИ НА СВЕТ

Выскажу свое мнение по поводу ситуации в стране, прекрасно понимая, что многие с ним не согласятся.

Казалось бы, хочешь жить — уважай другого, смотри в свой карман, а в чужой без разрешения не лезь. Но государство до сих пор ведет счет деньгам в чужом кармане. Смотрит не на полезный многотысячный исход той или иной деятельности, а кто сколько взял, дабы посадить. Когда инициативные люди покупают дешевле, а продают дороже — это нормальный, «природный» финансовый оборот, а не спекуляция. Ну нет, уважаемые, в мире других механизмов эффективного распределения ресурсов!

Само же государство за границей покупает товары и продукты по низкой цене, а продает по очень высокой, экономически необоснованной. Производителям платит одни цены за товар, а народу продает втридорога. Почему такой подход не называется спекуляцией? В нашей стране тоже все продается и покупается, но завуалированно, а лучше бы — открыто. Почему Госкомцен продолжает определять стоимость жизни народа по принципу «пол-потолок», а не из реальных затрат? Все делается в угоду правительству и государственной казне.

Государство назвало предприятия хозрасчетными, но свободы расходовать деньги по хозяйственным расчетам им не предоставило. Движение средств по-прежнему определяют только «верхи». Чтобы взять деньги из кассы предприятия для его же нужд, директор и главный бухгалтер нередко вынуждены прибегать к финансовым махинациям. Несанкционированная сверху финансовая и хозяйственная самостоятельность предприятия рассматривается как обман государства, нанесение ему «имущественного ущерба», а руководители предприятия квалифицируются как преступники. Если они «извлекли из владений государства» до 1000 руб., то могут отделаться административным наказанием за злоупотребление служебным положением (ст.170 УК РСФСР), а ежели свыше — следует уголовное наказание, тяжесть которого зависит от величины «ущерба, причиненного государству».

Обратите внимание: привлекая человека за хозяйственную деятельность, суды, следствие и правосудие экономическую сторону содеянного не берут в расчет, более того — ее просто игнорируют.

Строя «самовольно» в совхозе жизненно важный объект, распорядители кредитов и исполнители-работники попадают в ловушку, заранее (!) расставленную многочисленными постановлениями, инструкциями и Уголовно-процессуальным кодексом. Финансовые расходы при этом считаются хищением...

Все 73 года советской власти законы охраняли монополию государства на хозяйственную деятельность, только бы не допустить экономической свободы производителей. В хозяйственное право изначально и преднамеренно заложен антихозяйственный смысл. Хорошо бы укоротить руки Министерству финансов в регламентировании финансово-хозяйственной деятельности предприятий. Пора наконец понять, что куплю-продажу никогда не заменить самой идеальной системой централизованного материально-технического снабжения. На любой случай экономических взаимоотношений инструкцию не издашь, всего на свете не предугадаешь.

Посягательство на власть в нашей стране — самое страшное преступление. Редко кому из тех, кто осмелился пойти против аппарата насилия и взять экономику в свои хозяйские руки, удалось уйти от тюрьмы. По Цензу 1932 г. это называлось «экономической диверсией» и каралось вплоть до расстрела. Да и до последнего времени за добротную предпринимательскую деятельность весомый срок давали: до 15 лет лишения свободы. Слава Богу, хоть не «вышку».

Все, кто проявлял самостоятельность и активность (будь то ученый или производственник), подлежали осуждению, изоляции, а то и уничтожению. Всем памятна судьба Худенко, Хинта, воркутинских строителей, изобретателя универсального патрона Моисеева, печорских золотоискателей. Моя показательна не менее. Да мало ли тех, кто отнюдь не хапуги, а настоящие деловые люди. Кто нас называет мафией? «Овцы», порождение 1917 года. Персональные пенсионеры, которые кормятся с барского стола. И им плевать, что сосед живет на рубль в день.

Нет, далеко не всеми нами управляет страсть к наживе. Хотя производная от наживы — это в конце концов рост количества и качества товаров и услуг. В этом жизнь. «Деньги—товар—деньги» — на этом стоял и стоит капитал-накопление. Но не пытайтесь к данной теории привязывать тоталитарное планово-распорядительное хозяйство.

И нужно откровенно признать: в условиях частной собственности появятся миллионеры. Ну и что? Уместно вспомнить, с чего начинали Форд в Америке, Морозов, Демидов и Шатров в России. Индивидуальный капитал — это же личное дело.

Сегодня важнее и нужнее очередного гонения или экспроприации экспроприаторов возрождение частной собственности и становление рыночной экономики. Причем нынешних 400 тыс. кооперативных предприятий явно недостаточно, чтобы появились конкуренция и продукция в досточном количестве, а значит, исчезла почва для процветания спекуляции. Самостоятельные товаропроизводители должны исчисляться десятками миллионов.

И еще. На рыночные отношения нам не перейти, если КПСС и дальше будет «строить социализм», адаптируясь к новым условиям. Оставаясь сильной, она не даст развиваться частнопредпринимательскому делу. К примеру, КПСС настраивает народ на местах против кооператоров, при этом не обеспечив им материально-техническое снабжение и обложив смертельными налогами. Тем самым толкают кооператоров на повышение цен: расходы-то надо возмещать. Партаппаратчики поступают так, чтобы было основание заявить: дескать, не готов еще народ к демократическому самостоятельному правлению, культура не та. Разрешили кооперативную деятельность — расцвела спекуляция. Кооператоры за горло народ хватают! Хапуги! Разрешили аренду — не пошла, пятый год не могут арендаторы накормить народ. Разрешили частную собственность на землю — не получилось, не умеют работать, раскрестьянились. Да и не тем земля достается. Поспешили: ушла партия от руководства, а новый механизм управления не создали, хозяйственные связи рушатся, производство сворачивается. Давайте-ка повернем назад!

А Президент что? С одной стороны — народ, с другой — если армию и КГБ потеряет, как править? Знал бы, что выйдет такой хаос, и переделку не начал бы. На месте стоит: куда повернуть, где лучше? Бог его знает, где. На местах начальники, видя это, саботируют. Отвернуть им головы? Но там обкомы, парткомы, а он же — их Генеральный секретарь. Опять же республики самостоятельности захотели...

В нашей стране никто не знает, как управлять переходом к рынку. Этот смелый процесс требует решительных поступательных действий. Пока же мы топчемся на месте.

Популизм, болтовня. Много критических стрел выпущено в адрес командно-административной системы. А дела мало. Да и народу уже все безразлично. Он не верит ни во что, потому что смотрит на перестройку через призму пустых прилавков при баснословных ценах.

Что касается теневой экономики, то это одна из форм свободного рынка. Я бы назвал ее «смазкой» централизованных планово-хозяйственных отношений. Убери ее — экономика «встанет» окончательно. Беда теневиков, по-моему, в том, что прибыль, получаемая в результате их деятельности, уплывает от главного эксплуататора — государства и не работает «на расширение производства и повышение производительности труда». А деньги, изъятые из контролируемой Минфином сферы обращения, называют «черными», потому что монополисты-министры не могут запустить их туда, куда бы им хотелось.

Уместнее не бороться с теневой экономикой всеми силами, а легализовать ее, отменить уголовное преследование за коммерческое посредничество и частнопредпринимательскую деятельность. Хватит гноить инициативных умных людей в тюрьмах. Это слишком дорогое удовольствие для страны.

Судя по эксплуатации нашего народа государством, тщательно маскируемой различными лозунгами, флажками-обманом, вместо честного и полновесного расчета с работниками (как в цивилизованных странах), только в СССР привлекают к уголовной ответственности за коммерческую и частнопредпринимательскую деятельность.

Не понимаю, как правительство может браться за рынок, за новое для него дело, заведомо не веря в людей, которые занимались им задолго до сегодняшнего дня, посягнув на монополию власти государства. Нас оболгали, назвали мошенниками, теневиками, запихнули в темный угол жизни, в тюрьму, и там забыли. В менеджерстве наша жизнь, натура, генотип, наконец.

И все же я верю, что наступает преддверие большой рыночной экономики. Настоящие коммерсанты будут в цене. Оказался бы полезен и я. Как делу, так, откровенно говоря, и себе. Но все должно быть по закону, чтобы не требовалось ничего ни от кого прятать.

Более девяти лет мой адвокат В. И. Воронов писал во все инстанции просьбы о пересмотре дела. Но тщетно. Я был готов к тому, что откажут. А сейчас нутром чувствую — получится...

ЕСЛИ ЗА БРОКЕРСКОЕ МЕСТО ПЛАТЯТ МИЛЛИОН, ЗНАЧИТ, ЭТО ВЫГОДНО

Интервью брокера Российской товарно-сырьевой и Московской центральной фондовой бирж А. А. ДЕРЯБИНА

Иные времена — иные нравы

— Александр Анатольевич, мой вопрос покажется наивным, но все-таки: для чего нужна товарная биржа?

— Желая продать товар, вы заинтересованы найти покупателя, который даст наиболее высокую цену. Хорошо, если вы знаете, скажем, всех потенциальных московских покупателей и устраиваете между ними аукцион. Отлично, если известны все возможные покупатели в стране, не говоря уже о мире. Вероятность получить максимальную цену существенно возрастает на каждом этаже.

Продавцы и покупатели издавна встречаются на ярмарках. Но на них нужно свозить товар, а это накладно. Практика выработала иной инструмент — биржу. Продавцы дают задание брокеру (посреднику, маклеру) продать определенное количество товара по определенной цене, а покупатели соответственно купить. Брокер выбирает того, кто дает самую высокую цену.

ОТ РЕДАКТОРА

Биржа	Цена брокерского места	Абонентская плата за брокерские услуги	Комиссионный сбор, % от суммы сделки в пользу биржи
Российская товарно-сырьевая	150 тыс. руб. или 60 тыс. дол.	50 тыс. руб. в год	0,2
Московская товарная	50 тыс. руб.	—	При сделке до 100 тыс. руб. — 1,2%, свыше 1 млн руб. — 0,6%
Пермская товарная	75% от стоимости акции	По соглашению	Пока не установлен
Воркутинская товарная	10 тыс. руб.	% от сделки	0,5—5 с ростом суммы сделки % уменьшается, платит и продавец, и покупатель
Петрозаводская товарная	25 тыс. руб.	Установленная зарплата от биржи	При сделке до 100 тыс. руб. — 1,6, свыше 1 млн руб.—0,6

Всесоюзная товарная АПК	—	15% от комиссионных	От 0 до 4% взимается с покупателя
Тюменская товарно-фондовая	500—550 тыс. руб. или 100—110 тыс. дол. (начальная цена на аукционе)		

Коммерсантъ 9.91 и 19.91

По оценкам экспертов, брокерское место на Московской центральной фондовой бирже стоит 1,5 млн руб. К концу мая цена брокерского места на Российской товарно-сырьевой бирже выросла до 400 тыс. руб.

— Если все продавцы-производители будут стремиться получить максимальные цены, не станет ли тогда повышаться общий их уровень? То есть не будет ли биржа способствовать накручиванию инфляции?

— Парадокс в том, что, добиваясь максимально возможной цены для продавца, биржа в конечном счете способствует снижению издержек производства, а затем и цен. Действительно, любой ресурс можно использовать с разной эффективностью. Так, станок может эксплуатироваться и час в неделю, и три смены, производить остродефицитные запчасти для комбайнов или болты, которых и так избыток. В идеале его должен приобрести тот, кто способен добиться максимальной эффективности. При фиксированной цене такое возможно лишь случайно. Иное дело, когда цены свободны. Высокая цена по карману тому, кто уверен в окупаемости начальных затрат. Следовательно, биржа способствует наилучшему распределению ресурсов, чего безуспешно пытались добиться Госплан, Госснаб и Госкомцен. Из-за неэффективного использования оборудования возникают огромные потери, ведущие к росту цен.

— Но покупатели-то вынуждены платить максимальную цену?

— Отнюдь. Брокер ищет того, кто согласится продать товар по минимальной цене. Однако это не означает, что одни покупают по высоким ценам, а другим удается приобрести по дешевке. На бирже конкурируют «медведи», которые хотели бы снизить цену, и «буйволы» или «быки», стремящиеся их поднять. В результате множества сделок цена на товар выравнивается, объективизируется.

ОТ РЕДАКТОРА

Вилка «Цена продавца — цена покупателя» на Российской товарно-сырьевой бирже в феврале-марте 1991 г., руб.

Товар		Цена покупателя	Цена продавца
Кирпич красный	тыс.шт.	550—600	780—800
Цемент	т	39—110	170—300
Линолеум утепл.	кв. м	7,6—10	35
Доска 25—50 мм	куб. м	150	700
Пиловочник хвойных пород	куб. м	200—300	310—350
Бумага офсетная	т	2,5—10 тыс.	12—17 тыс.
Битум	т	150	150
Щебень	куб. м	20	20

Рынок 5.91

На западных товарных биржах цены спроса и предложения различаются лишь на десятые доли процента.

— На ярмарках разницу в качестве товаров легко обнаружить, поскольку они тут же, под рукой. А на бирже приходится покупать кота в мешке?

— На наших биржах так оно и есть. Продается все, что предлагается к продаже, и в любом количестве, без какой-либо стандартизации. Думаю, это проблема роста, ведь нашим биржам всего год от роду. На зарубежных биржах продаются и покупаются лишь товары, отвечающие определенным стандартам. Качество не меняется от партии к партии. В последнюю входит заранее заданное количество товара, скажем, сырья и материалов — по 100 т. Не говорят, что продают 10 тыс. т нефти, а просто предлагают 100 ее партий.

— Допустим, кто-то вздумал скупать определенный товар в значительных количествах, создать дефицит и перепродать его по монопольно высокой цене...

— Известно немало подобных крупных афер, но они кончались финансовым крахом их авторов. Так, наследник миллиардера Ханта из Техаса попытался скупить все серебро в мире и был близок к цели. Цена на серебро поднялась в 3—4 раза. Тем не менее ему не удалось добиться успеха, и он потерял миллиарды. Иное дело — менее значительные масштабы. Для нормального функционирования биржи не только возможно, но даже необходимо, чтобы продавцы и покупатели играли на повышение или понижение цен и с этой целью скупали и продавали товар.

— Но ведь это спекуляция?

— Безусловно, спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров с целью получения дохода. Но биржевая спекуляция позволяет установить объективную цену. К примеру, вы продаете партию своего товара по 10 руб. за штуку. Кто-то, решив, что этот товар можно реализовать по 11 руб., скупает его у вас. Но удастся ли ему перепродать дороже — бабушка надвое сказала. Если продаст не за 11 руб., а хотя бы за 10,1 руб., в следующий раз (через неделю, день или даже час) вы меньше чем за 10,1 руб. свой товар не продадите.

— Где спекуляция — там нажива, пострадавшие и наживающиеся. Спекулянты наживаются на дефиците, на нас. Биржа тоже будет выкачивать из населения деньги?

— В биржевой игре действительно есть и приобретающие, и теряющие. Но населения это непосредственно не касается, как не касаются выигрыши и проигрыши тех, кто любит играть, например, в преферанс. Однако в отличие от преферанса биржевая игра дает важный результат — объективные цены. Она может принести серьезный выигрыш, но выигрывает тот, кто лучше других знает коньюнктуру рынка, динамику производства, размер запасов и т. д. Просто же желающий сыграть обязательно проиграет. Дилетанту на бирже нечего делать.

— А брокеров тоже не касаются выигрыши и проигрыши на бирже?

— Брокер работает по поручению клиентов. Он не вправе покупать и продавать за свой счет. От него требуются не только профессионализм, но и честность, порядочность. Иначе ему не будут давать поручений, да и биржа без этого не может существовать. Не вина брокера, если клиент настаивает на ошибочной линии в биржевой игре и в конечном счете проигрывает. У брокеров до последнего времени не было ни выигрышей, ни проигрышей.

ОТ РЕДАКТОРА

Правила Московской товарной биржи разрешают брокерам заключать сделки для покупки и продажи товаров от имени своих клиентов или за свой собственный счет. Все цены на товары устанавливаются соглашениями между брокерами в товарной секции. Биржа не должна манипулировать ценами или контролировать их. *Рынок 2.91*

*

Российская товарно-сырьевая биржа с 27 мая 1991 г. впервые в советской биржевой практике ввела сделки с премией (опцион — плательщик премии может и отказаться выполнять обязательство по контракту в ого-

воренный срок), которые позволяют брокерам играть на повышение или понижение цен. До этого новшества брокер за определенное вознаграждение выступал лишь представителем клиента-продавца или клиента-покупателя. Риск от колебаний цен лежал на клиенте. Теперь последний может переложить его на брокера, который становится участником операции.

Коммерсантъ 9.91

— Вас послушать, так биржа и биржевая игра — дело невинно чистое и даже благородное. Свежо предание, да верится с трудом.

— Я говорил о сути биржи и ее роли в экономике. Реальность на бирже и особенно вокруг нее иная. В первое время неизбежны просто отвратительные явления и факты. Бирж в подлинном смысле еще нет, а аферисты уже работают в полную мощь, нещадно эксплуатируя порочные инстинкты публики, ее легковерие в «сверхвыгодные» перспективы, наживаясь на обмане и циничной лжи. Не сомневаюсь, что в недалеком будущем мы станем свидетелями разоблачения скандальных афер на сотни миллионов рублей. Не желая стать их жертвой, обращайтесь только в ту брокерскую контору, которой доверяете.

— Все мы понимаем, что доходы биржи и брокеров зависят от общего оборота, количества и стоимости осуществленных с их помощью сделок. И, видимо, составляют коммерческую тайну. Но все же не могу сдержать любопытства... Расскажите хотя бы об их порядке и источниках.

— Я знаю брокеров (правда, это главы брокерских контор), которые за три месяца окупили плату, внесенную за брокерское место, имея доходы в 100—120 тыс. руб. в месяц. А рядовой брокер «сидит» на окладе (в пределах 1000 руб.). Кроме того, он имеет процент (5—10%) от дохода, который приносит конторе. Оклад и процент устанавливаются по взаимному соглашению в зависимости от деловых качеств человека. Но и это еще не все. Если брокер сумеет продать товар выше оговоренной с клиентом цены (или купить ниже), то он вправе рассчитывать на комиссионые до 50% от разницы.

ОТ РЕДАКТОРА

В соответствии с Правилами Московской товарной биржи, клиент должен перевести на банковский счет брокера гарантийный взнос, составляющий не менее 3% оценочной стоимости товаров, реализуемых через биржу. Точный процент согласовывается между клиентом и брокером.

Конечно, доход в сравнении со средней зарплатой довольно велик, но не забывайте, что брокерская работа каторжная. Во всем мире в брокеры идут толковые молодые люди с хорошим образованием и обязательно — с крепким здоровьем. Они должны иметь мощные голосовые связки, способные выдержать громкий крик в течение нескольких часов. К 35 годам брокер превращается в развалину, слишком велики нервные и физические нагрузки. Лишь единицы продолжают работать до 40—45 лет.

— С товарными биржами стало яснее. Теперь поговорим о фондовых.

— На фондовой бирже продаются и покупаются ценные бумаги: акции, облигации, казначейские обязательства, закладные, векселя, сертификаты, заемные обязательства. Биржевая цена акции определяется не надписью на ней, а дивидендом, который она обеспечит своему владельцу. Так, если дивиденды составят 30%, акция в 500 руб. будет ежегодно приносить доход в 150 руб. Довольно скоро ее рыночная цена поднимется до 1200—1300 руб. То есть купивший эти акции в числе первых разбогатеет в 2—2,5 раза.

Фондовая биржа оценивает капитал, с помощью которого производятся товары. Сейчас миллион основных фондов в легкой промышленности равен миллиону в черной металлургии. А вот акции предприятий легкой промышленности с номиналом в 1 млн руб., учитывая различия в рентабельности, скорее всего будут реализованы на бирже за 2—3 млн, а черной металлургии — лишь за 0,5—0,7 млн. Таким образом, фонды станут предметом купли-продажи и будут иметь рыночную цену.

Пока акции, которые продаются только работникам выпустивших их предприятий, особой цены не имеют. Хорошую цену за них не дадут хотя бы потому, что эти работники вряд ли располагают достаточно крупными суммами денег. А сторонние организации, предприятия и граждане опасаются их приобретать, не без оснований остерегаясь подделки.

Правительство никак не решится продавать свои облигации, сертификаты, казначейские обязательства по рыночной цене, а не по номиналу, хотя по номиналу их практически никто не покупает. Акций же мало, так как мало самих акционерных обществ. Поэтому коммерческая фирма «Интерком», генеральным директором которой я являюсь, способствует созданию акционерных обществ, чьи акции котировались бы на бирже, привлекая к этому хороших специалистов.

ОТ РЕДАКТОРА

В феврале Российская товарно-сырьевая биржа заявила к продаже облигации Государственного пятипроцентного займа 1990 г. достоинством 5 и 100 тыс. руб. В первый же день, когда был открыт фондовый отдел на Московской товарной бирже, он реализовал облигаций российского займа на 2 млн руб. ***Рынок 5.91***

Акция — лицо акционерного общества. Доброкачественность акций начинается с проверки доброкачественности самих бланков, уровня защиты их от подделки. Качество ценных бумаг проверяют и брокеры, и биржевой совет. Московская центральная фондовая биржа обеспечивает издание акций с любой желаемой системой защиты. Уровень издаваемых акций не хуже, чем российских дореволюционных, которые продолжают оставаться во многих отношениях классическими по художественно-дизайнерскому и даже техническому уровню. Подделать их невозможно. Если кому-то непременно хочется иметь акции и другие ценные бумаги в «импортном исполнении», то биржа может выполнить и это желание. Но обойдется один бланк уже не в 5—7 руб., а в 0,5—0,7 дол., хотя разница в качестве может быть в пользу отечественных.

Интервью записал зам. главного редактора ЭКО
А. А. СИМОНЯН

* *

ОТСТУПИЛИ ОТ ПРИНЦИПОВ. А ЗРЯ!

Публикация письма дочери сотрудника КНК СССР т. Воскресенского под заголовком «Без единого пятнышка правды» в ЭКО 11.89 была ошибкой, так как факты, изложенные в нём, не соответствуют действительности. Я, старый автор ЭКО, ни в чем не подвел редакцию, все до единого слова в моих статьях — правда, что я могу, если нужно, подтвердить документами. А вот в отклике Юлии Воскресенской есть «пятнышки» неправды, и очень серьезные. Постараюсь доказать это на фактах.

В нем по существу не опровергается ни один факт, изложенный в моей статье: ни методы дискредитации расчётов экономической эффективности изобретения через Госкомизобретений, ни попытка лишить коллектив авторского свидетельства через ВНИИГПЭ, ни факты изменения мнений экспертами (одно это перечеркивает заголовок отклика). Решили избрать новое направление — доказать, что автор статьи — непорядочный человек, он присвоил чужое изобретение. Старый прием, но выполнен он чрезвычайно небрежно. В качестве доказательства приводятся слова моего бывшего сотрудника Р. С. Ракошица: «Я разработал способ изготовления... И в заявку на авторское изобретение, естественно, включил и директора СКТБ Краснова В. А. и заведующего отделом Войлова В. Г., которые в этой работе не участовали».

Неправда здесь обнаруживается элементарно. Я посылаю вам копию авторского свидетельства № 655004, о котором идет речь. Из этого документа видно, во-первых, что среди авторов нет никакого Войлова, а во-вторых, что заявка на изобретение подана 14.10.77 г., когда т. Ракошиц ещё не работал в нашем СКТБ. Он поступил сюда в начале 1981 г., что легко проверить в отделе кадров организации — СКТБ по изоляторам и арматуре.

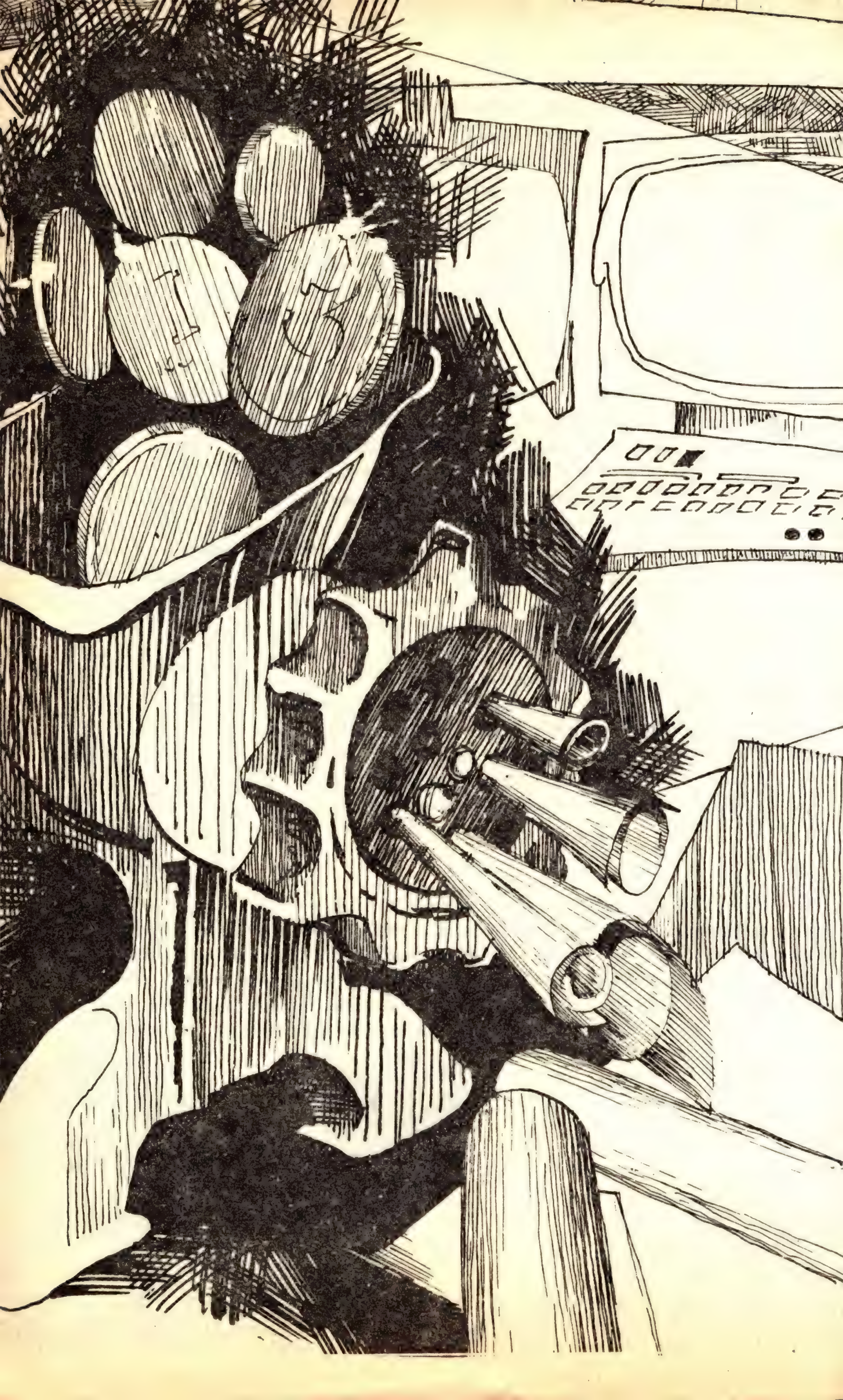
Таким образом, т. Ракошиц никак не мог являться автором изобретения и тем более — включать либо не включать кого-то в авторский коллектив. Как мог он написать такое — просто загадка. Не получила ли редакция после публикации подобного отклика опровержение т. Ракошица? (нет, не получила. — **прим. ред.**). В период разработки и внедрения изобретения и до апреля 1980 г. я работал начальником отдела, а не директором СКТБ, и лично участовал во всех стадиях реализации изобретения. Между прочим, новый способ изготовления контактного зажима описан группой авторов (и я среди них) в статье «Прогрессивная конструкция и технология изготовления аппаратных зажимов» (Энергетическое строительство 5.79 г.), когда опять же т. Ракошиц в СКТБ не работал.

Значит, утверждение о том, что т. Краснов «снимал плоды с деревьев, им не посаженных», мягко выражаясь, не соответствует истине. Не буду заниматься мелочным разбором отклика Юлии Воскресенской. Хочу напомнить лишь слова, которыми редакция заключила его публикацию: «Любой автор ЭКО, как жена Юлия Цезаря — выше подозрений». Я надеюсь, что эти слова относятся и ко мне. А к материалам, подобным этому отклику, надо относиться очень осторожно. Думая об юном авторе отклика, я еще раз перечитал свою статью: быть может, я как-то незаслуженно оскорбил ее отца, чем вызвал столь бурную реакцию? Нет, ничего подобного я там не нашел. Ничего похожего на «палач и застенок» нет. Обидной моя статья может показаться лишь лично ее героям, в том числе и т. Воскресенскому, которые знают, как много фактов осталось за «кадром» и которые, конечно, не довольны результатом описанных событий.

В заключение, скажу, что одной из причин принятого Съездом народных депутатов РСФСР решения об упразднении органов народного контроля являются, в частности, методы работы этого органа, описанные в моей статье. Так что, я думаю, редакции не в чем извиняться перед т. Воскресенским. И бояться этих органов уже нечего.

В. А. КРАСНОВ,
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ. Безусловно, каждый автор ЭКО, в том числе и В. А. Краснов, как жена Цезаря, выше подозрений. В цивилизованном мире это называется «презумпция невиновности». И принципом журнала является анализ ситуаций, а не действий конкретных личностей. К сожалению, со статьей В. А. Краснова мы в чем-то отступили от этого правила, и еще дальше пошли по этому «чреватому» пути, публикуя отклик Ю. Воскресенской. Постараемся впредь не допускать...



МАКЛЕР ЗА КОРДОНОМ

Павел ГОРНОВСКИЙ

На бирже ценных бумаг в Варшаве никто не кричит, не всматривается в экраны мониторов, никто не подает таинственных знаков, не машет руками, не бегает как оглашенный по паркету, не разговаривает по трем телефонам одновременно. И никто не кончает жизнь самоубийством при обрыве бегущей строки. В конференц-зале бывшего ЦК ПОРП, где недавно разместилось это обычное для рыночной экономики учреждение, спокойно и довольно тихо. Краткие беседы, время от времени маклеры переходят от столиков с мониторами к «президиуму» биржи. Вот и все.

Отсюда только шаг до подозрения, что мучимая структурными конвульсиями экономика выдала еще одну подделку. Родилось нечто, что биржей не является. Во всяком случае, это не то, что мы себе под ней представляем. На такие обвинения доктор Веслав Розлуцкий, организатор и президент биржи, лишь пожимает плечами. Подпитываемые телевизионными образами, мы попросту привыкли к англо-американской модели, к шуму, круговерти и жестикуляции — как неотъемлемым элементам купли-продажи акций. Однако в Варшаве приняты континентальные правила. А роль маклеров существенно меньше.

В большинстве европейских стран, в том числе и во Франции, задачи их ограничиваются выполнением заданий клиентов, а затем — проведением технических расчетов по исчислению курсов акций в соответствии с определенными правилами. Правда, некоторые маклеры, так называемые специалисты, которым предприятия поручили торговать на бирже их акциями, имеют право прямого вмешательства, прежде всего с целью увеличить обороты. Впрочем, до сих пор они этой возможностью не воспользовались. Так, в течение трех часов сессии наблюдатели, а также участники торгов, имели мало поводов для того, чтобы выйти из равновесия. Лишь ровно в полдень, когда президент (а в будущем, видимо, это будет его представитель) огласил результаты, которые «выдали» компьютеры, и только.

Следующих торгов нужно ждать ровно неделю. Чаще их проводить не имеет смысла потому, что биржа невелика и обороты остаются минимальными. Поначалу и не может быть иначе. Во всей этой забаве участвуют пять предприятий, выпускавших акции, восемь банков, выполняющих роль посредников (это они наняли маклеров), персонал биржи и комиссия ценных бумаг, которая занята контролем.

После 50-летнего перерыва все это — лишь начало построения классических институтов финансового рынка. Не в том дело, что обороты малы, не хватает опыта и отработанных процедур. «Соответствующему поведению и реакциям, — говорит В. Розлуцкий, — учатся сейчас все: клиенты, маклеры, предприятия, выпустившие акции, и аппарат биржи». Поэтому президента не беспокоят лилипутские объемы торгов и малое количество ценных бумаг, обращающихся на рынке. Настоящие биржи в других странах прошли трудный процесс становления в течение нескольких десятилетий, и мы тоже не сделаем этого в одну неделю.

СЫГРАЙ ВТЕМНУЮ

Трехчасовые сессии, во время которых на основе принятых заказов устанавливается единый курс, проходят по вторникам. Заявки от клиентов принимаются вплоть до пятницы. Те, кто начинает биржевые игры и желает обязательно совершить сделку, должны следовать формуле, что они покупают и продают «по наилучшей цене». Играют они втемную, соглашаясь на цену, которая, с учетом конкретной структуры предложения, косвенно устанавливается другими. Взамен они получают гарантию, что их заявки удовлетворят в первую очередь. А это важно, поскольку довольно часто число поручений купить значительно превышает количество заявок на продажу, или наоборот. В этом случае те, кто хочет дешево продать и дорого купить, получают преимущество. Прочие заявки, если они хоть как-то входят в приемлемый ценовой интервал, удовлетворяются лишь частично.

Те, кто продает или покупает «по наилучшей цене», рискует больше других, но это никогда не выливается в биржевую лихорадку.

В соответствии с распорядком цены акций от недели к неделе могут колебаться максимум на 10%. Если этот порог пройден, биржа прекращает торговлю, фиксирует цену

с этим 10-процентным изменением, а спустя семь дней вся процедура начинается снова.

Как видно из этого, уровень еженедельных торгов зависит от самих участников, подающих заявки. Компьютер находит только точку (цену), в которой максимальное количество акций сменит своего владельца, а спрос и предложение наиболее приближены друг к другу. А когда она окажется установленной, то все сделки этого дня считаются совершенными именно по этой цене. Благодаря этому многие покупатели и продавцы совершают более выгодные сделки, чем они надеялись, когда подавали заявки.

Акционер не получит на руки купленных им акций, если он желает сохранить за собой право немедленной их продажи. Они остаются в Государственном депозите ценных бумаг, а владелец должен довольствоваться только депозитным свидетельством. Конечно, каждый может потребовать выдать ему акции, которые с того же момента перестают быть акциями на предъявителя и становятся именными. Такие акции уже нельзя продавать на бирже. Остается обычный путь через договор купли-продажи.

Несмотря на то, что маклерскими услугами пользуются уже восемь банков, открыть депозитный счет не так легко. Некоторые посредники не хотят заниматься мелкими поручениями. Кроме того, не все акционеры получили свои депозитные счета, без чего вообще не может быть речи о какой-либо торговле. Создается впечатление, будто Варшавская биржа начала действовать до того, как были решены все организационные вопросы, а это означает необходимость быстрой адаптации уже по ходу дела.

Биржа сейчас создана в форме общества с одним учредителем при государственном казначействе. Учредительский капитал составляет 60 млрд злотых. Он распределен по 60 тыс. акций стоимостью 1 млн злотых каждая. Акции, скорее всего, никогда не окажутся в свободном обращении. Только часть из них — такая, чтобы государство не потеряло полного контроля — будет продана избранным банкам и маклерским фирмам. Сейчас из бюджета выделена уже четверть этой суммы. Решающая часть учредительского капитала будет направлена на создание развитой информационной системы, без которой при больших обьемах ценных бумаг биржа не могла бы функционировать.

«По крайней мере в течение ближайших лет, — говорит В. Розлуцкий, — биржа не будет получать прибыли. Доходы от членских взносов банков, которые составляют несколько десятков миллионов злотых в год, и платежи от предприятий за то, что их акции допущены к обращению на бирже, и, наконец, 10-процентные отчисления от заработков маклеров — всего этого явно не хватит. Уж если биржа должна играть стимулирующую роль, поощряя не только желание иметь акции, но и вообще приватизацию, не может быть речи о том, чтобы она была самоокупаемой».

Только ремонт помещений поглотил 2 млрд злотых. Арендная плата 1 кв. м площади равна в этом здании 40 дол. В этой ситуации зарплата 20 работникам аппарата биржи кажется уже небольшими издержками. Во всяком случае, содержание биржи не будет приносить государству большого дохода. Оно вкладывает средства в пропаганду обращения ценных бумаг. Возможные доходы, да и то очень умеренные, будут попозже.

Конечно, совсем иная точка зрения у наших акционеров. Большинство из них придерживаются мнения, что оборот акций должен сразу же приносить доход больший, чем помещение денег в банк. Но это совсем не обязательно.

Самыми интересными участниками биржевой игры оказываются акционеры, но как раз о них очень трудно что-либо конкретное узнать. Заявки на куплю и продажу, если они не превышают 10% всего пакета акций, анонимны. Маклеры, которые могли бы кое-что рассказать о своих клиентах, связаны банковской тайной. После первых пяти сессий можно сказать только, что есть игроки, постоянно участвующие в биржевых собраниях. Есть группа «акул», использующих тот факт, что рынок мал и можно диктовать свои цены. На бирже в Варшаве есть мелкие акционеры, крупные фирмы, представители зарубежных поляков, которые считают, что процентная ставка на этой бирже может быть выше, чем на прочих. Президент Розлуцкий отмечает, что появились первые симптомы явления, типичного для новых бирж, — скупка акций институциональными инвесторами у мелких акционеров. В сессиях не участвуют государственные фирмы. Видимо, это не то место и не те инвестиции, которые способны их заинтересовать.

Маклеры единогласно утверждают, что огромное влияние на нынешние биржевые тенденции и уровень переговоров имеет пресса. Приводя правдивую или сенсационную информацию о том, что происходит на предприятиях, выпускающих акции, она создает определенные настроения и климат, а это немедленно отражается на торгах. Маклеры не винят журналистов, но их печалит то, что на старте недостает компетентной и исчерпывающей информации, идущей от самих предприятий, независимого анализа консультационных фирм, научных центров и т. д. Поскольку сигналы прессы оказывались единственными, нет ничего удивительного в том, что они столь сильно влияют на результаты торгов.

Информация о том, что такое Варшавская биржа, дошла, пожалуй, не до всех. На четвертой сессии появился джентльмен с чемоданом, который попытался продать маклерам на месте государственные казначейские обязательства. Его прогоняли с места на место, а выглядело это так, как будто кто-то принес ювелиру телефонный аппарат. Еще раз стало явным, что акционеры не могут получить квалифицированный совет при принятии инвестиционных решений. Ни на бирже, что понятно, ни, к сожалению, за ее пределами.

И все-таки, несмотря на чрезвычайно скромный рынок ценных бумаг, их сейчас имеют в Польше сотни тысяч людей. По меньшей мере от десяти до двадцати тысяч ими торгуют. Одни ведут себя, как хитрые лисы. Другие беспомощны, как дети. Главный маклер Сбербанка Польши Игорь Халунец тем не менее считает эту ситуацию нормальной. «На любой бирже, — говорит он, — дело обстоит так, что немногочисленные искусные игроки богатеют за счет массы мелких акционеров. Если и есть исключения из правил, то они не изменяют общего характера ситуации».

Маклеры Сбербанка, даже если бы они захотели давать советы, как и во что вкладывать деньги, не очень-то и смогли бы это сделать. Лишь в июне будут проведены экзамены, дающие им право работать по специальности. А сейчас они на бирже без контрактов и почти неформально. К тому же и не могут консультировать.

Все они очень молоды. Все прошли интенсивные курсы, организованные Министерством преобразования собственности, на которые подали заявления 300

человек, и только каждый десятый был принят. В маклерские бюро попали с самых разных мест: одни сразу после учебы, другие — из банков или частных консультационных фирм. Интересно, что зародышем этой группы оказались не молодые, а уже имеющие опыт биржевой работы валютные дилеры, каких немало в польских банках. Но попытки сформировать кадры таким образом оказались неудачными: выяснилось, что это совсем иная специальность.

ПОДАРОК ЦЕНОЙ В МИЛЛИОНЫ

Итак, варшавские маклеры, равно как и все прочие участники биржевых торгов — чистой воды дебютанты. Немного бравируют своей работой. Во время сессий более других бросаются в глаза маклеры Сбербанка (РКО), которых известная во всем мире аудиторская фирма «Артур Андерсен» одарила подтяжками. В США — это символ начинающих банкиров-инвесторов. На фоне других участников, одетых в обычные костюмы, они весьма фотогеничны. Ничего удивительного в том, что фотографии «красноподтяжечников» оказались в крупнейших западных периодических изданиях, начиная с «Time» и кончая «USA Today». Так банк случайно получил небывалую дармовую рекламу. Фирма «Артур Андерсен», наверняка получившая приличные деньги за содействие организации маклерского бюро Сбербанка, фактически вернула деньги.

На бирже пока не было финансовых скандалов, что не означает, что и в будущем их не будет. Использование известий, полученных маклерами во время работы для своих финансовых операций (так называемый inside trading), достаточно распространено в мире. Иное дело, что крупнейшие аферы случались до сих пор на американских биржах, которые функционируют иначе, чем варшавская.

В Польше за честностью биржевой игры должна следить комиссия ценных бумаг. Маклерам не устанавливают невыполнимых запретов. Они могут, как и любой гражданин, покупать и продавать акции, соблюдая лишь общие правила. Старший маклер Сбербанка Войцех Грыко говорит, что он и его коллеги поначалу купили немного акций, но сейчас ими не торгуют. Он сам владеет акциями «Эксбуда» и «Кабли». Это показывает, что он уже сначала имел больший нюх, чем другие акционеры. Решение купить он принял, внимательно прочитав сообщения о выпуске акций.

Там были многословные, не всегда конкретные сообщения, но выловленная в них информация обеспечила удачный выбор.

Варшавская биржа еще не сформировала своих постоянных посетителей. Приходят туда зеваки, групповые экскурсии банковских работников и журналисты. В биржевой зал здесь попасть значительно легче, чем в Нью-Йорке, Лондоне или Париже. В итоге посетители убеждаются, что смотреть особенно не на что, а торговать нельзя и подавно.

Спустя четыре сессии создалось впечатление, что биржа, как и вся польская экономика, — на спаде. 14 мая упали акции четырех из пяти зарегистрированных предприятий. На пятой сессии ситуация изменилась к лучшему. Падали в цене акции уже только двух фирм: «Тонсил» и «Прухник». Вверх, притом резко, пошел «Эксбуд». Если бы не он, введенный на бирже варшавский биржевой индекс (WIG) выглядел бы еще плачевнее. А так он 21 мая возрос с 93,9 до 95,1 пункта.

Несмотря на то, что цены акций падают, обороты, к счастью, растут. На первой сессии сменились владельцы акций на сумму почти 40 млн злотых. Розлуцкий поначалу даже постеснялся упомянуть этот результат. На второй и третьей сессиях эта цифра превышала уже полмиллиарда, а на четвертой и пятой — уже полтора миллиарда. Утешают, конечно, не абсолютные довольно скромные величины, а наметившаяся тенденция. В июне дела должны пойти еще лучше, поскольку на биржу поступят в оборот акции мебельной фабрики в Сважендзе, а позже — «Волчанки» и, может быть, «Универсала».

Поскольку от маклеров сейчас нельзя узнать, что покупать, начинающим не остается ничего другого, как обратиться к издаваемым сейчас десятками справочникам. Михаил Комар, вице-президент фирмы «Shearson Lehman Brothers», в своей книге «Искусство спекуляции» советует, например, следовать поведению членов правлений фирм. Если они покупают свои акции, словно сорвавшись с цепи, значит,они не обанкротятся в течение ближайшего полугодия. Но он не рекомендует руководствоваться стадным инстинктом.

Одинокую овечку, правда, может съесть злой волк, но, когда она пасется одна, у нее больше шансов сорвать травку посочнее. Успехов!

Перевод Ю. ВОРОНОВА
из газеты Polityka 1.6.91

768134

«...СВОБОДНЫЙ ТРУД СВОБОДНО СОБРАВШИХСЯ ЛЮДЕЙ»

С. А. КРАСИЛЬНИКОВ,
Институт истории СО АН СССР,
Новосибирск

Идея использования принудительного труда при решении крупных стратегических задач, вероятно, никогда не исчезала полностью из поля зрения высшего руководства. Так, в 1928 г. зам. наркома РКИ РСФСР Н. М. Янсон в письме к И. В. Сталину предложил использовать труд «уголовно-арестованных» в освоении отдаленных районов, на земляных работах строек, но в первую очередь — на заготовках леса, экспорт которого давал валюту.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

В то время ситуация в высшем эшелоне власти не позволяла рассчитывать на однозначно положительную реакцию на это предложение. На заседании Политбюро 17 мая 1928 г. при обсуждении проекта внешнеторговых операций страны (докладчик А. И. Микоян) Н. И. Бухарин обратил внимание, что в проекте сделана ставка на резкое увеличение так называемого промэкспорта, под которым подразумевалась главным образом древесина. При попытке выяснить причины он натолкнулся на явное нежелание Сталина что-либо объяснять. По мнению историка В. П. Данилова, Сталин был прекрасно осведомлен о том, что подразумевал микояновский проект, однако не хотел давать козырь Бухарину в разгорающемся противостоянии между ними в Политбюро ЦК.

Прошло немногим более двух лет. 18 июня 1930 г. Н. М. Янсон, ставший наркомом юстиции РСФСР, делает доклад о формах и масштабах карательной политики на заседании Совнаркома. Вот его основные положения.

Рост и ужесточение карательной политики. Если в 1928 г. в РСФСР за различные преступления было осуждено 955,6 тыс., то в 1929 г. — 1215,1 тыс. человек. Удельный вес осужденных к лишению свободы сроком до года сократился с 30,2 до 3,5%, а приговоренных к принудительным работам вырос с 15,3 до 50,8%. В 1929 г. комиссии пыта-

лись разгрузить переполненные места заключения: для 11364 человек лишение свободы было заменено ссылкой.

Реформа в карательной политике коснулась перевода осужденных на срок более трех лет из мест заключения (тюрем, исправительных домов) в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ОГПУ. В ведении последнего на весну 1930 г. было шесть территориальных управлений ИТЛ: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Всего по пяти управлениям (без Казахстанского) в ИТЛ находилось 166 тыс. человек.

Труд заключенных в ИТЛ, по оценкам Наркомюста, оказался довольно эффективным. «Размах» его — от кустарных промыслов до лесо- и торфоразработок. Например, Надеждинский металлургический завод на Урале снабжался исключительно древесиной, заготовляемой заключенными.

НКВД в тот период невольно «конкурировал» с ОГПУ (слиты они были в 1934 г.) и пошел по пути создания исправительно-трудовых колоний (ИТК). Нарком внутренних дел В. Н. Толмачев, выразив неудовольствие в связи с тем, что из их ведения в ИТЛ ОГПУ были переданы многие физически здоровые заключенные, тем не менее сообщил о результатах замены изоляторов и исправительных домов колониями на принципах самоокупаемости.

Система ИТК на 1 мая 1930 г. включала 57 колоний (полгода назад их было 27), в том числе 12 сельскохозяйственного профиля, 19 лесозаготовительного, 26 промышленного. В них работали около 60 тыс. осужденных.

Работа ИТК оценивалась руководством НКВД более чем положительно. В лесозаготовительных колониях, например, производительность труда нередко была даже выше, чем у вольнонаемных рабочих. И если бы НКВД получил право планового снабжения, полного распоряжения получаемой прибылью и не делился осужденными с ОГПУ, то за несколько лет можно было бы перевести колонии на полную самоокупаемость.

Затем В. Н. Толмачев осторожно отметил увлечение хозорганизаций «невзыскательной рабочей силой заключенных, об этом свидетельствуют значительные заявки на рабочую силу, посылаемые ими в НКВД. В то время как по мере совершенствования нашей исправительно-трудовой политики хозорганам, несомненно, все меньше придется ориентироваться на рабочую силу заключенных».

На фоне этих выступлений резким диссонансом прозвучала речь А. Сольца — одного из руководителей ЦКК-РКИ, отмечавшего, что карательная политика слишком сурова по отношению к рабочим и крестьянам: «Мы караем за любой пустяк. В итоге наши места заключения переполнены трудящимися... НКЮст и НКВД держат курс на превращение наших мест заключения в коммерческие предприятия и в увлечении этим упускают из виду классовые интересы нашей юстиции».

Тогдашний председатель СНК РСФСР С. Сырцов своеобразно резюмировал прения, заявив: «Наиболее тревожный момент... — чрезвычайно высокий процент трудящихся в наших местах заключения. В связи с этим нужно признать методы трудового исправления, широко применяемые в последнее время органами НКЮста и НКВД, наиболее приемлемыми». Иначе говоря: уж если трудящиеся стали заключенными, то пусть и в заключении трудятся.

Совещание в СНК республики в начале лета 1930 г. как бы предвосхитило дальнейший курс карательной политики, выставив его соблазны и опасности. «Дайте нам дешевую рабсилу, и мы из дотационной организации станем самоокупаемой», — заявляли руководители мест заключения. «Дайте нам чрезвычайные полномочия на внесудебные репрессии — и мы обеспечим решение всех ваших проблем», — так (или примерно так) формулировали свою позицию карательные органы.

«Возьмите», — было сказано им. И те брали.

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ, ИЛИ ЛИКВИДАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА КАК КЛАССА

Значительный контингент дешевой рабсилы, занятой принудительным трудом, формировался на основе раскулаченного сельского населения. Инструкция, разработанная в январе 1930 г. на основе рекомендаций комиссии Политбюро ЦК во главе с В. М. Молотовым, требовала применять следующие меры против крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким:

— контрреволюционный актив, организаторов террористических актов и антисоветских мятежей подвергать аресту вплоть до высшей меры наказания (первая категория);

— крупных кулаков, активно выступающих против коллективизации, выселять из мест их проживания в отдаленные районы страны (вторая категория);

— остальную часть кулаков расселять в пределах района на новых, специально отводимых для них землях (третья категория).

На местах с февраля 1930 г. возникли специальные комиссии. Они составляли списки кулаков, вели учет и передачу конфискованного имущества, устанавливали категорию попавших под раскулачивание хозяйств. Но деление на категории очень скоро утеряло смысл. Так, члены семей лиц, отнесенных к контрреволюционному активу, считались кулаками второй категории и подлежали выселению в отдаленные районы. Нежелание местных властей иметь в своих районах «горючий материал» в лице раскулаченных третьей категории, нехватка средств на внутрирайонное переселение, размещение и обустройство привели к массовому принудительному переселению значительных групп крестьянства в отдаленные необжитые районы страны.

Кампания раскулачивания 1930 г. имела свое «лицо», свои приоритеты — конфискационно-репрессивные. Власти решали ближайшие прагматические задачи — экспроприации и выселения раскулаченных — не очень заботясь о дальнейшей их судьбе. Предполагалось, что выселенным на новых землях будут предоставлены условия для хозяйственной деятельности, «трудового перевоспитания».

Высылка началась в январе—феврале 1930 г., однако только в начале апреля была создана комиссия по устройству выселяемых кулаков во главе с зам. председателя СНК СССР В. В. Шмидтом. Этот фланг «аграрного фронта» не воспринимался как приоритетный. Комиссия всего лишь распределяла скудные средства и кредиты на обустройство спецпереселенцев.

Спецпереселение шло бестолково и бессистемно, действия различных органов не были согласованы. Представители ОГПУ передавали «эстафету» административным отделам НКВД, милиции. Комендантские отделы должны были управлять сетью создаваемых впервые в столь массовых масштабах «кулацких» поселков. И только затем в дело включались гражданские органы, ведавшие системой их жизнеобеспечения.

Брошенные в труднодоступные регионы, зачастую без сельхозинвентаря и продовольствия, спецпереселенцы разбегались из поселков, невзирая на тяжелые для себя последствия. К концу 1930 г. по Западной Сибири в бегах числилось 2/3 спецпереселенцев; оставались лишь те, кто просто не был способен бежать. К тому же на протяжении всего 1930

г. не прекращались волнения и выступления крестьянства против насильственной коллективизации. Обстановка для политического режима сохранялась весьма тревожной.

«ТРОЙКА-31»: АНДРЕЕВ И ДР.

С февраля 1931 г. по стране покатилась новая значительная волна раскулачивания. Для руководства и контроля за ее осуществлением 11 марта 1931 г. была образована очередная специальная комиссия, которую возглавил зам. председателя СНК СССР А. А. Андреев. Верный сталинец, он являл собой фигуру восходящего партийного функционера — «солдата партии». Под стать ему были и члены комиссии — П. П. Постышев и Я. Э. Рудзутак.

Эта комиссия стала заниматься не только раскулачиванием, но и рациональным размещением и использованием труда спецпереселенцев. Ее решения были обязательны для всех органов — советских и партийных. Она проработала год и была распущена в марте 1932 г., поскольку выполнила основное свое назначение своеобразного центрального распределителя, удовлетворявшего заявки хозяйственных организаций на почти даровой принудительный труд.

Современные исследователи Н. Михайлов и Н. Тепцов, получившие доступ к материалам комиссии Андреева, приводят документ (протокол заседания от 30 июля 1931 г.), отражавший ее повседневную деятельность:

«СЛУШАЛИ: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

ПОСТАНОВИЛИ: ... обязать ВСНХ в 3-дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев:

удовлетворить заявку Востстали на 14 тыс. кулацких семей, обязав в 2-дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договора;

Заявки Цветметзолота — на 4 600 кулацких семей и Автостроя ВАТО — на 5 тыс. кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю — на 2 тыс. кулацких семей, заявку по Подмосковному углю — на 4,5 тыс. кулацких семей принять условно;

по торфу принять условно заявку на 31 тыс. кулацких семей.

... В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков...»

Поражают масштабы: только на одном заседании была решена судьба без малого 70 тыс. крестьянских хозяйств!

Всего, по данным ведомственной статистики ОГПУ—НКВД, по стране в 1930—1931 гг. было раскулачено 569,3 тыс. хозяйств, из них в отдаленные районы отправлена 381 тыс. семей. За один только 1930 г. под выселение в отдаленные районы было подведено около 80 тыс. крестьянских хозяйств. Многочисленные объекты первой пятилетки обеспечивались фантастически дешевой рабочей силой. 300 тыс. крестьянских семей по 5—7 человек в каждой — это 1,5—2 млн человек; трудоспособные составляли до 2/3. Значит, «андреевский» спецраспределитель в течение одного только 1931 г. дал экономике миллионную рабсилу. Для сравнения напомним, что на весну 1930 г. в ИТЛ и ИТК находилось примерно 200 тыс. человек.

В 1931 г. темпы и масштабы раскулачивания уже не увязывались с коллективизацией и в значительной мере определялись заявками хозорганов.

ГУЛАГИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: РЕШАЮЩИЙ РЫВОК

В 1931 г. ОГПУ замкнуло на себя весь «технологический цикл» (от выселения до использования труда спецпереселенцев) и вытеснило неудачливых конкурентов (система НКВД), не сумевших не только «по-хозяйски» распорядиться в 1930 г. рабсилой раскулаченных, но даже и организовать их расселение и охрану.

На деле это выглядело следующим образом. ГУЛАГ, находившийся в ведении ОГПУ, создал незатейливую, но действенную систему договорных отношений с наркоматами и ведомствами об использовании труда спецпереселенцев. Система имела три уровня. Верхний — так называемый генеральный договор между ГУЛАГом и, скажем, ВСНХ. Средний — локальный договор одного из территориальных управлений, скажем, СибЛАГа, с Востуглем или Кузнецкстроем о передаче в распоряжение ведомства определенного количества переселенцев. На нижнем уровне документально оформлялись отношения между спецкомендатурой СибЛАГа и руководством конкретного леспромхоза или рудника.

Сила системы состояла в ее унификации; независимо от специфики ведомств отношения регулировались на основе типового договора. Однако на деле не все складывалось гладко. Разрыв в сроках подписания генеральных и локальных договоров достигал порой полугода и требовал

массы финансовых и материально-технических согласований. И все же в течение 1931 г. необходимые формальности были выполнены. Так, только в течение осени—зимы 1931 г. представители СибЛАГа подписали договоры с крупнейшими потребителями рабочей силы региона — с Востокосталью (Кузнецкстроем), Востуглем (Кузбассуголь), Сиблестрестом и др. Так, по договору СибЛАГа с Кузнецкстроем от 31.12.31 г. последнему передано около 20 тыс. человек, Кузбассуглю — 32356 человек, Запсиблестресту — 29869 человек, Запсибзолоту — 18364 человек, Запсибсахаротресту — 2518 человек (кроме того, существовали договоры с краевым земельным управлением, рыбтрестом, промкооперацией и т. д.).

Вот весьма типичный договор между Запсиблестрестом и СибЛАГом (опущены подробности обязательств треста по созданию условий труда, медицинских и культурно-бытовых условий, снабжения для спецпереселенцев).

Новосибирск 1931 г. октября 2-го дня.

Мы, нижеподписавшиеся Сибирские Исправительно-Трудовые Лагеря ОГПУ, именуемые ниже СибЛАГ, в лице зам. нач. СибЛАГа, тов. КОСТАНДОГЛО Михаила Павловича с одной стороны и Запсиблестрест в лице пред. Правления тов. ГОРНШТЕЙНА Бориса Ефимовича с другой стороны, в развитие и дополнение договора ГУЛАГа ОГПУ и Союзлеспрома от 10.04.31 г. заключили настоящий локальный договор о нижеследующем:

1. Сроки заброски и места поселений спецпереселенцев определяются дислокацией, при сем прилагаемой, за подписью сторон, и составляющей с договором неразрывное целое.

2. Сиблестрест обязуется использовать на работах в течение круглого года главу семьи и по возможности членов семьи переселенцев — женщин, подростков от 14 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ: а) при наличии возможности Сиблестрест обязан в первую очередь использовать квалифицированных спецпереселенцев по их прямой специальности;

б) предоставляемые спецпереселенцы не подлежат переброске из того или иного леспромхоза без согласования данного вопроса Сиблестреста с СибЛАГом ОГПУ;

в) все партии прибывающих спецпереселенцев подвергаются медосмотру с целью определения их на работы по трудоспособности.

3. Расходы на доставку спецпереселенцев, как главы, так и членов семьи, включая нетрудоспособных, по грунтовым дорогам, считая таковую от конечных железнодорожных станций или водных станций до места нового поселения, если не будут предоставлены Сиблестрестом в натуре

средства передвижения, оплачиваются Сиблестрестом из расчета по 20 коп. с километра за каждого человека...

4. В местах, выбранных для поселения ... Сиблестрест по согласованию с СибЛАГом обязан построить и предоставить в бесплатное пользование спецпереселенцам обособленные для каждой семьи жилища с надворными постройками...

11. Организация питания спецпереселенцев и членов их семей, а также снабжения их предметами первой необходимости в пределах установленных норм для вольнонаемных кадровых рабочих производится Сиблестрестом на общих с вольнонаемными рабочими основаниями.

12. Условия работ в смысле нормы выработки, оплаты рабочего времени и отдыха регулируются общим законодательством труда...

13. Организация труда производится на базе соцсоревнования и ударничества, причем молодежь в возрасте от 18 до 25 лет выделяется в особые «молодежные» бригады...

21. ... Все расчеты за произведенные работы производятся Сиблестрестом со спецпереселенцами два раза в месяц в присутствии представителя СибЛАГа, причем 85% заработной платы, включая приработок и премиальные, выплачиваются непосредственно спецпереселенцу, а 15% удерживается и уплачивается СибЛАГу не позднее 3-дневного срока после выплаты зарплаты.

ПРИМЕЧАНИЕ. Сиблестрест обязан ежемесячно давать СибЛАГу сведения о размере выплаченной спецпереселенцам зарплаты.

22. Расчеты между Сиблестрестом и СибЛАГом производятся ежемесячно в порядке расчетов, предусмотренных кредитной реформой, со всеми дополнениями и изменениями к ней.

ПРИМЕЧАНИЕ. При неоплате причитающихся СибЛАГу сумм в указанные сроки начисляется пеня в размере 0,1% в день, а по истечении 30 дней начисление пени прекращается, и СибЛАГу уплачивается 10% неоплаченной суммы.

23. Срок настоящего договора устанавливается с 1 октября 1931 г. по 1 октября 1934 г.

28. СибЛАГ от сборов и пошлин освобожден. Сиблестрест уплачивает таковые с причитающейся с него доли.

29. Юридические адреса сторон: СибЛАГ — г. Новосибирск, — Сиблестрест — г. Новосибирск.

31. Договор вступает в силу по утверждении его Управлением лагерей ОГПУ и Главлеспромом ВСНХ СССР.

Кроме 15% заработанных спецпереселенцами средств (иногда оговаривался и меньший процент, но не менее пяти), перечисляемых ведомствами, ОГПУ получало из госбюджета громадные средства на спецпереселение раску-

лаченных хозяйств и наделялось полномочиями контролировать расходование средств, получаемых хозорганами на размещение и развитие социально-бытовой инфраструктуры для спецпереселенцев. Многие отрасли, приняв ядовитый наркотик в виде принудительного труда, не могли уже функционировать без подпитки спецконтингентом, а следовательно, полностью зависели от всесильного карательного ведомства. Так ГУЛАГ становился неотъемлемым элементом советской экономической системы.

КОМЕНДАТУРЫ

Представление о комендатурах в Западной Сибири дает табл. 1 (данные на сентябрь 1931 г. и май 1932 г.).

Таблица 1

ДИСЛОКАЦИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ КОМЕНДАТУР СибЛАГа ОГПУ в 1931—1932 гг.

Комендатура	Кол-во поселков	В них чел. на 09.31г.	В них чел. на 05.32г.:	Разница
СЕВЕРНЫЕ КОМЕНДАТУРЫ				
Сельскохозяйственные				
Александро-Ваховская	6	1938	1.822	—116
Средне-Васюганская	18	19909	17.773	—2.136
Нижне-Васюганская	20	18840	16.558	—2.282
Галкинская	7	7379	5.901	—1,478
Кето-Чулымская	29	22700	20.312	—2.388
Кетская	16	18157	14.195	—3.962
Кулайская	3	4253	3.288	—965
Парабельская	38	27693	23.755	—3.938
Парбигская	31	33316	21.459	—11.857
Тоинская	21	7300	9.689	+2.389
Шегарская	7	7847	6.713	—1.134
Шерстобитовская	50	7030	7.320	+290
Лесные				
Тогурская	13	19344	17.832	—1.512
Могочинская	5	5965	5.940	—25
Ново-Кусковская	17	12084	11.362	—722
ИТОГО **по северным комендатурам**	281	213755	183.919	—29.836
ЮЖНЫЕ КОМЕНДАТУРЫ				
Промышленные (приисковые)				
Мартайгинская	11	6159	6.046	—113
Ольховская	8	3712	5.052	+1.340
Саралинская	17	3394	4.329	+935
Таштыпская	2	150	208	+58
Терсино-Усинская	3	374	375	+1

(Востуголь)				
Анжерская	2	9931	12.169	+2.238
Прокопьевская	7	10256	9.769	—487
Горно-Шорская	14	7246	6.893	—353
Крапивинская	5	3640	3.128	—512
Яйская	4	4843	4.561	—282
(Востоксталь)				
Кузнецкстрой	—	21461	18.282	—3.179
ИТОГО **по южным комендатурам**	73	71166	70.812	—354
ВСЕГО **по северным и южным комендатурам**	354	284921	254.731	—30.190

Снижение численности северных комендатур можно частично объяснить переброской групп спецпереселенцев с севера на шахты и прииски юга Сибири.

Другие факторы — так называемое обратничество (инвалиды, старики и те, в отношении которых решение о раскулачивании пересмотрено); побеги; смертность. Безусловно, доминировали последние два из названных. Особо следует сказать о невероятно высокой смертности.

По оценкам западных советологов, погибло в общей сложности от четверти до одной трети депортированных крестьян. Судя по документации СибЛАГа, чиновники определили плановую «убыль» контингента в течение года в размере 5% (или 50 человек на тысячу). Однако реальность была гораздо более трагичной. Так, по статистике ГУЛАГа, в течение 1932 г. смертность в спецпереселенческих комендатурах составила около 70 человек на тысячу; в северных же комендатурах СибЛАГа (Нарымский край) с июня 1931 по июль 1932 г. умирали 110 человек на тысячу, а в отдельных случаях — 120—150. Для сравнения: эти цифры по спецкомендатурам СибЛАГа за 1931—1932 гг. едва ли не вдвое выше, чем смертность на Украине в 1932—1933 гг.

Причины колоссальной смертности очевидны: отсутствие социально-бытовой инфраструктуры на новых территориях в первые годы, эпидемии, недостаточное и некачественное питание; тяжелый, изнуряющий принудительный труд.

«РАБСИЛА» — ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Начиная с 1931 г., когда ГУЛАГ превратился в монопольного держателя контингента спецпереселенцев и фактического торговца «рабсилой», у него возникли конфликты с

наркоматами и ведомствами — ее потребителями. Взаимные обвинения в невыполнении договорных обязательств порой достигали такой остроты, что требовалось вмешательство органов Рабоче-крестьянской инспекции. В 1932—1933 гг. краевыми органами РКИ по Западной Сибири было осуществлено масштабное обследование условий труда и жизни спецпереселенцев, занятых в народном хозяйстве региона. Более подробные данные содержались в материалах комиссии КК-РКИ (весна 1933 г.) (табл. 2.)

Таблица 2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (С/П) В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ КРАЯ

Ведомство	Всего семей	Всего едоков	Из них - трудоспособных	% использования рабочей силы
Кузбассуголь				
В том числе по углю	9183	37566	22877	62,4
по лесу	2842	11005	6353	63,9
Запсибзолото	5570	21207	12244	65,7
Кузнецкстрой	4940	17316	11839	66,9
Рыбтрест	954	4280	2612	79,4
Сахаротрест	921	2577	1798	78,0

Вот некоторые выводы из обследований группами КК-РКИ условий труда и быта спецпереселенцев (с апреля 1933 г. они стали именоваться трудпоселенцами).

КУЗБАССУГОЛЬ (сентябрь 1933 г.): трудпоселенцы (т/п) составляют до 40% всей рабочей силы, занятой в угольной промышленности края. На некоторых участках работ их удельный вес (шахты «Поварниха» и «Манеиха» в Прокопьевске) достигает до 65—77% всех занятых. Лесоразработки для шахтного строительства обеспечиваются целиком за счет т/п («Таким образом, роль т/п в угледобыче значительна, а в ряде случаев — решающа»).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ Т/П на угледобыче сопровождается грубыми нарушениями и извращениями: «На ряде участков вследствие полного незнакомства работников с основными законоположениями по использованию т/п и сознательного произвола этот контингент рабсилы находится в исключительно тяжелом положении».

СНАБЖЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ. «Т/п, занятые в леспромхозах, в вопросах снабжения и питания находятся в настолько тяжелых условиях, что ставить вопрос об их закреплении, правильном производственном использовании и трудовом перевоспитании не приходится.

Основную пищу т/п составляют вода с травой и лепешки из размолотых трав с примесью небольшого количества муки и льняного масла.

Установленные нормы питания ОРСом не выполняются. Рабочие 1-й категории получают вместо 600 г хлеба — 400 г. В случае невыходов т/п

на работу по уважительным причинам и простоев по не зависящим от рабочих обстоятельствам хлеб не выдается вовсе. Женщины, обремененные детьми до 8-летнего возраста, со снабжения сняты. В выходные дни рабочим вместо 700 г хлеба выдается только—200 г.

БЕГСТВО Т/П носит чрезвычайно большие размеры и в последние месяцы принимает угрожающий характер. При среднем контингенте в Анжерском леспромхозе в 1300 человек за 32-й год бежало 280 человек и в этом году только по двум поселкам 209 человек.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ. Абсолютный минимум жилплощади, установленный для т/п ,— 3 кв. м на человека — несмотря на то, что он в два раза меньше общего санитарного минимума, не достигнут ни в одном поселке. Средняя кубатура жилплощади в леспромхозах и Киселевском рудоуправлении падает даже до 1,0—1,5 кв. м на человека. В ряде поселков бараки находятся в таком состоянии, что исключается возможность пользования ими как жильем.

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ. Вследствие чрезвычайной скученности, непригодности и антисанитарного состояния жилищ, недостатка воды и отсутствия в продуктах питания белковых веществ и витаминов среди т/п значительно распространены острозаразные заболевания, приводящие к большой смертности. В Прокопьевске с января по август текущего года только сыпным и брюшным тифом заболело 616 человек... Общая смертность за 8 мес. т/года составляет 3400 случаев (4% от всего контингента). Особо необходимо подчеркнуть детскую смертность в Прокопьевске, составляющую до 10% общего количества детей, что в два с лишним раза превышает рождаемость... Отношение к больным т/п издевательское».

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ трудпоселенцев комиссия характеризовала следующими чертами: как правило, т/п вне зависимости от имеющихся производственных навыков третируют, используют нерационально и чаще в качестве вспомогательных рабочих. Частая переброска на новые участки и вынужденные простои отрицательно сказываются на производительности труда и заработках т/п. Организация приема выполняемой т/п работы администрацией поставлена неудовлетворительно, что открывает возможность обманов, обсчетов и т. д.

«Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные производственные и жилищно-бытовые условия, производительность труда т/п все же стоит на достаточно высоком уровне, что прежде всего должно быть отнесено за счет осознания подавляющей частью т/п необходимости ревностного отношения к труду как основного условия восстановления в правах гражданства (на прокопьевской шахте 3—3 бис в июне-июле 1933 г. выработка вольнонаемных проходчиков в среднем составила 114% от плановых заданий, а т/п — 128%)... Обратная картина имеет место на лесоразработках, где производительность труда т/п колеблется в пределах 70—90%, что является прямым следствием срыва снабжения и безобразной организации труда:

достаточно указать, что в Китатском леспромхозе нормы выработки на мелиоративных работах были настолько подняты, что т/п при десятичасовом рабочем дне вырабатывали только до 50% нормы».

Эти небольшие выдержки из объемной — в 12 страниц — докладной руководителя военной группы Западносибирской крайКК-РКИ Польского дают общую картину положения раскулаченных. Аналогичные злоупотребления группа Польского обнаружила и при обследовании приисков «Запсибзолото», где трудпоселенцы составляли до 40% рабочих, занятых в золотопромышленности края.

И все же печальные рекорды издевательства и надругательств над бесправными спецпереселенцами принадлежали администрации и персоналу сибирских леспромхозов. Отнюдь не из гуманных соображений, а исключительно в интересах «дела», когда смертность и бегство спецпереселенцев из леспромхозов приняли беспрецендентные даже по СибЛАГовским меркам масштабы (с октября 1931 по октябрь 1932 г. из 29 тыс. человек бежало 7,5 тыс., или около 1/4 общей численности), информационно-следственный отдел СибЛАГа провел расследование. В результате была отдана под суд группа директоров леспромхозов; администрация томской погрузочной конторы (20 человек); руководство Крапивинского, Обско-Чулымского, Кулайского и ряда других леспромхозов «по обвинению в нерегулярном снабжении спецпереселенцев, невыплате зарплаты, за грубое обращение, систематические переброски и избиение спецпереселенцев».

ОГПУ в данной ситуации выступило в роли «защитника» интересов спецпереселенцев, считая их своей собственностью, с которой плохо обращались «другие». Председатель Западносибирской крайКК-РКИ Папардэ отмечал: «Принятые меры карательного порядка не подействовали на улучшение работы аппарата леспромхозов, а во многих районах вышеотмеченные безответственные действия местных работников продолжаются». Подобная ситуация была типичной и в других регионах, где обосновался ГУЛАГ, — «всерьез и надолго».

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО. НО НЕ НАВСЕГДА?

В экстенсивном экономическом развитии первых пятилеток массовый «дешевый» принудительный труд — не только дополнение к вольнонаемному. Так, с начала 30-х

годов труд 200—300 тыс. спецпереселенцев широко использовался в сельскохозяйственном и промышленном освоении районов Сибири, где они составляли 2/3 населения северных районов Томской области (Нарымский округ), от 40 до 60% работавших на приисках и рудниках, занятых новым шахтным строительством в Кузбассе. Значительная группа раскулаченных (с семьями около 20 тыс. человек) была использована при возведении Кузнецкого металлургического завода и т. д.

Жесткая эксплуатация, дискриминация в оплате труда, снабжении, небрежение к условиям жизни и труда спецпереселенцев неизбежно влекли за собой высокий травматизм, увечья, повышенную заболеваемость и смертность. Так, в течение 1932 г. в комендатуре Кузнецкстроя по причинам заболеваемости, за которой следовали травматизм, инвалидность, смертность, «убыль рабсилы» достигала 25%.

После 1932 г., когда темпы раскулачивания снизились, данная категория стала пополняться и за счет городского населения («чистка» городов после введения паспортов, высылка из приграничных районов и т. д.).

Вопрос об экономической целесообразности использования в подобных масштабах и формах труда спецпереселенцев отрицательно решался самой жизнью. Не могло быть оправданным массовое применение принудительного труда ранее активных земледельцев на лесозаготовках, рудниках и приисках, на строительстве как неквалифицированной рабочей силы. И все это — в условиях резкого падения сельскохозяйственного производства в стране. В 1933—1934 гг. в ряде районов, пострадавших от массовой высылки и голода (Украина, Восточная Сибирь), органы власти были вынуждены для восполнения «выбывшего» крестьянства организовывать новые переселения, используя вербовку демобилизованных красноармейцев с семьями и других категорий, зачастую незнакомых с земледельческим трудом в конкретных климатических условиях. Отнюдь не с целью умалить трудовые усилия этих мигрантов невольно приходишь к мысли о том, что энтузиазм и героизм требовались нередко для того, чтобы ценой чрезвычайных усилий компенсировать последствия совершенного ранее преступления.

ТАРИФ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ?

Т. И. Мухамбетов в статье «От тарифа государственного — к заводскому» (ЭКО 1.91) настойчиво рекомендует сохранить тарифную систему оплаты труда. А для увязки размеров ставок и окладов с конечными результатами предлагает ввести на предприятии автономные тарифные сетки.

Каковы аргументы автора? По его мнению, существующая тарифная система стимулирует развитие научно-технического прогресса и заинтересовывает работников в повышении квалификации. Вряд ли! Десятилетия она не способствовала внедрению достижений НТП. Вот пример: материалоемкость производства в СССР на 30—35% выше, чем в США, и последние 20 лет этот показатель практически не менялся. Результат — устаревшее оборудование, малоэффективные технологии, профессиональная деградация.

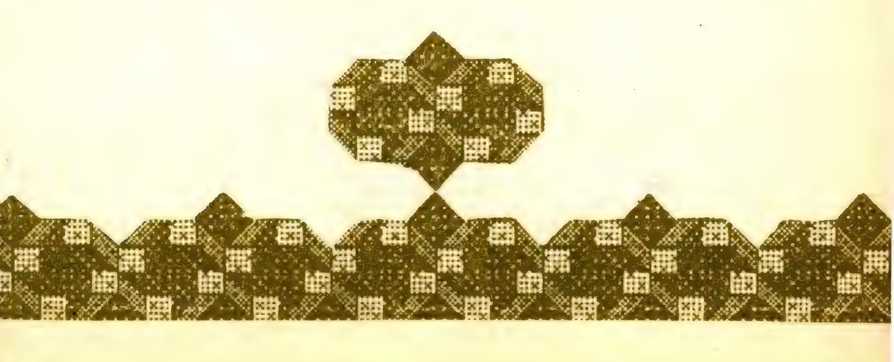
Другим преимуществом тарифной системы Т. И. Мухамбетов считает социальную справедливость, которую она якобы обеспечивает при оплате труда. Но о какой справедливости может идти речь, когда на зарплату у нас приходится 37—38% валового национального продукта, в то время как для индустриального мира этот показатель составляет 70% и более? Можно вспомнить, конечно, про общественные фонды потребления. Но какова эффективность их использования?

Для модернизации системы оплаты труда Т. И. Мухамбетов предлагает периодически корректировать размеры тарифных ставок в зависимости от финансово-экономического состояния предприятия. Но для этого каждой организации потребуется внушительный штат работников. Малые и средние предприятия, которым это не под силу, будут нести существенные дополнительные затраты.

На наш взгляд, при формировании рыночных отношений государственные тарифные ставки и нормы заработной платы должны носить рекомендательный характер. Минимальную тарифную ставку целесообразно определять на основе потребительской корзины, причем для людей разных профессий и квалификации состав ее будет неодинаковым. Тарифная сетка для определения минимального уровня заработной платы должна содержать 20—25 разрядов с диапазоном от 200 до 1000 руб. К этим тарифам могут применяться единые районные коэффициенты.

Доход работника должен зависеть от реализации продукции и прибыли. Предлагаем при выполнении работ выплачивать рабочим нормативную заработную плату по предложенным нами тарифам. А после реализации продукции выдавать дополнительные средства из фонда, созданного за счет прибыли. При этом должны учитываться коэффициент трудового участия и фактически отработанное время. Думаем, такой подход позволит заинтересовать работников в сокращении производственного цикла и оперативном доведении готового продукта до потребителя.

В. В. СКОБАРА, экономист,
Ленинград



1991
1991

Рекомендуем самоменеджмент

Нет ничего более легкого, чем быть занятым, и нет ничего более трудного, чем быть результативным. Уменьшить катастрофическую нехватку времени и повысить свою целеустремленность, организованность, а значит, продуктивность деятельности вам поможет самоменеджмент. Чтобы овладеть им, советуем обратиться к книге немецкого специалиста Лотара Зайверта «Ваше время — в ваших руках» (М.: Экономика, 1990). Автор — ведущий эксперт по рационализации труда менеджеров, руководитель Института рационального использования времени.

Книга сразу исчезла с прилавков магазинов, пользуется популярностью в школах менеджеров и в библиотеках. Предлагаем краткий ее реферат. Надеемся, что он будет полезен и сам по себе и побудит вас не просто осознать, что наше время — действительно в наших руках, но и начать учиться подчинять его себе.

* * *

Основная задача самоменеджмента в том, чтобы максимально использовать собственные возможности, сознательно управлять течением своей жизни (самоопределяться), преодолевать внешние обстоятельства. Он помогает достигать профессиональных и жизненных целей кратчайшим путем, выполнять работу с меньшими затратами, лучше организовывать труд и добиваться более высокой его результативности с меньшей спешкой и стрессом, получать удовлетворение от работы, повышать квалификацию, свести ошибки до минимума.

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Составьте список всех видов деятельности, в которых вы участвовали как руководитель. Заполняйте таблицу анализа деятельности и листок дневных помех последовательно и без пропусков на примере 3—5 типичных рабочих дней. При этом надо быть честным и самокритичным, даже если результаты разочаровывают. Избегайте поздних записей по памяти, ограничивайтесь существенным. Фиксируйте все виды деятельности в форме результатов за 15-минутные отрезки времени.

АНАЛИЗ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАСХОДА ВРЕМЕНИ

Вид деятельности	Интервал времени (от—до)	Продолжительность	А		Б		В		Г	
			да	нет	да	нет	да	нет	да	нет

А — работа необходима, Б — затраты времени оправданы, В — выполнение работы целесообразно, Г — интервал времени для выполнения работы выбран сознательно.

Подсчитайте общую продолжительность работы соответствующего дня (ОПД) и ее продолжительность по каждой колонке с ответом «нет» (ИА, ИБ, ИВ, ИГ), определите долю отрицательных ответов (ИА:ОПД х 100, ИБ:ОПД х 100 и т. д.). Если доля превысит 10% по колонке А, то ваша деятельность была необязательной, вы не умеете делегировать полномочия и устанавливать приоритеты; по колонке Б менее 10% — значит, расход времени слишком велик, и вам нужно безотлагательно выяснить и устранить причины (использовать различные технические приемы, подтянуть самодисциплину и т.п.); по колонке В: повышенное внимание следует уделить планированию, организации дел и саморационализации; по колонке Г: поскольку более чем в 10% случаев момент исполнения работы был выбран спонтанно, вы плохо планируете свое время.

В листке дневных помех укажите, когда они наступали и сколько длились, а также их причины. Наиболее типичные поглотители времени: нечеткая постановка цели, отсутствие ясного представления о задачах и путях их решения, стремление слишком много сделать за один раз, отсутствие приоритетов, неумение довести дело до конца, плохое планирование трудового дня, личная неорганизованность, неспособность сказать «нет», неполная или запоздалая информация. Уместно использовать сокращения типа: Н — начальник, П — подчиненный, К — коллега, Кл — клиент, Пр — прочие.

Записывать нужно не только внешние помехи, но и случаи, когда вы сами нарушаете трудовой процесс (суетитесь, часто отвлекаетесь). Определите, какие помехи были наиболее дорогостоящими. Какие телефонные звонки оказались бесполезными, могли быть короче или результативнее? Какие посещения были ненужными? Кто чаще и без пользы отвлекал вас от дел? Какие меры вы можете предпринять на основании этого анализа завтра же? Для нача-

ла выберите пять наиболее серьезных для вас поглотителей времени и постарайтесь одолеть их.

ФУНКЦИИ САМОМЕНЕДЖМЕНТА

Это постановка целей, планирование времени, принятие решений, их реализация и организация, контроль, которые как бы вращаются вокруг информации и коммуникации.

ПОСТАНОВКА ЦЕЛЕЙ. «После того, как мы окончательно потеряли из виду цель, мы удвоили свои усилия» (Марк Твен). Постарайтесь выразить в виде четких намерений и в точных формулировках свои явные и скрытые потребности, интересы, желания и цели, сориентировать свои действия и поступки на их достижение.

Итак, каких целей вы хотите достичь, согласуются ли они между собой, существует ли высшая цель и промежуточные на пути к ней? Формулируйте цели так, чтобы их можно было воплотить в конкретные действия. Неправильная формулировка: «Я хочу вести здоровый образ жизни», правильная: «Хочу ежедневно 15 минут бегать на свежем воздухе». Точно опишите то, чего конкретно хотите достичь.

Занесите в специальную таблицу с градацией (по столбцам) «на всю жизнь», «на ближайшие 5 лет», «на год» личные и профессиональные цели; опыт, который хотели бы приобрести (личный и профессиональный); то, что хотели бы совершить в личной жизни и профессиональной сфере (по строкам таблицы). Не забывайте о здоровье, самообразовании, культурных мероприятиях.

Определив цели, проанализируйте средства их достижения, свой личный потенциал, свои сильные и слабые стороны.

Заполните таблицы. В одной перечислите свои самые значительные успехи и качества, которые позволили их достичь (черты характера, специальные знания, эрудиция, контакты, связи, способности руководителя, интеллектуальные данные, рабочие приемы — рациональность и системность в работе, организация труда и др.). В другой — крупнейшие поражения, черты, которых вам недоставало, способы, которыми вы преодолели эти неудачи. Вам станет яснее, какие качества надо развивать, а от каких — избавляться.

Следующий шаг — средства, необходимые для достижения целей, сравниваются с реальной ситуацией. Заполняется таблица, в которой по каждой цели перечисляются

средства, необходимые для ее достижения и имеющиеся в наличии, а также практические меры, позволяющие быстрее ее достичь.

Последняя фаза — конкретное формулирование практических целей для планирования времени. Каждая цель имеет смысл, только когда установлены сроки ее воплощения и сформулированы желаемые результаты. Важно, чтобы они были реалистичными.

Пример

ЖИЗНЕННЫЙ ПЛАН

Сфера жизни	Жизненная цель	Значимость	Срок (год)	Практические цели	Срок	Контроль
Имущество, деньги	Свой дом в хорошем районе	Высокая	1995	Поиск участка	1991	
				Оформление кредита	1992	
				Накопление средств	1993	
				Продажа квартиры	1994	
				Строительство дома	1994—1995	

После того как вы проанализировали и сформулировали жизненные, карьерные и практические цели, вам предстоит подготовить их реализацию, перейти от плана действий к планированию времени.

ПЛАНИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ. Из планов жизни и долгосрочных планов вытекают годовые и квартальные, из них — месячные и недельные, которые в итоге конкретизируются в деловых планах дня. Дневной план — последняя и наиболее важная ступень планирования и конкретной реализации поставленных целей.

Опыт показывает, что на работу тратится столько времени, сколько его имеется в распоряжении. Кто регулярно хотя бы в течение 10 мин готовится к следующему рабочему дню, тот может ежедневно экономить 2 часа и успешнее справляться с важными делами.

Принципиально важно фиксировать свои планы письменно, поскольку план дня, который держат в голове, легко ломается, письменный же разгружает память и имеет психологический эффект самомотивации к работе. Деловая

активность становится более целенаправленной, вы строже следуете программе дня. При планировании удобно пользоваться еженедельником.

Составляя планы, принимайте во внимание следующие правила.

* Планируйте 60% своего рабочего времени, 20% оставьте на непредвиденные обстоятельства, 20% — на творчество и так называемую спонтанную активность.

* Работайте над планами времени регулярно и системно, доводите начатое дело до конца.

* Не впадайте в крайности, планируйте такой объем, с которым реально можете справиться.

* Проявляйте гибкость, планы составляются не для того, чтобы облегчить вам жизнь, а чтобы вы могли достичь цели.

* Стремитесь сразу же восполнять потери времени. Лучше подольше поработать вечером, чем весь следующий день наверстывать упущенное накануне.

* Невыполненные задачи переносите в план следующего периода.

* Фиксируйте в планах цели и результаты, а не действия (скажем, «согласовать программу с В.» вместо «позвонить В.»).

* Стремитесь точнее определять продолжительность и срок исполнения каждого дела.

* Регулярно корректируйте план времени с точки зрения того, могут ли те или иные акции быть реализованы полностью.

* Планируйте и используйте с толком свое свободное и «бросовое» время — время ожидания, поездок и т.п.

* Для крупных задач, творчества и планирования резервируйте часы, когда вам никто не должен мешать.

* Старайтесь мыслить альтернативно: «всегда есть другой, лучший путь».

* Вносите разнообразие в свою деятельность.

Выберите из этих правил пять наиболее важных для вас.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ. Многие проблемы появляются из-за того, что менеджеры пытаются выполнить сразу слишком большой объем работы или распыляются на несущественные, но кажущиеся необходимыми дела. Учитесь отличать важнейшие проблемы от спешных и избавляйтесь от тирании последних.

Ранжируйте их по значимости и приоритетности. Здесь может быть полезен принцип Парето (80 : 20). Он гласит: если все рабочие функции рассматривать с точки зрения их эффективности, то окажется, что 80% конечных результатов достигается только за 20% затраченного времени, тогда как остальные 20% поглощают 80% рабочего времени. Сначала — немногие жизненно важные проблемы, а уже потом — многочисленные второстепенные. Задачи распределим по категориям: А — весьма важные, на них приходится 15% общего количества задач и 65% общей значимости, их следует выполнять самому, не перепоручая; Б — важные, это 20% количества и 20% по значимости, их уместно частично перепоручать; В — менее важные, 65% количества и 15% значимости, их целесообразно делегировать, сокращать или вообще вычеркивать из планов.

РЕАЛИЗАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ. Организуя свой рабочий день, руководствуйтесь принципом: «Работа должна подчиняться мне, а не наоборот». Начинайте рабочий день с хорошим настроением и по возможности в одно и то же время. Посмотрите, насколько реалистичен составленный накануне план дня и открывают ли его ключевые задачи. Приступайте к работе без раскачки, не обсуждая последние новости. Утром занимайтесь сложными и важными делами. Отклоняйте дополнительно возникающие неотложные проблемы. «Когда решается крупная проблема, кажется, что мелкие дела усиленно выдвигаются на передний план». Избегайте незапланированных импульсивных действий (скажем, во время текущей работы вы вдруг бросаетесь звонить кому-то) — они снижают производительность, поскольку нарушают установленную приоритетность. Отдыхайте до того, как наступит усталость. Небольшие однородные задачи выполняйте сериями. Выкраивайте спокойный час, в течение которого вам никто не сможет помешать. В конце дня постарайтесь завершить несделанное. Составьте план на следующий день. Домой отправляйтесь с хорошим настроением.

КОНТРОЛЬ. Всякая постановка цели и планирование эффективны лишь настолько, насколько эффективны реализация и контроль за их исполнением. Контролируя себя, вы должны четко представлять, что достигнуто, сравнивать с запланированным и вносить коррективы. Контролируйте свои годовые, месячные, недельные и дневные планы, же-

лательно через равные промежутки времени. Своевременность контроля облегчит и сделает более результативными эти корректировки.

В конце рабочего дня необходимо контролировать и фиксировать не только выполнение поставленных задач, но и ваше личное состояние. Ответьте себе на такие вопросы: кто или что помешало мне сегодня достичь большего? Где я застрял на мелочах? Где занимался ненужными делами и критикой? Где пошел на компромиссы, не идущие на пользу делу ? Мог ли отказаться от каких-то дел? Чему научился сегодня? Приблизил ли меня этот день к достижению цели?

Оцените день по четырехбалльной системе: 4 — особенно удачный, 3 — удачный, 2 — удовлетворительный, 1 — неудачный (неуспех, раздражение, плохое настроение). Занесите оценку в свой дневник времени.

ИНФОРМАЦИЯ И КОММУНИКАЦИИ. Эта сфера составляет сердцевину самоменеджмента , вокруг которой постоянно вращаются все другие его функции, о которых уже шла речь. Обработка информации должна быть упорядочена и систематизирована, ориентирована на достижение ваших профессиональных и жизненных целей. Идеально, если бы вы имели дело лишь с той информацией, которая нужна для достижения ваших целей. К сожалению, это мало кому удается. Несмотря на все старания, зачастую половина перерабатываемой информации оказывается излишней.

Здесь вам неоценимую помощь окажут приемы скорочтения, умение рационально проводить совещания и управлять потоком посетителей (отгородитесь от нежелательных визитеров и покончите с мифом «открытых дверей»), навыки общения по телефону, способность покончить с «телефономанией» и «тиранией документов», а также рационально вести корреспонденцию и канцелярию.

Бесконтрольное и чрезмерное общение — самый крупный поглотитель времени. Оптимизировав этот процесс, вы выиграете массу времени. В этом вам поможет книга «Ваше время — в ваших руках» и другая специальная литература, в том числе публикации ЭКО.

Материал подготовил В. Г. ДЕГТЯРЕВ,
Алма-Атинская школа менеджеров

Снимем шляпу КАРЛА МАРКСА с нашей головы*

. М. МАЙБУРД,
ЕПС при Президиуме АН СССР,
Москва

Развитие мировой социально-экономической мысли издавна изображается у нас в виде эдакой шляпы-панамы. В центре высится Карл Маркс. До него — восхождение, после него — сползание (в болото вульгаризации).

Эта картина — грубое искажение действительности хотя бы уже потому, что многие извечные проблемы, над которыми билась мировая экономическая наука, были Марксом либо затронуты вскользь и без видимого успеха (денежное обращение), либо вовсе обойдены (налогообложение), либо, наконец, без серьезного анализа объявлены неразрешимыми (общее экономическое равновесие).

Тем не менее четкие контуры упомянутой шляпы до сей поры проступают в наших учебниках, монографиях, энциклопедических изданиях. Плотный концентрат подобного подхода представляет собой коллективная монография «Всемирная история экономической мысли», издаваемая экономическим факультетом МГУ (М.: Мысль). Анализ этой книги на страницах ЭКО (7. 90) выявил методологический прием, обеспечивающий «шляпный» эффект: стремиться рассматривать ту или иную теорию глазами Маркса, Энгельса, Ленина. В результате в центре изложения оказываются не собственные взгляды того или иного мыслителя, а степень их соответствия тому, что говорили основоположники. Кто был за кем — значения не имеет. При таком подходе достижения всех мыслителей легко распределить на «заслуги» и «ошибки». Поскольку писать приходится о тех, кто оставил в науке заметный след, а таким мыслителям присуща оригинальность, то «ошибок» всегда выходит больше, чем «заслуг».

Нужно заметить, что сам Маркс очень облегчил жизнь своим адептам, ясно и четко указав все «ошибки» своих предшественников и «грехи» современников. Разумеется, с точки зрения собственной теории, каковая таким образом получила наивысший статус. Скромно уподобив свой «Капитал» сияющей вершине, до которой нужно карабкаться по каменистым тропам науки, Маркс подсказал и образ, в котором легко увидеть все ту же панаму.

Что касается историографии русской экономической мысли, то здесь понадобился, конечно, модифицированный вариант описанного подхода. Русская мысль блуждала в потемках — то инстинктивно (впрочем, тщетно) пробиваясь к свету, то упорствуя в заблуждениях, покуда над Россией не взошло солнце марксизма, в свете которого многострадальная страна наконец узрела вернейший путь к

* **Аникин А. В.** Пути исканий Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политическая литература, 1990. 416 с.

свободе и справедливости. Соответственно сам процесс блужданий представлялся как вековечная борьба двух направлений: освободительного и реакционного. Делом чести очередного автора было не оставить у читателя сомнений в том, кто прав и кто вино.., простите, — неправ.

От «шляпного» налета не была свободна и действительно хорошая книга А. В. Аникина «Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса» — неизменный бестселлер при четырех изданиях массовым тиражом.

Новую его книгу следует приветствовать прежде всего как первую попытку преодолеть шаблоны. Она же демонстрирует, насколько трудно даются такие попытки. Книга снова ориентирована на массового читателя. И очень отрадно, что он получает возможность узнать, что социальная мысль в России не была шизофренически расколота на «за» или «против» крепостного права, а после реформы мучилась не только навязчивой идеей крестьянской общины.

Имена и мысли Н. Мордвинова, И. Вернадского, Н. Бунге, В. Майкова, В. Милютина, А. Бутовского, И. Бурцова, Б. Чичерина, Ю. Жуковского, А. Чупрова мало известны нашему читателю. И хотя можно пожалеть о том, что их трудам уделено в книге меньше места, чем и без того гораздо более известным идеям декабристов, Белинского, Герцена, Чернышевского, само появление их фигур — при спокойном описании сказанного и сделанного ими — расцвечивает привычную по учебникам черно-белую картину.

Автор исходит из предпосылки, что каждый мыслитель был озабочен благоденствием России. Эта естественная, но явно не всеми разделяемая установка позволяет ему, рассказывая об идеях и судьбах (часто нелегких) носителей этих идей, обойтись без навешивания бирок. Книга очень выигрывает от наличия в ней биографической компоненты. Это дань уважения рыцарям истины, каковыми были русские мыслители безотносительно к защищаемой позиции. Малознакомые подчас имена оживают на этих страницах, вызывая человеческую симпатию и душевный интерес читателя. За всем этим угадывается нечастое еще уважение к нему. Добавим сюда живой и здоровый русский язык. И редкостное — на зависть, думаю, всем — умение не быть скучным, говоря о материях достаточно абстрактных и сухих. Секрет обаяния книг А. В. Аникина видится в том, что писатель любит невыдуманных героев — и любовь эта передается читателю.

Когда в стране нет гражданского общества, политическая жизнь перемещается в литературу. Это почти одновременно заметили Токвиль (про Францию XVIII в.) и Герцен (про Россию XIX в.). Попытка автора включить русскую художественную литературу в панораму экономической мысли представляет, по-видимому, первый опыт в трудах подобного рода. Потому не поворачивается язык для упрека в известной фрагментарности. Конечно, к персонажам из Пушкина, Грибоедова, Одоевского и Щедрина можно было бы добавить князя Нехлюдова (он освободил своих крестьян по системе

Генри Джорджа), «человека из подполья», семерых некрасовских мужиков из Пустопорожней волости да и еще многих-многих. Тема необъятна и плодородна, как русское поле.

Наконец-то из «лагеря реакционеров» в разряд просто оригинальных мыслителей перешли славянофилы, хотя небольшая справка о Ю. Самарине — слишком мало для такой темы. Ради исторической справедливости следовало бы отметить, например, что А. Хомяков настаивал на освобождении крестьян с землей. Заслуживает хотя бы упоминания большая работа И. Аксакова об украинских ярмарках — едва ли не первый в России опыт «полевого» экономического исследования, основанного на сборе обширного статистического материала путем наблюдения и опроса.

Явным диссонансом ко всему сказанному звучит последняя глава. Здесь на сцену выходят первые русские марксисты. Как-то само собою получается, будто марксизм явился именно той теорией, которая и дала ответ — куда несется птица-тройка. Явление этой интонации на последних страницах не выглядит логичным и вызывает лишь досаду по поводу реанимации отжившей догмы.

Правда, совсем еще недавно трудно было даже представить себе в подобного рода книгах появление таких вот цитат: «Влияние Маркса в современном мире представляет, можно сказать, самый колоссальный пример человеческой глупости, какой встречается в истории мысли... И чем более нелепость облекается в туманные представления и прикрывается мнимонаучной фразеологией, в которой никто не в состоянии раскрыть настоящего смысла, тем легче выдавать их за глубокие истины» (Б. Чичерин).

К подобной оценке, по моему опыту, способно привести внимательное и беспристрастное чтение «Капитала». Я лишь после этого обнаружил полемику о марксизме в русской публицистике конца XIX в. Поэтому смею утверждать, что в рассматриваемой книге несколько преувеличены «научная честность и логика» Н. Зибера в защите марксизма от его русских критиков. Полемика его не была свободна от личностных выпадов, а это верный признак неблагополучия с доказательствами. Помнится, разочаровал и научный уровень его теоретических работ — «очень высокий», по оценке А. В. Аникина.

К счастью, эти последние 25 страниц не могут испортить удовольствие от четырехсот остальных.

Настоящий разговор о русской социально-экономической мысли XIX в. по существу только начинается. Соглашаясь с оценкой Б. Чичерина и даже сочувствуя его раздражению, все же мы не можем себе сегодня позволить сводить все к человеческой глупости. Корень следует искать, вероятно, не столько в рассудке, сколько в душе русского интеллигента конца XIX в. Здесь уместно, пожалуй, назвать главный порок советской школы истории экономической мысли: игнорирование христианской доминанты русской ментальности.

Едва ли возможно понять, к примеру, экономические взгляды славянофилов без учета их религиозности. Во всяком случае, их апологию кре-

стьянской общины, с которой и пошел весь дальнейший спор. На таком фоне ущербность идеологии народников обнаруживает иную грань, более существенную, нежели указывали Плеханов и Ленин. С утратой христианского символизма общины (соборность!), вероятнее всего, и связана метаморфоза этого пережиточного института в образчик и надежду хозяйственного устройства общества будущего.

Точно так же можно понять, что взамен отвергнутого Бога русский интеллигент сотворил себе кумира в образе «народа» для реализации своей потребности служения. Не хватало лишь нового — адекватного — вероучения. Таковым стал русский социализм, основанный, словами В. Соловьева, на странном силлогизме: человек произошел от обезьяны, поэтому мы все должны любить друг друга... Становится яснее, что полемика между марксистами и народниками — это спор двух языческих сект о том, какому идолу поклоняться — «народу» (т. е. крестьянству) или «пролетариату». Да еще о жертвоприношениях. Народники готовы были сами взойти на жертвенник, марксисты были более благоразумны — они грезили окропить его кровью «эксплуататорских классов».

Подлинную историю русской и мировой общественно-экономической мысли фактически нужно создавать для отечественного читателя заново. Преодоление ложных стереотипов, глубоко проросших, как сорняки, в наше сознание, — дело непростое и далеко не скоротечное. Иные авторы, осуждая «вульгарные тенденции в политической экономии», продолжают рассуждать в категориях классовости науки. Если мы и дальше собираемся ехать с таким багажом, то засорение мозгов все теми же шаблонами отжившей свое парадигмы будет продолжаться

* *

ШЛАГБАУМ НА ПУТИ К РЫНКУ

Большому заводу в нашей стране хорошо живется. И коллектив его уважаем, и директор везде смотрится. А малые предприятия воспринимаются как что-то подозрительное, вроде кооперативов.

У нас в промышленности 46 тыс. предприятий. Из них крупных, со стоимостью основных производственных фондов свыше 200 млн руб. (в ценах 1990 г.), всего 600. Но они дают более одной четверти всей продукции и по сути дела являются монополистами на советском рынке. Под их дудку пляшут все потребители в стране. Какие уж тут справедливые цены!

Сравним с развитыми странами. В США свыше двух третей национального продукта приносит мелкий бизнес. В Японии крупные предприятия составляют 0,1 % от общего числа. Если на одном предприятии в СССР работают в среднем 820 человек, то в Японии — 21.

Не стоило и приводить эти цифры, если бы почтенные деятели правительственной науки не продолжали отстаивать приоритет и неприкосновенность промышленных гигантов. Что только ни выдумают, лишь бы не превращать их в малые и средние предприятия, которые будут вынуждены конкурировать с себе подобными. Конечно, есть производства, где технология требует крупных масштабов. Но по нашим просторам их тоже должно быть несколько.

По-человечески понятно нежелание руководителей таких предприятий, как, например, Кировский завод или Уралмаш, отдавать власть советам акционеров и занимать должности (если предоставят!) в исполнительной дирекции. Понятно, но нетерпимо в экономическом отношении. Без конкуренции нам из кризиса не выйти, а крупные предприятия — шлагбаум на пути.

В. С. СОМИНСКИЙ,
Ленинград

РАСПЛАТА ЗА ОШИБКУ — СМЕРТЬ

Очень благодарен редакции журнала за публикацию в рубрике Post scriptum «трактата» под названием «Ликбез для пьющих» (ЭКО 3.91) — мы не избалованы публикациями на эту тему в центральных журналах. Морально я удовлетворен, но что касается расчетов! Потеряна формула, и перемножение всех составляющих дает недостоверный результат.

Нужно разделить на процент и умножить на 100. Чтобы убедить вас в этом, делаю сравнительный расчет по выброшенной формуле и тем показателям, которые остались в журнале.

Без коэффициентов формула выглядит очень просто:

$$Q = \frac{M \times 100}{\%},$$

где Q — обьем напитка в граммах, M — вес человека в кг, % — крепость напитка в градусах.

ПРИМЕР 1. Мужчина весом 80 кг желает выпить «Столичной» крепостью 40 градусов. Вопрос: сколько ему нужно? По моей формуле выходит 200 г, а если считать так, как опубликовано, получается 3200 г, т. е. все кончится плачевно: журнал предложил ему смертельную дозу.

ПРИМЕР 2. Тот же мужчина весом 80 кг купил бутылку портвейна крепостью 20 градусов. По формуле он может выпить не более 400 г, а журнал советует выпить ведро такого вина. Исход для пьющего ясен.

Г. ПОПИНАКО,
Орехово-Зуево

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ

ВЫСТАВКИ

МОСКВА, ВДНХ

С 31 марта

**ВЫСТАВКА-САЛОН
<ТОВАРЫ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ>**

**ВЫСТАВКА <НАШ ДОМ>
Организатор: РИА <ДЕЛОВОЙ МИР>
Адрес: 109044 Москва, ул. Крутицкая, д. 4
Телефоны: 276-98-17, 276-25-82, 276-45-69**

НОВОСИБИРСК

**РЕКЛАМНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА
Организатор: фирма <САЙЛ>
Адрес: 630076 Новосибирск, а/я N 165
Телефоны: 66-52-22**

СВЕРДЛОВСК

**ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОРГТЕХНИКИ, СРЕДСТВ СВЯЗИ И ЭЛЕКТРОНИКИ, ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ.
Организатор: коммерческая фирма <АТЛАНТ>
Адрес: 620144 Свердловск, ул. Большакова, 97
Телефоны: 22-00-82, 71-38-65, 47-59-97**

БАРНАУЛ

**ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ, СЕЛЬХОЗПРОДУКТОВ, СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ, ОБОРУДОВАНИЯ И ТРАНСПОРТА, НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РАЗРАБОТОК.
Организатор: краевая ассоциация кооперативов <АЛТАЙ>.
Адрес: 656099 Барнаул,
ул. Новороссийская, 9, кинотеатр <Чайка>
Телефоны: 22-18-58, 44-15-91**

КАЛИНИНГРАД,

Дом быта

ВЫСТАВКА ТОВАРОВ ПОВЫШЕННОГО СПРОСА ЗАРУБЕЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Организатор: сервисно-коммерческий центр <ИНТЕРСЕРВИС>

КЕМЕРОВО

11—1 5 сентября

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ИМПОРТНО-ЭКСПОРТНАЯ ЯРМАРКА <ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА — ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ>

Советские партнеры познакомятся здесь с предложениями инофирм в области высоких технологий, ноу-хау, услуг по созданию совместных предприятий.

Организатор: Мюнхенское общество ярмарок и выставок <ММГ>.

Адрес: 650065 Кемерово, п/я 2492 СИБКОНСАЛТ
Телефоны: (384-2) 52-68-92, 25-77-26, 26-73-83
Телекс: 133184

ВИЛЬНЮС

9—14 сентября

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА <АГРОБАЛТ-91>

Организатор: ЛитЭКСПО.
Адрес: 232600 Вильнюс, пр. Космонавтов, 5
Телефон: 45-45-00
Телекс: 261186 ЭКСПО СУ
Факс: 45-45-11

ИРКУТСК

24—28 сентября

ИРКУТСКАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ЯРМАРКА С ИНОСТРАННЫМ УЧАСТИЕМ.

Организатор: оргкомитет Иркутской ярмарки, облисполком.
Адрес: 664000 Иркутск ул. Ленина, 14-б
Телефоны: 24-21-80, 29-31-37, 29-36-92
Телекс: 231516 ЦЕНТР СУ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

2 сентября

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

3—7 сентября

<ЭКОЛОГИЯ И РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЕ>.

Перспективная экологически чистая технология, новые конструкционные материалы, использование вторичного сырья, биотехнология и т. д.

19—25 сентября

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА <СТРОЙИНДУСТРИЯ>.

Мобильные здания и сооружения. Стройматериалы.

13—19 ноября

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА <МЕДИЦИНА-91>.

Диагностическое оборудование. Лечебное оборудование и препараты.

26—30 ноября

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА <КОМПЬЮТЕРЫ, ОРГТЕХНИКА>.

Организатор: исполнительная дирекция Нижегородской ярмарки.

Адрес: 603005 Нижний Новгород, пл. Ленина, Главный ярмарочный дом, исполнительная дирекция ярмарки.

Телефоны: 32-14-90, 33-38-62

Телетайп: 224846

НОВОСИБИРСК

АССОЦИАЦИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ <СИБИРСКАЯ ЯРМАРКА>

26—29 сентября

Ярмарка-салон <СИЛУЭТ-91>
Телефон: 23-94-69

9—11 октября

РЫНОК ТУРИСТСКИХ УСЛУГ
Телефон: 23-66-20

13—16 ноября

Выставка-салон <МЕДИЦИНА-91>
Телефон: 23-94-69

19—22 ноября

Выставка-ярмарка <ОТХОДЫ, ЭКОЛОГИЯ И СЫРЬЕ>
Телефон: 22-79-07

4—8 декабря

Всесибирская ярмарка <ЗИМА-91>
Телефон: 23-78-54

Организатор: региональный коммерческий центр <СИБИРСКАЯ ЯРМАРКА>
Общий адрес: 630099 Новосибирск, ул. М. Горького, 16
Телекс: 133166 SFA SU
Факс: 38320 236335

ПРИМЕЧАНИЕ. Информация периодическая.
См. следующие номера журнала.

РЕКОРДЫ БИЗНЕСА

(из Книги рекордов Гиннесса)

Самая большая чистая прибыль, полученная промышленными корпорациями за 12 месяцев (с октября 1981 по 30 сентября 1982 г.), составила 7 647 000 000 дол. Этот рекорд принадлежит «Америкэн телефон энд телеграф компани». В Книге Гиннесса есть и фирма-антипод — аргентинская нефтяная компания «Ясимиентос петролиферос», которая в 1983 г. понесла самые внушительные потери — 4 643 995 000 дол. После нее следует «Бритиш коал», в пассиве которой к концу финансового 1985 г. зарегистрировано 2 225 000 000 фунтов стерлингов.

Самая высокая стоимость акционерного капитала была зафиксирована в конце 1985 г. у компании «IBM» — 32 млрд дол.

Рекорд по занятию директорских постов по состоянию на 1961 г. поставил Хью Николсон (Великобритания). Он являлся одновременно директором 451 компании группы «Джаспер», а кроме того, занимал тот же пост еще в семи компаниях.

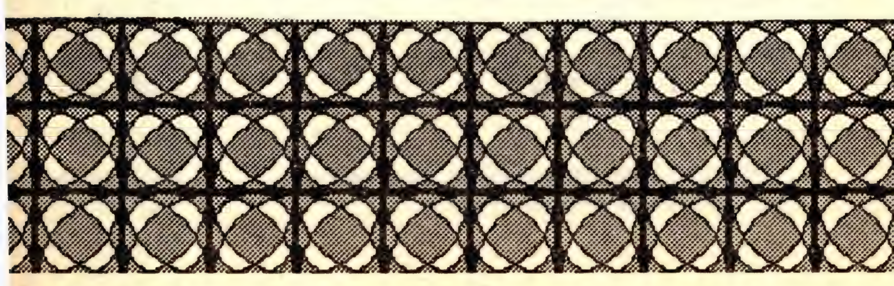
Компания «Сиэрс, Роэбак энд компани» ассигновала в 1986 г. на рекламные цели рекордную сумму в 1 129 800 000 дол., не считая средств на издание многочисленных каталогов.

Самая старая фондовая биржа из 138 существующих сегодня в мире — Амстердамская; она была основана в 1602 г.

Самой маленькой компанией Великобритании была «Фрэнк Дэвис Лтд», зарегистрированная 22 августа 1922 г. с общим акционерным капиталом в 0,5 шиллинга, разделенным на две акции по 0,25 шиллинга. По десятичной системе, действующей сегодня в Великобритании, эта сумма равняется 0,002 фунта стерлингов, разделенных на две акции по 0,001 фунта. В конце 1978 г., когда она была ликвидирована, ее капитал оставался прежним.

Число американских фирм, которыми управляют женщины, в 1989 г. по сравнению с предыдущим увеличилось на 57%. По данным статистики, на сегодня во главе 30% американских фирм стоят женщины.

В. РОЩАХОВСКИЙ,
Подольск Московской обл.



К истории БОЛЕЗНИ

(Притча)

А. Б. ШУШЕНЬКОВ,
Воронеж

«...С чего же все началось?.. И когда?.. Правое Полушарие не работает, а без него никак не вспомнить... Или, все-таки... Да, кажется, началось все ночью...

Началось все ночью. Правая Нога, после жестокого приступа подагры, перевела дух и неожиданно для всех объявила:

— Все, хватит! Надоело! С завтрашнего дня — бастую!

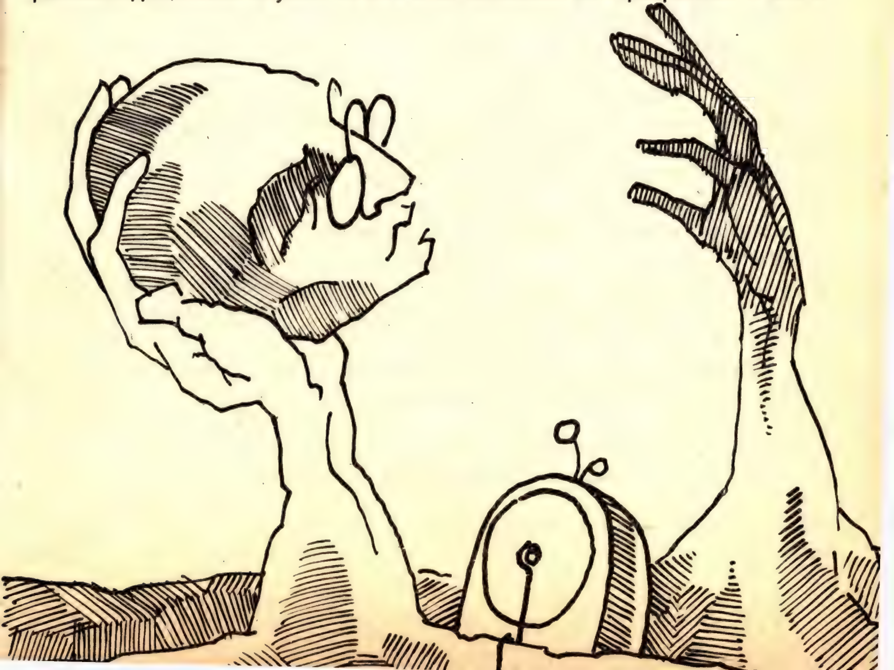
— Чего? — изумилось Левое Ухо.

— Того! Что слышало! Сколько можно терпеть? Ишачу на весь Организм как лошадь, а вместо благодарности — кукиш! Больная, не больная — знай себе ходи, таскай вас всех, дармоедов. С завтрашнего дня объявляю забастовку!

Повисла тяжелая пауза.

— Это как же? — нарушил наконец тишину Нос. — Какую еще забастовку?

— Экономическую! Требую улучшения условий жизни! Восьмичасового рабочего дня, новой обуви — а то в этих башмаках от «Прогресса» — вся в



мозолях... Носки чтоб выделили приличные... Мы, Ноги, находимся в самых невыносимых условиях, скажи, Левая!

— И скажу! — тотчас отозвалась Левая Нога. — Некоторые там, наверху, духи французские нюхают, а мы... В транспорте каждый день какая-нибудь сволочь норовит тебя отдавить, осенью — вся в воде, как лягушка... Да сколько же можно, товарищи дорогие? Поддерживаю Правую Ногу и присоединяюсь! И, кстати, требую отставки руководства. Пока нам не улучшат условия — ходить не будем.

— Во как повернули! — нервно задергался Левый Глаз. — Им, стало быть, тяжельше всех! На них, видите ли, наступают... А кулаком тебя пудовым били, так что весь заплываешь?! — кричал он на Левую Ногу, уже не в силах более сдерживаться.

— Ты на меня не ори, — сконфузилась Левая Нога. — Я тоже имею право на забастовку...

— Бастовать-то вы мастера! — всунулся в спор Нос, — а работать кто будет? Жить им, видите ли, тяжело... Какого черта потащилась сегодня к заводу минеральных удобрений?! Там же не воздух, а сплошная химия! Да еще котельная поддает!.. Это там, что ли, «духи французские»? А мясокомбинат?! Тут круглый год голый, да еще вонь всякую нюхаешь... Я сам забастовку объявлю!

— А мы чем хуже? — пропищали Уши. — Каждый день вянем! Такое выслушиваем! «Консолидацию» с матерщиной! Не всякий может переварить. Нам молоко положено за вредность. И два выходных.

— А я на митинге от спецназовца схлопотало — до сих пор звенит! — приглушив голос, похвасталось Правое Ухо. — Ничего, не жалуюсь, как некоторые... Ему, видите ли, наш воздух не нравится!

— Попрошу без намеков! — возмутился Нос.

— Я тоже бастовать буду, — желчно отозвался Рот. Надоело всякую дрянь жевать. Нынешнюю колбасу даже собаки не едят! А нитраты? У меня скоро ни одного здорового Зуба не останется!

Поднялся общий гомон. Бастовать собирались все: и недовольное работой без выходных Сердце, и распухшая от экологической обстановки Селезенка, и оба Легких, отравленных скверным табаком...

— А мне-то, мне-то каково?! — верещал злобно Желчный Пузырь. — Ведь с какой агрессивной средой приходится работать!

— Вы лучше скажите, кто нас до этого довел? — театрально вопрошала Левая Рука. — Чего молчите, уважаемые Мозги?. Управлять не можете, а в отставку — не желаете? До чего довели — я скоро милостыню просить буду!

В общем шуме Правое Мозговое Полушарие пыталось призывать всех не спешить с радикальными мерами.

— Слушайте, — увещевало оно, — мы же этими забастовками только себе хуже сделаем, мы же все попередохнем!

— Не пугай! — кричал Желудок. — Хуже, чем есть, уже не бывает! Даешь улучшение жизненных условий? Или объявляю голодовку!

— Даешь!!! — неслась отовсюду поддержка к забастовке.

Кажется... Так все и началось... Не могу вспомнить — Мозги тоже бастуют... Ну и черт с ними. Вот допишу и тоже прекращаю все виды деятельности — Левая-то Рука уже давно отсохла...»

* * *

На этом заканчиваются записки несчастного больного К., ушедшего в мир иной от неизвестной науке болезни.

...О времена, о нравы!

ОХОТА

А. Б. ШУШЕНЬКОВ,
Воронеж

Я стою и напряженно всматриваюсь вдаль. Там в темном холодном утреннем воздухе ОН. ОН пока еще не виден, но его жуткий вой уже слышен. Скоро настанет РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ...

Рядом стоят такие же несчастные, как я. Жертвы закона джунглей. Закон джунглей суров, на то и Закон! Кто кого? Я или ты? Ты или она? Мы или ОН?

Что-то будет сегодня? Повезет ли?.. До сих пор в моей памяти стоит долгий безнадежный взгляд Длинного... Длинный был крепким и сильным, с могучими руками... Он всегда был удачлив, но в тот раз... Ужасное зрелище: он превратился почти в лепешку...

Вой приближается! Теперь не зевай! Нужно четко определить момент броска... Мой метод — резкий внезапный скачок из засады... Руки и ноги напряжены... Взгляд — прямо на НЕГО... Только бы не промахнуться!

Вот ОН! Сейчас или никогда!.. А-а-а!

...Ну, слава Богу, кажется, влез! Поехали...

С ПОВЕРХНОСТИ

Спекуляция — это такая форма торговли, при которой грабеж трудящихся не сопровождается обогащением казны.

В результате коммунистического воспитания трудящиеся перестали трудиться.

Советский народ, кажется, постепенно превращается в антисоветский...

Многопартийность удобна прежде всего КПСС: теперь ее противников можно ставить к стенке не поодиночке, а партиями.

Владимир КУЗЬМЕНКО,
Днепропетровск

ДЕНЬ КАК ЖИЗНЬ

Ю. ТАРАН,
Донецк

Попов пришел в цех, как обычно, за минуту до начала работы, врубил станок на прогревание. И тут его окликнула инструментальная кладовщица Алла:

— Петрович! Тебя к телефону!

Звонили из бухгалтерии:

— Две сторублевки сдавали? Так чего не идете за адекватным разменом? Поторопитесь, нам ведомость закрывать...

Попов кивнул в трубку и поторопился. А когда возвратился, Алла послала его в профком:

— Там кое-какие промтовары по разнарядке получили и разыгрывают. Я уже вытянула египетские трусы для своего благоверного, боюсь только, не тесноваты ли... Может, тебе больше повезет, беги...

Попов побежал... вернулся улыбающийся — с блестящим лифчиком в руке.

— Да ты что! — всплеснула ладонями кладовщица. — У твоей Катерины совсем другой номер бюста! Это же на меня сшито! Махнемся?

Попов поколебался, но махнулся... Инструментальная кладовая закрылась на примерку бюстгальтера, а в цехе появились люди в белых халатах.

— Товарищи! Кто не завершил профмедосмотр, просим не тянуть! Для вашего удобства на территорию предприятия прибыла специальная машина с рентгенаппаратурой. Кто не прошел флюорографию — пройдемте...

Дисциплинированный Попов прошел в машину. Заодно примерил египетские трусы.

Выйдя после облучения, Попов столкнулся с Вероникой Львовной из профкультсектора.

— Как у тебя дела с сексом, Попов? — поинтересовалась Вероника Львовна. — В пределах допуска, говоришь? Тогда пойдем. Готовь червонец... Я получила в обществе книголюбов несколько эротических гороскопов, а в нагрузку Юлиана Семенова — «О деятельности КГБ в дошкольных учреждениях». Потрясные факты вскрываются!

Выкупив набор, Попов вспомнил, что с утра не курил, и заглянул к инженеру по охране труда и технике безопасности, ответственному за распределение сигарет и сигар... Выкупив месячную норму «Примы», Попов — дело уже шло обеду — заглянул в заводскую столовую... И правильно сделал. Ибо там уже вызмеилась очередь за яблоками. Хотя и с ресторанной наценкой. Но не по 15 же рэ за кило платить как кооператорам, а здесь по 14...

После обеда Попов заложил в прогревшийся станок заготовку...

— Петро-о-вич, тебя к телефону!.. — закричала инструментальная кладовщица Алла.

РАССКАЗ ИЗ НАПЕРСТКА

Б. ИОСЕЛЕВИЧ,
Львов

— Стой! Кто идет?

— Третий цех.

— Чего несете?

— Готовую продукцию.

— А ну, разверни!

— Интересные новости! Сколько носим — никогда не разворачивали. Бюрократию развели...

— Развели — не развели, а штампа ОТК нету.

— А это еще зачем?

— Затем, что продукция должна соответствовать ГОСТу, Знаку качества и мировым стандартам.

— Да ведь продукция... того... неучтенная...

— Не наша забота! Мы приказ выполняем.

— Какой еще приказ?

— Строгий! За заводскими воротами не должно оказаться ни грамма продукции низкого качества. Так что давай, разворачивай! Мы для того здесь и поставлены, чтобы охранять честь заводской марки.

ФРАЗЫ

Если правительство состоит из атеистов, не ждите от него чуда.

Забастовка — популярный ответ на непопулярные меры.

Тридцать сребреников — недевальвируемая валюта.

Юридическое лицо застраховано от пощечин.

Что-то перехода к рынку до сих пор не видно. Может, он подземный?

Наши таланты все чаще выходят на мировые рубежи. Правда, там и остаются.

Выходит в эфир новая передача «Что? Где? Когда? Почем?»

«Ни шагу в сторону!» — кричал рак, пятясь назад.

В. МАРЫШЕВ, Йошкар-Ола

Организовал малое предприятие по расхищению государственных средств в особо крупных размерах.

Пошел торговать собственной совестью на ярмарке тщеславия.

Пробудил в себе зверя, но тот оказался дрессированным.

Когда аргументы прижмут, фактам трудно найти алиби.

То, что мы делаем, еще никто не делал, поэтому у нас ничего не получается.

Некогда жить — все время приходится бороться за выживаемость.

В. НАЛЕТОВ, Киев

ОПЕЧАТКИ

Благоустроенное жулье
Плотоягодный кооператив
Дрыночная экономика
Избранные лепутаты
Обман денег
Бесплотное образование
Программа «Бремя»

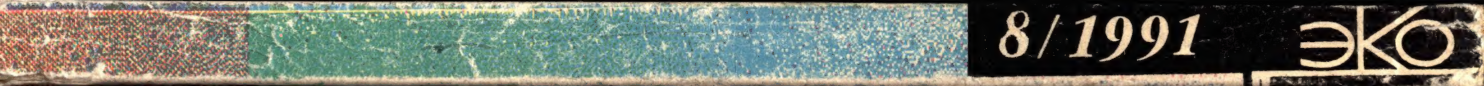
А. ПОПОВ, Оленегорск

ПОСЛОВИЦЫ И ОГОВОРКИ

* **Не в деньгах счастье, а верится с трудом. На вкус и цвет товаров нет.**
* **Вор у вора дубленку украл. Мораль: вору все впору. Сытый голодному не товарищ. Резюме: друзья познаются в еде.**
* **На деньги дуры не клюют.**
* **Выйдет боком, коль зуб неймет.**
* **Посадил свинью за стол — мечись бисером.**
* **Лес губят — деньги летят. Мораль: пилы есть — ума не надо.**
* **Лихо едешь — где ты будешь?**

А. БАРАНОВ, Кемерово

Цена 1 руб.
Индекс 71117


8/1991
ЭКО